С. Т. АКСАКОВЪ

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ"

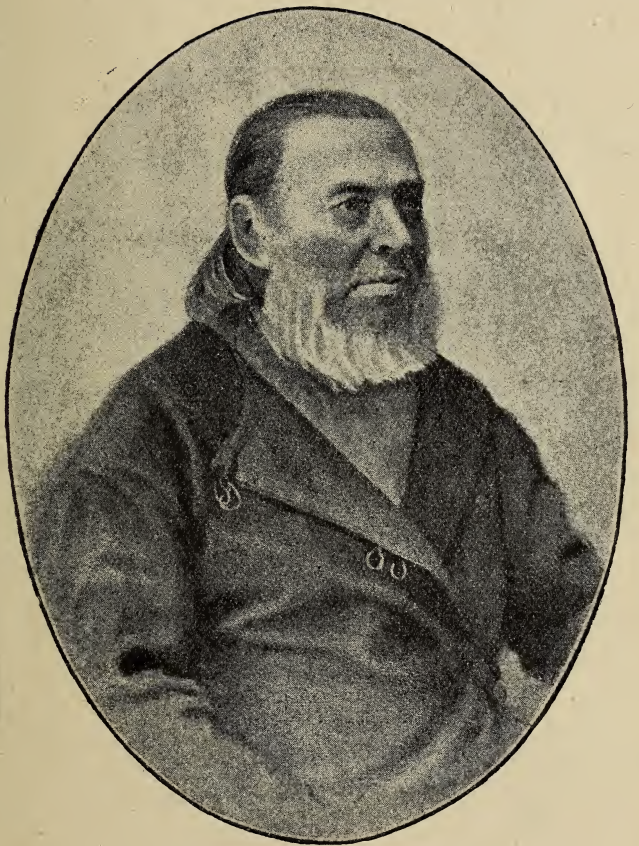
С. Т. АКСАКОВЪ

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

ВѢНА
1922
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ“

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/semeinaiakhronik008800



Сергѣй Аксаковъ

Отъ книгоиздательства „Русь“

Приступая къ изданію „Семейной хроники“ С. Т. Аксакова, мы сочли умѣстнымъ предпослать ей статьи двухъ современниковъ и близкихъ друзей писателя — А. С. Хомякова и М. Н. Лонгинова, а также „Предувѣдомленіе“ его сына, И. С. Аксакова, къ посмертному изданію произведеній его отца.

Эти статьи, написанныя вскорѣ послѣ кончины Сергѣя Тимофеевича близкими ему людьми, согрѣты тѣмъ теплымъ чувствомъ, которое такъ понятно при чтеніи его воспоминаній. Отъ нихъ вѣетъ подлинной красотой здороваго и крѣпкаго русскаго духа.

Въ „Приложеніяхъ“ читатель найдетъ отрывки, тѣсно связанные по своему содержанію съ „Семейной хроникой“.

Два послѣдующіе выпуска будутъ заключать въ себѣ „Дѣтскіе годы Багрова-внука“ и „Воспоминанія о гимназическихъ и университетскихъ годахъ С. Т. Аксакова“.

Всѣ три части, представляя каждая самостоятельный интересъ, служатъ прямымъ продолженіемъ одна другой.

Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ

А. С. Хомякова.

30-го апрѣля (1859 г.) узнала Москва, что умеръ Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ, и съ горестью почувствовала, что лишилась великаго художника. Объ этомъ общемъ и для всѣхъ одинаково доступномъ вопросѣ скажемъ нѣсколько словъ, отстраняя всѣ свои личныя отношенія къ человѣку, котораго мы такъ глубоко и искренне любили и уважали.

Особенности художника принадлежатъ только ему: онѣ составляютъ часть его собственной природы. Критическій анализъ можетъ раскрывать ихъ, оцѣнивать, передавать ихъ въ общее сознаніе, но не можетъ передаватъ ихъ въ пользованіе или собственность кому либо другому, точно такъ же, какъ нельзя созидать другому звукъ голоса, взглядъ и движенія лица, составляющіе чью нибудь собственность. Всему можно отчасти подражать, подъ все это можно до нѣкоторой степени поддѣлываться; но къ чему служатъ такія жалкія поддѣлки? Разумѣется, мы не думаемъ отрицать пользы художественнаго анализа; мы знаемъ, какъ много расширяетъ онъ область мысли, какъ онъ устраняетъ ложныя понятія и усиливаетъ самое художественное наслажденіе; но полагаемъ, что наибольшая польза критики заключается не столько въ разборѣ особенностей художника, сколько въ ясномъ сознаніи его отношеній къ самому художеству. Съ этой стороны по преимуществу наставителенъ примѣръ Сергѣя Тимофеевича Аксакова.

Повидимому, его поприще представляетъ какую то странность почти необъяснимую. Долгая жизнь и — очень короткій срокъ художественной дѣятельности: это дѣятельность не

смолоду, какъ часто бываетъ, но въ лѣтахъ уже близкихъ къ старости, и не мгновенно возбужденная (что также случалось), но мгновенно измѣненная и какъ будто чѣмъ то оплодотворенная послѣ долгихъ и безплодныхъ стремленій.

Съ самой ранней молодости Сергѣй Тимофеевичъ полюбилъ искусство: онъ искренне и съ преданностью служилъ ему и при всемъ томъ ни однимъ произведеніемъ не могъ занять мѣсто сколько нибудь видное въ рядахъ художниковъ слова. На шестомъ десяткѣ сталъ онъ великимъ, всѣми признаннымъ, всѣми оцѣненнымъ художникомъ: что же это? Неужели къ старости развилось воображенье, обыкновенный даръ молодости? быть не можетъ. Или теплота сердечная? опять невозможно, и кромѣ того всѣ, знавшіе С. Т. Аксакова, знаютъ, что этимъ качествомъ онъ отличался всегда, и всегда былъ именно за это качество всѣми любимъ. Или знаніе языка пріобрѣтено имъ поздно? Такого предположенія даже допускать нельзя въ человѣкѣ, который съ самой ранней молодости былъ исполненъ любви къ словесности и весь свой вѣкъ радовался и любовался роднымъ нарѣчіемъ, которое онъ освоилъ во всѣхъ его тонкостяхъ. Чѣмъ же объяснить такое странное явленіе? Оно получаетъ свою разгадку въ самой послѣдовательности произведеній, которыми Сергѣй Тимофеевичъ пріобрѣлъ свое литературное имя.

Первое изъ нихъ: „Записки объ уженьи“; второе: „Записки оренбургскаго охотника“: за ними идутъ другія, по большей части автобіографическія. Допустимъ, что новые анализы художества не остались безплодными для воспріимчиваго чувства и свѣтлаго ума С. Т. Аксакова, что простота формъ Пушкина въ повѣстяхъ и особенно Гоголя, съ которымъ Сергѣй Тимофеевичъ былъ такъ друженъ, подѣйствовала на него: все это могло быть, все это было; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему и не приходило, и не могло прійти въ мысль выбрать уроки, и серьезные уроки рыболовства за предметъ худо-

жественнаго произведенія. Мысль о художествѣ была устранена: онъ отъ нея вовсе освободился. Страстный рыболовъ, лишенный случайностями жизни привычнаго наслажденія, онъ захотѣлъ вспомнить старые годы, прежнія тихія радости, а вслѣдствіе въ высшей степени общительнаго нрава онъ захотѣлъ передать ихъ, объяснить ихъ другимъ, — и написалась книга, книга, о которой авторъ и не мечталъ, чтобы она доставила ему литературную извѣстность. И читатель бралъ ее также добродушно, безъ ожиданія художественнаго наслажденія, а просто въ надеждѣ узнать кое что объ искусствѣ уженья . . . и потомъ, вчитываясь, онъ съ страннымъ удивленіемъ замѣчалъ, что ему все занимательнѣе становился предметъ, заманчивѣе и краснѣе прихоти водяныхъ потоковъ и разливы озеръ и прудовъ, милѣе самыя рыбы, отъ пошлаго пискаря до рѣдкаго лоха. Нашлись люди, которые догадались, что тутъ скрывалось искусство и искусство истинное; большая же часть простыхъ читателей, любителей рыболовства, почувствовала только глубокую благодарность къ автору за полезныя свѣдѣнія и особенно за любовь его къ общей охотѣ. Ихъ благодарственныя письма дышали этимъ чувствомъ простодушной признательности; но литературная извѣстность уже была пріобрѣтена С. Т. Аксаковымъ, который самъ ей удивился. Его слушали, слушали съ удовольствіемъ, съ увлеченіемъ; и самъ онъ далъ свободу своимъ воспоминаніямъ, самъ сталъ увлекаться ими все болѣе и болѣе, чувствуя, что у него и такъ сказать передъ нимъ — не просто холодные читатели, но невидимые и незнакомые, но уже сочувствующіе друзья. Сравнительно тѣсный кругъ воспоминаній рыболова уступилъ мѣсто воспоминаніямъ охотника. Въ нихъ природа русская раскинулась въ чудной красотѣ, и русскій писаный языкъ сдѣлалъ шагъ впередъ, даже послѣ Пушкина и Гоголя. Слава Сергѣя Тимофеевича была упрочена и утверждена навсегда. Потомъ другіе предметы обратили на себя его

дѣятельность; но онъ уже не терялъ того, что пріобрѣлъ. Это безконечно важное пріобрѣтеніе было — свобода отъ художественной преднамѣренности.

Когда С. Т. Аксаковъ перешелъ отъ воспоминаній охотничьихъ къ другимъ — біографическимъ, своимъ ли собственнымъ или чужимъ, но воспринятымъ какъ будто собственныя, онъ сохранилъ ту же простоту, ту же, можно сказать, прямоту въ отношеніи къ предметамъ, ту же добросовѣстность въ воспоминаніяхъ и въ возсозданіи прошедшаго. Снова перечувствовать прошедшее и другимъ разсказать перечувствованное — вотъ его единственная задача: опять мысль о художествѣ остается вовсе въ сторонѣ. Правда, онъ уже зналъ, что такимъ путемъ достигается художественная цѣль, но это значеніе не управляетъ имъ: не къ этой цѣли стремится онъ. Само воспоминаніе, оживающее въ его душѣ, и люди, съ которыми онъ этимъ воспоминаніемъ дѣлится: вотъ его цѣль, и искусство дается ему свободно, какъ будто въ награду за простоту стремленій. Оно приходитъ, какъ приходило къ древнимъ вѣкамъ, не исканное и не сознанное. Въ этомъ то и состоитъ неподражаемая искренность произведеній первоначальной поэзіи и поэзіи народной, искренность, скоро забытая даже міромъ античнымъ, снова отысканная средними вѣками и забытая новымъ. Мысль о художествѣ уничтожаетъ прямоту отношеній между художникомъ и предметомъ его, внося постороннее и отчасти разсудочное начало, разрушительное для внутренней ихъ гармоніи. Великая правда, сознанная Германіею о свободѣ художества, въ Германіи же породила великую ложь — ученіе о свободѣ художника. Напротивъ, художество потому только и свободно, что художникъ подъ неволею. Для него во всякое время только и можетъ быть одинъ предметъ, и относится онъ къ этому предмету всегда именно такъ, а не иначе. Бѣда, если вмѣсто того, чтобъ высказывать это свое искреннее отношеніе, онъ вздумаетъ себя спрашивать: „да хорошо ли,

красиво ли то, что я именно такъ гляжу на свой предметъ?“ Тутъ уже холодъ, актерство, ложь. Просто и искренне вглядывался С. Т. Аксаковъ въ свои воспоминанія, и отъ того то выступали они съ такою свѣтлою истиною, и люди въ его біографическихъ запискахъ и разсказахъ являлись съ такою же полною и неподдѣльною жизнію, съ какою являлась природа въ воспоминаніяхъ охотника. Никогда не лгалъ Сергѣй Тимофеевичъ ни на внѣшніе предметы, ни на свой внутренній міръ, въ которомъ они отражались. Вотъ великое наставленіе, оставленное имъ всѣмъ художникамъ.

Но въ чемъ же состоятъ художественныя стихіи его произведеній? Вопервыхъ, въ языкѣ, въ которомъ едва ли онъ имѣетъ соперника по вѣрности и отчетливостли выраженія и по обороту, вполнѣ русскому и живому. Какъ нестерпимо чувствовать, что перепутываешь имена и называешь одно лицо именемъ другого, какъ невольно роешься въ памяти, чтобы отыскать собственное названіе предмета, которое на время забылъ, такъ для Сергѣя Тимофеевича было нестерпимо употребить невѣрное слово или прилагательное, несвойственное предмету, о которомъ онъ говорилъ, и не выражающее его. Онъ чувствовалъ невѣрность выраженія какъ какую то обиду, нанесенную самому предмету, и какъ какую то неправду въ отношеніи къ своему собственному впечатлѣнію, и успокоивался только тогда, когда находилъ настоящее слово. Разумѣется, онъ находилъ его легко, потому что самое требованіе возникало изъ ясности чувства и изъ сознанія словеснаго богатства. Эта строгость къ собственному слову и, слѣдовательно, къ собственной мысли давала всѣмъ его разсказамъ, всѣмъ его описаніямъ, неподражаемую ясность и наглядность, а картинамъ природы такую вѣрность красокъ и выпуклость очертаній, какой не встрѣтишь ни у кого другого. Едва ли Гоголь не первый призналъ это достоинство и восхищался имъ, прослушавъ первыя, еще ненапечатанныя охотничьи воспоминанія Сергѣя Тимофеевича.

Другая художественная стихія заключается въ его вымыслѣ. Кажется странно говорить о вымыслѣ тамъ, гдѣ пересказывалось все дѣйствительно бывшее; но это только кажется. Происшествія, чувства, рѣчи остаются въ памяти только отрывками. Воспоминаніе возсоздаетъ цѣлое изъ этихъ отрывковъ и восполняетъ все недостающее, все оставшееся въ пробѣлахъ. Тутъ невозможно опредѣлить точныя границы истины и вымысла, вымысла до того невольнаго и часто безсознательнаго, что самъ повѣствователь усомнился бы его назвать вымысломъ. Только глубоко художественное чувство можетъ всегда придавать этой смѣси совершенную гармонію и вносить въ созданіе воображенія, пополняющаго отрывочныя данныя памяти, тотъ характеръ внутренней правды, который не допускаетъ ни малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ читателѣ. Наконецъ послѣдняя и главная стихія художества заключалась въ самой душѣ художника. Безъ сомнѣнія онъ принадлежалъ къ числу писателей, которыхъ по преимуществу называютъ объективными: но полная объективность не принадлежитъ міру искусства; лучше сказать — она вовсе недоступна человѣку. Объективенъ вполнѣ фотографическій станокъ, и никакой живописецъ съ нимъ въ этомъ смыслѣ тягаться не можетъ: но три живописца съ равными дарованіями, списывая одинъ и тотъ же видъ, при совершенно одинакихъ обстоятельствахъ, произведутъ три картины весьма различныя между собою, и всѣ онѣ будутъ ниже фотографическаго снимка: но фотографія бѣдна въ сравненіи съ природою, которой жизни она не передаетъ, а картины достойны самой природы, потому что вносятъ въ нее новую стихію жизни и такъ сказать новую жизнь. Это будетъ природа, прошедшая не черезъ стекло и не черезъ глаза человѣка, а черезъ душу человѣка и принявшая въ себѣ отблескъ души. То самое во всякомъ искусствѣ. С. Т. Аксаковъ живетъ въ своихъ произведеніяхъ: говоритъ ли онъ о свѣтломъ днѣ, вы чувствуете радостную улыбку, отвѣчающую улыбающейся природѣ; го-

воритъ ли онъ о дружеской рукѣ, протянутой къ нему съ привѣтомъ, вы чувствуете, что эта рука подаетъ не холодную руку равнодушнаго, а будетъ встрѣчена теплымъ рукопожатіемъ. А между тѣмъ онъ этого не говоритъ, но онъ самъ весь въ своемъ словѣ, весь съ своей крайней впечатлительностію и правдивою энергіею. Вы слышите рѣчь старца, много пережившаго; вы видите, что волненіе жизни улеглось, и что мысль и чувство лежатъ передъ вами съ своею полною прозрачностью, не возмущая очерка предметовъ, но облекая ихъ какимъ то чуднымъ сіяніемъ. Вы какъ будто слышите этотъ твердый, полнозвучный, мужественный голосъ, который такъ памятенъ его друзьямъ; видите этотъ почтенный образъ мужественнаго старца, согнутаго, но не сломленнаго годами и болѣзнями. Вы не можете знать его твореній, не узнавъ въ то же время его самого; не можете любить ихъ, не полюбивъ его. Тайна его художества въ тайнѣ души, исполненной любви къ міру Божьему и человѣческому. Poëtae nascuntur.

Объ С. Т. Аксаковѣ было сказано въ „Русской Бесѣдѣ“, что онъ первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не отрицательной точки зрѣнія. Это правда, да иначе оно и быть не могло. Жизнь развитого человѣка сопровождается безпрестаннымъ отрицаніемъ: но жизнь коренится и растетъ не въ отрицаніи, началѣ относительномъ и безплодномъ, а въ началахъ положительныхъ — благоволенія и любви. Творенія Сергѣя Тимофеевича — это сама жизнь, разсказывающая про себя. Ложныя притязанія на крѣпость въ отрицаніи бросаютъ охотно тѣнь подозрѣнія на изнѣживающее преобладаніе чувствъ благоволенія. Это обвиненіе ложно: нѣжность души не имѣетъ ничего общаго съ изнѣженностью; она принадлежитъ энергіи, какъ истинная грація не существуетъ безъ внутренней силы. Тѣ, которые знали нашего умершаго художника (а его зналъ всякій, кто прочелъ и понялъ), знаютъ также — лишена ли была душа

его истинной энергіи; тѣ, которые знали о немъ еще болѣе, скажутъ, лишено ли сочности, свѣжести и силы то, что расло и крѣпло подъ его вліяніемъ. Но чувство благоволенія и любви, любви благодарной небу за каждый его свѣтлый лучъ, жизни — за каждую ея улыбку, и всякому доброму человѣку — за всякій его добрый привѣтъ, любви, укрѣплявшей душу противъ доглихъ страданій и умирявшей ее во время этихъ страданій, любви, дошедшей въ послѣдніе дни до духовной радости, высказанной имъ смиренно и вполголоса человѣку, который его глубоко любилъ, но котораго онъ не боялся испугать — это чувство наложило на всѣ произведенія С. Т. Аксакова свою особую печать. Оно то даетъ имъ ихъ несказанную прелесть: оно дѣлаетъ ихъ книгою, отрадною для всѣхъ возрастовъ, отъ юности, собирающей свои силы, чтобы схватиться съ жизнію, до старости, ищущей душевнаго покоя, чтобы отдохнуть отъ нея.

Честь его имени, украшающему русскую словесность! Миръ его праху, много и горько оплаканному!

1859 г.

Воспоминаніе
о
Сергѣѣ Тимофеевичѣ Аксаковѣ

М. Н. Лонгинова.

30-го апрѣля (1859 г.), въ 3-мъ часу по полуночи, скончался патріархъ нашей литературы, Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. Долговременная, мучительная болѣзнь его была извѣстна всѣмъ и оставляла мало надежды на его выздоровленіе, но, несмотря на то, какъ то не хотѣлось вѣрить, что все уже кончено, что не стало человѣка, который съ такою энергіею воли боролся такъ долго съ страданіями физическими; не хотѣлось вѣрить, что прервалась жизнь, драгоцѣнная не для одной его семьи, не для однихъ его друзей, но для всякаго, кому дороги русская мысль и русское слово.

С. Т. Аксаковъ родился въ Уфѣ 20-го сентября 1791 года. Въ концѣ 1799 года онъ поступилъ въ Казанскую гимназію и оттуда перешелъ студентомъ въ Казанскій университетъ при самомъ его основаніи, въ концѣ 1804 года. Окончивъ курсъ въ 1807 году, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и служилъ до 1812 года въ комиссіи составленія законовъ. Съ 1812 по 1826 годъ онъ жилъ въ оренбургской деревнѣ, пріѣзжая по временамъ въ Петербургъ и Москву, гдѣ жили многіе изъ друзей его, а съ 1816 года онъ сдѣлался окончательно московскимъ жителемъ. Здѣсь, въ Москвѣ, провелъ онъ болѣе тридцати лѣтъ своей жизни, здѣсь въ короткое время составилъ онъ себѣ своими сочиненіями общую извѣстность, здѣсь пріобрѣлъ онъ многочисленныхъ друзей, и горячо любилъ онъ Москву, гдѣ его окружали общая любовь и уваженіе.

Литературное поприще и авторская извѣстность Аксакова представляютъ собой что то чрезвычайно оригинальное и рѣдкое. Страсть къ чтенію и ученію была ему внушена съ дѣтскихъ лѣтъ матерью, женщиной высокаго ума и замѣчательнаго образованія. Первые его литературные опыты относятся еще ко времени пребыванія въ гимназіи и университетѣ; но преобладающею его страстью было драматическое искусство. Занимаясь имъ постоянно и усердно пользуясь наставленіями мастеровъ этого дѣла, онъ достигъ высокой степени совершенства въ чтеніи и былъ однимъ изъ лучшихъ актеровъ-любителей и чтецовъ, какихъ только можно представить. Смолоду онъ былъ большимъ поклонникомъ Шишкова. Театральныя знакомства еще въ то время свели его съ міромъ литературнымъ: первая болѣе серьезная попытка его на авторскомъ поприщѣ имѣла цѣль чисто сценическую. Мы говоримъ о переводѣ Лагарпова *Филоктета* (М. 1815), предпринятомъ для прощальнаго бенефиса Шушерина. Послѣ того Аксаковъ помѣщалъ стихи и статьи въ прозѣ въ *Вѣстникѣ Европы* перевелъ 10-ую сатиру Буало (М. 1821), но все это не было исключительнымъ для него занятіемъ и ничѣмъ не отличалось отъ уровня тогдашней посредственности, наводнявшей старинные журналы. Позднѣе Аксаковъ также проводилъ время въ кругу, преимущественно посвятившемъ себя театру, а не собственно литературѣ, въ обществѣ Шаховскаго, Загоскина, Кокошкина, Писарева. Критическія статьи его въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и потомъ въ *Молвѣ* также имѣли предметомъ болѣе театръ, чѣмъ литературныя произведенія. Кромѣ того когда то онъ перевелъ для сцены *Школу мужей* и *Скупого* Мольера, но комедіи эти напечатаны не были. Словомъ, до 40-хъ годовъ ничего не предвѣщало въ немъ того истиннаго художника, того превосходнаго стилиста, какимъ явился онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и какимъ оставался до конца своей жизни, когда никакія тяжкія стра-

данія не могли охладить въ немъ живости поэтическаго призванія.

Первый, кто оцѣнилъ и полюбилъ новое направленіе таланта Аксакова, былъ другъ его Гоголь, восхищавшійся отрывками изъ его *Хроники* въ рукописи, когда высокое вдохновеніе, посѣтившее автора, было еще тайной для публики. Начало *Семейной хроники* было помѣщено въ *Московскомъ Сборникѣ* 1846 года и обратило тогда же на себя вниманіе нѣкоторыхъ знатоковъ дѣла. Но публика познакомилась съ истиннымъ талантомъ Аксакова только при появленіи *Записокъ объ уженіи рыбы* (М. 1847). Живость описаній природы и прелесть разсказа въ этой книгѣ не могли не поразить читателей и были причиной того, что, несмотря на спеціальность предмета, она имѣетъ постоянный успѣхъ и съ тѣхъ поръ имѣла еще два изданія (М. 1854 и 1856). Второе сочиненіе Аксакова было тоже спеціальное, это *Записки ружейнаго охотника оренбургской губерніи* (М. 1852), вскорѣ вышедшія вторымъ изданіемъ (М. 1852), а черезъ нѣсколько лѣтъ третьимъ (М. 1857). Тутъ было для художника болѣе простора: царство птицъ со всѣмъ разнообразіемъ наружнаго ихъ вида, привычекъ, особенностей; лѣса, степи, озера, болота, ими обитаемыя; весь этотъ малоизвѣстный и поэтическій міръ ожилъ подъ перомъ Аксакова, какъ бы какимъ то волшебствомъ. Читая его увлекательную книгу, вы постигали тайны этого міра, чувствовали, что онъ оживленъ передъ вами человѣкомъ, который съ нимъ сжился и знаетъ его не по одному изученію и наблюденію, но и при помощи того поэтическаго пониманія природы, которое дается въ удѣлъ немногимъ. Третья книга Аксакова также говорила объ охотахъ разнаго рода: это *Разсказы и воспоминанія охотника* (М. 1855). Она появилась въ то время, когда имя автора уже было достаточнымъ ручательствомъ за успѣхъ въ публикѣ, которая нашла

въ ней тѣ высокія достоинства, какія была вправѣ ожидать, и раскупила ее такъ, что черезъ годъ потребовалось новое изданіе (М. 1856).

Между тѣмъ, во время появленія названныхъ нами книгъ, стали печататься въ *Москвитянинѣ* статьи Аксакова въ другомъ родѣ, который у насъ долженъ былъ сдѣлатся также какъ бы исключительнымъ его достояніемъ, новою областію, завоеванною имъ по неоспоримому праву таланта и своебытности. Рядъ этихъ произведеній начался *Біографіей Загоскина* (Москвит. 1853) и статьею *Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ* (Москвит. 1854). Родъ этихъ произведеній есть какой то особый родъ разсказовъ, гдѣ собственныя воспоминанія и впечатлѣнія автора такъ тѣсно связаны съ изображеніями личностей и происшествій, которыя онъ описываетъ, что трудно опредѣлить, то ли или другое преобладаетъ въ разсказѣ, представляющемъ такимъ образомъ удивительную соразмѣрность частей, рѣдкую художественную цѣльность и гармонію. Эта изумительная способность сливаться съ избраннымъ предметомъ, истиннымъ или вымышленнымъ, но такимъ образомъ, что читатель, чувствуя постоянное присутствіе художника, не можетъ провести рѣзкую границу между тѣмъ, гдѣ кончается истина и гдѣ начинается творчество фантазіи, составляетъ особенность таланта и прелесть произведеній Аксакова. Неудивительно, что при такой оригинальности и силѣ дарованія творенія его, написанныя чуднымъ русскимъ языкомъ, согрѣтыя теплотой чувства, проникнутыя благородными свѣтлыми мыслями, выражающія какую то младенческую ясность души, сдѣлались драгоцѣнными всему читающему міру. Торжествомъ его таланта было появленіе *Семейной хроники и воспоминаній* (М. 1856). Мы не будемъ распространяться объ огромномъ успѣхѣ этого превосходнаго произведенія: оно въ памяти у всѣхъ; въ нѣсколько мѣсяцевъ не осталось въ продажѣ ни одного экземпляра и по-

требовалось новое изданіе. Послѣ выхода *Хроники,* Аксаковъ издалъ *Дѣтскіе годы Багрова-внука* (М. 1858) и помѣщалъ въ журналахъ рядъ статей подъ заглавіемъ *Литературныя и театральныя воспоминанія,* которыя съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ другихъ вышли въ свѣтъ отдѣльною книгою, названной *Разныя сочиненія* (М. 1858). Въ *Русской бесѣдѣ* (1859, кн. I) помѣщена *Встрѣча съ мартинистами,* послѣдняя статья его, напечатанная при его жизни.

Послѣднія сочиненія Аксакова писаны въ промежуткахъ тяжелыхъ болѣзненныхъ припадковъ, обратившихся въ жестокую хроническую болѣзнь, которая прекратила его прекрасную жизнь. Нельзя не изумляться силѣ его духа, нельзя не умилятся передъ его покорностію волѣ провидѣнія; читая эти страницы, въ нихъ видишь ту же ясность души, то же величавое спокойствіе художника, которыми отличался онъ и прежде. Многіе не могли не быть тронутыми, слушая, какъ старшій сынъ его, за мѣсяцъ до его кончины, читалъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности отрывокъ изъ повѣсти своего умирающаго отца, вѣрнаго своему поэтическому призванію на смертномъ одрѣ, въ предсмертныхъ мученіяхъ привѣтствующаго еще съ прощальною улыбкою молодость, любовь, весну, природу — все, чѣмъ красенъ Божій міръ, что такъ зналъ и любилъ тотъ, про кого можно сказать съ поэтомъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ.

Мы сказали уже, что въ произведеніяхъ Аксакова трудно провести границу между истиною и вымысломъ. Вообще онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ почти невозможно отличить писателя отъ человѣка. И какъ писатель, и какъ человѣкъ, онъ былъ одинаково чтимъ и любимъ всѣми, хоть сколько нибудь знавшими его. Какъ ни превосходны его произведенія, но не будь авторомъ ихъ такой *человѣкъ,* едва ли бы достигъ этотъ авторъ того почета, который выражался

ему въ литературѣ при всякомъ случаѣ. Во всякомъ литературномъ собраніи вспоминали о немъ о первомъ; всякое литературное предпріятіе дорожило его мнѣніемъ; всякій литераторъ считалъ и долгомъ, и удовольствіемъ быть у него, только что пріѣдетъ въ Москву; лучшіе писатели обращались къ нему, какъ къ безпристрастнѣйшему судьѣ. Благородство чувствъ и помысловъ, участіе ко всему благому и честному, неподкупная правдивость, сердечное радушіе, готовность ободрить всякій благородный трудъ, отчужденіе отъ всякой исключительности и духа партій, жизнь безупречная, всегда согласная въ поступкахъ съ словами, безпредѣльная доброта, — вотъ что влекло къ нему можетъ быть болѣе, чѣмъ его авторскія дарованія, вотъ отчего съ нимъ бывало такъ легко, такъ привольно сердцу съ первой съ нимъ встрѣчи. Онъ былъ гордостью нашей литературы и по своимъ сочиненіямъ, и по личному характеру; онъ былъ украшеніемъ русскаго общества, какъ одинъ изъ благороднѣйшихъ его представителей. Какъ христіанинъ, какъ гражданинъ, какъ семьянинъ, какъ человѣкъ — онъ можетъ служить образцомъ настоящаго русскаго человѣка, въ лучшемъ и высокомъ его значеніи.

Около полутора года длилась послѣдняя болѣзнь Аксакова, переносившаго ее съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ. Когда прошедшею осенью онъ переѣхалъ съ дачи во вновь нанятый для него домъ на Кисловкѣ, онъ спросилъ: „Какая у насъ приходская церковь?“ Ему отвѣчали: „Бориса и Глѣба“. „Въ этомъ домѣ я и умру,“ сказалъ онъ, „въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева, тутъ и меня будутъ отпѣвать.“ Предчувствіе не обмануло его.

Въ воскресенье, 3-го мая, церковь Св. Бориса и Глѣба наполнилась множествомъ народа; многочисленные друзья покойнаго, почти всѣ здѣшніе литераторы и ученые, наконецъ люди всѣхъ званій пришли проститься съ бездыханнымъ тѣ-

ломъ, которое оживлялъ безсмертный духъ, оставившій неизгладимые и благотворные слѣды посѣщенія своего въ здѣшнемъ мірѣ. Всѣ прощались съ чѣмъ то роднымъ, дорогимъ сердцу. Гробъ Аксакова на рукахъ былъ принесенъ въ Симоновъ монастырь и внесенъ въ ворота при пѣніи торжественной пѣсни: „Христосъ Воскресе!“ Весеннее солнце освѣщало едва зазеленѣвшія деревья и поля; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны, оживляющей природу, съ обновленіемъ которой скрылся отъ насъ навѣкъ тотъ, кто такъ умѣлъ любить и понимать чудную красоту великаго Божьяго міра.

Могила Аксакова находится недалеко отъ восточной стѣны трапезы Никольской церкви Симонова монастыря. Въ нѣсколькихъ шагахъ лѣвѣе похороненъ поэтъ Веневитиновъ, могилѣ котораго приходили поклониться многіе изъ бывшихъ на похоронахъ Аксакова.

Такая общая скорбь, какая выказалась на похоронахъ Аксакова, лучше всякихъ похвальныхъ словъ. Дай Богъ всякому, кончивъ жизненный путь, оставить по себѣ такое чистое имя, такую добрую славу и столькихъ людей, которые бы такъ искренне повторяли: „вѣчная память!“

1859 г.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Предисловія Сергѣя Тимофеевича Аксакова.

Къ первому изданію.

Считаю за нужное предувѣдомить благосклонныхъ моихъ читателей, что отрывки изъ „Семейной хроники“ написаны мною по разсказамъ семейства гг. Багровыхъ, близкихъ моихъ сосѣдей, и что эти отрывки не имѣютъ ничего общаго съ собственными моими „Воспоминаніями“, кромѣ сходства въ названіи мѣстностей и въ нѣкоторыхъ именахъ, данныхъ мною произвольно. Печатая эту книгу, я очень жалѣю, что не могъ представить ее публикѣ въ полномъ составѣ. Половина „Семейной хроники“ не могла быть напечатана, да и „Воспоминанія“ много сокращены самимъ мною.

1856 г.

Ко второму изданію.

Печатая книгу мою вторымъ изданіемъ съ прибавленіемъ двухъ новыхъ отрывковъ „Семейной хроники“, я также считаю за нужное предувѣдомить благосклонныхъ моихъ читателей, что отрывки изъ „Семейной хроники“ написаны мною по разсказамъ семейства гг. Багровыхъ, близкихъ моихъ сосѣдей, и что эти отрывки не имѣютъ ничего общаго съ собственными моими „Воспоминаніями“, кромѣ сходства въ названіи мѣстностей и въ нѣкоторыхъ именахъ, данныхъ мною произвольно.

Нѣкоторымъ изъ гг. моихъ рецензентовъ, преимущественно пишущихъ въ газетахъ, неугодно было уважить моего предупрежденія, ясно изложеннаго въ предыдущихъ строкахъ. Я былъ непріятно изумленъ такимъ нарушеніемъ вездѣ принятаго приличія, оскорбительнымъ и для общества, и для сочинителя: ласкаю себя надеждою, что оно не повторится.

1859 г.

Предувѣдомленіе И. С. Аксакова къ посмертному изданію.

Книга, извѣстная подъ общимъ названіемъ „Семейной хроники“, дѣлится на двѣ части: первая состоитъ изъ пяти отрывковъ „Хроники семейства Багровыхъ“; вторая — изъ личныхъ воспоминаній С. Т. Аксакова о годахъ воспитанія и первой молодости. Во всѣхъ трехъ предшествовавшихъ изданіяхъ печаталось обращеніе автора къ читателямъ, въ которомъ онъ предувѣдомлялъ ихъ, что отрывки изъ „Хроники семейства Богровыхъ, близкихъ его сосѣдей, не имѣютъ ничего общаго, съ собственными его „Воспоминаніями“, кромѣ сходства въ названіи мѣстностей и въ нѣкоторыхъ именахъ, данныхъ имъ произвольно“. Такое предувѣдомленіе было въ то время нужно не потому, чтобы авторъ полагалъ возможнымъ увѣрить читателей въ отсутствіи тождества обоихъ названій Багровыхъ и Аксаковыхъ, Куролесовыхъ и Куроѣдовыхъ и проч., — а потому, что такимъ способомъ авторъ надѣялся прекратить толки и пересуды, непріятные для родственнаго чувства многихъ тогда еще живыхъ членовъ этихъ семействъ; надѣялся удержать журнальную критику въ предѣлахъ чистой литературной оцѣнки выставленныхъ имъ характеровъ и типовъ, безъ всякаго нескромнаго разоблаченія тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли, конечно, подразумѣваться, но которымъ еще не пришло время выступить гласно наружу.

Но теперь, когда уже протекло десять лѣтъ со дня кончины автора, когда и другихъ многихъ, близкихъ родственниковъ уже нѣтъ, и описываемыя имъ событія еще глубже

ушли въ историческую даль — теперь нѣтъ никакой надобности скрывать то, что и прежде подразумѣвалось, и что, будучи обнаруженнымъ и признаннымъ, способно придать всей книгѣ, сверхъ ея художественнаго достоинства, еще новое, положительное достоинство живой несомнѣнной правды, значеніе важнаго матеріала для исторіи русскаго общества. Одни и тѣ же лица выступаютъ и въ „Отрывкахъ изъ семейной хроники“, и въ „Воспоминаніяхъ“, и читатель можетъ, не смущаясь прежнимъ „Предувѣдомленіемъ“, слѣдить развитіе характеровъ и составить себѣ цѣльную картину семейнаго быта по обѣимъ частямъ книги, почти за три четверти вѣка тому назадъ. Мы однако же сохранили въ отрывкахъ изъ „Семейной хроники“ прежнія вымышленныя названія, такъ какъ они уже получили извѣстность и нѣкоторое право гражданства въ русской литературѣ, — но объяснили въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ настоящія имена какъ мѣстностей, такъ и лицъ. Во второй части, т. е. въ „Воспоминаніяхъ“ мы вездѣ, гдѣ было можно, возстановили полныя имена вмѣсто начальныхъ буквъ, и пополнили эту часть разсказомъ изъ студентской жизни автора: „Собираніе бабочекъ“; этотъ разсказъ, хотя и былъ напечатанъ въ 1859 г. въ альманахѣ или сборникѣ „Братчина“ (изданномъ бывшими студентами Казанскаго университета), но публикѣ почти не извѣстенъ. Въ разсказѣ о Куролесовѣ (или Куроѣдовѣ) мы добавили изъ подлинной рукописи подробности объ его смерти, опущенныя авторомъ при первомъ изданіи, ввиду цензурныхъ придирокъ того времени.

Въ концѣ книги приложенъ нами небольшой „Очеркъ зимняго дня“ [1]), самое послѣднее литературное произведеніе автора, диктованное имъ на одрѣ мучительной болѣзни, за четыре мѣсяца до кончины, послѣдовавшей 30-го апрѣля 1859 года.

---

[1]) Въ настоящемъ изданіи этотъ очеркъ отнесенъ въ приложенія.

Оно было написано для газеты „Русскій Дневникъ", издававшейся также бывшимъ студентомъ Казанскаго университета, извѣстнымъ писателемъ П. И. Мельниковымъ, и помѣщено въ первомъ номерѣ этой газеты, чрезъ полгода прекратившейся и имѣвшей, кажется, очень ограниченный кругъ читателей. Хотя этотъ „Зимній день" не состоитъ въ связи съ „Воспоминаніями", однакожъ, думаемъ, никто не посѣтуетъ на насъ за помѣщеніе этого художественнаго очерка, такъ какъ разныя обстоятельства не позволяютъ еще предпринять полное изданіе сочиненій С. Т. Аксакова, гдѣ ему было бы настоящее мѣсто.

1870 г.

Первый отрывокъ изъ семейной хроники.

Степанъ Михайловичъ Багровъ.

Переселеніе.

Тѣсно стало моему дѣдушкѣ жить въ Симбирской губерніи, въ родовой вотчинѣ своей, жалованной предкамъ его отъ царей московскихъ; тѣсно стало ему, не потому, чтобъ въ самомъ дѣлѣ было тѣсно, чтобъ недоставало лѣсу, пашни, луговъ и другихъ угодьевъ, — всего находилось въ излишествѣ, а потому, что отчина, вполнѣ еще прадѣду его принадлежавшая, сдѣлалась разнопомѣстною. Событіе совершилось очень просто: три поколѣнія сряду въ роду его было по одному сыну и по нѣскольку дочерей; нѣкоторыя изъ нихъ выходили замужъ, и въ приданое имъ отдавали часть крестьянъ и часть земли. Части ихъ были небольшія, но уже четверо чужихъ хозяевъ имѣли право на общее владѣніе неразмежеванною землею, — и дѣдушкѣ моему, нетерпѣливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашнія кляузы, сдѣлалась такая жизнь несносною. Съ нѣкотораго времени сталъ онъ часто слышать объ Уфимскомъ намѣстничествѣ, о неизмѣримомъ пространствѣ земель, угодьяхъ, привольяхъ, неописанномъ изобиліи дичи и рыбы, и всѣхъ плодовъ земныхъ, о легкомъ способѣ пріобрѣтать цѣлыя области за самыя ничтожныя деньги: носились слухи, что стоило только позвать къ себѣ въ гости десятокъ *родичей отчинниковъ* Картобынской или

Кармалинской тюбы[1]), дать имъ два-три жирныхъ барана, которыхъ они по своему зарѣжутъ и приготовятъ, поставить ведро вина, да нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду, да лагунъ корчажнаго крестьянскаго пива, такъ и дѣло въ шляпѣ: неоспоримое доказательство, что башкирцы были не строгіе магометане и въ старину. Говорили, правда, что такое угощеніе продолжалось иногда недѣлю и двѣ: да съ башкирцами и нельзя вдругъ толковать о дѣлѣ, и надо всякій день спрашивать: „А что, знакомъ, добрый человѣкъ, давай говорить объ мой дѣла?“[2]) Если гости, ѣвшіе и пившіе, буквально день и ночь, еще не вполнѣ довольны угощеніемъ, не вполнѣ напѣлись своихъ монотонныхъ пѣсенъ, наигрались на чебызгахъ[3]), наплясались, стоя и присѣдая на одномъ мѣстѣ въ самыхъ каррикатурныхъ положеніяхъ, то старшій изъ родичей, пощелкавши языкомъ, покачавъ головой и не смотря въ лицо спрашивающему, съ важностью скажетъ въ отвѣтъ: „Пора не пришелъ — еще баранъ тащи“. Барана, разумѣется, притащатъ, вина, меду нальютъ, и вновь пьяные башкирцы поютъ, пляшутъ и спятъ, гдѣ ни попало ... Но всему въ мірѣ есть конецъ; придетъ день, въ который родичъ скажетъ, уже прямо смотря въ глаза спрашивающему: „Ай, бачка, спасибо, больно спасибо! Ну что, какой твой нужда?“ Тутъ, какъ водится, съ природною русскому человѣку ловкостью и плутовствомъ, покупщикъ начнетъ увѣрять башкирца, что нужды

---

[1]) Тюба — волость.

[2]) Русскіе обитатели Оренбургской губерніи до сихъ поръ, говоря съ башкирцами, стараются точно такъ же ломать русскую рѣчь, какъ и сами башкирцы.

[3]) Чебызга — дудка, которую башкирецъ беретъ въ ротъ какъ кларнетъ и, перебирая лады пальцами, играетъ на ней двойными тонами, такъ что вы слышите въ одно и то же время какихъ то два разныхъ инструмента. Мнѣ сказывали музыканты, что чебызга чудное явленіе въ мірѣ духовыхъ инструментовъ.

у него никакой нѣтъ, а наслышался онъ, что башкирцы больно добрые люди, а потому и пріѣхалъ въ Уфимское намѣстничество и захотѣлъ съ ними дружбу завести и проч. и проч., потомъ рѣчь дойдетъ нечаянно до необъятнаго количества башкирскихъ земель, до неблагонадежности припущенниковъ[1]), которые годъ-другой заплатятъ деньги, а тамъ и платить перестанутъ, да и останутся даромъ жить на ихъ земляхъ, какъ настоящіе хозяева, а тамъ и согнать ихъ не смѣешь и надо съ ними судиться; за такими рѣчами (сбывшимися съ поразительною точностью) послѣдуетъ обязательное предложеніе избавить добрыхъ башкирцевъ отъ нѣкоторой части обременяющихъ ихъ земель . . . и за самую ничтожную сумму покупаются цѣлыя области и заключаютъ договоръ судебнымъ порядкомъ, въ которомъ, разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ количества земли: ибо кто же ее мѣрилъ? Обыкновенно границы обозначаются урочищами, напримѣръ, вотъ такъ: „отъ устья рѣчки Конлыелга до сухой березы на волчьей тропѣ, а отъ сухой березы прямо на Общій Сыртъ, а отъ Общаго Сырта до лисьихъ норъ, отъ лисьихъ норъ до Солтамраткиной борти“ и прочее. Въ такихъ точныхъ и неизмѣнныхъ межахъ и урочищахъ заключалось иногда десять, двадцать и тридцать тысячъ десятинъ земли! И за все это платилось какихъ нибудь сто рублей (разумѣется, цѣлковыми), да на сто рублей подарками, не считая частныхъ угощеній. Полюбились

[1]) Припущенниками называются тѣ, которые за извѣстную ежегодную или единовременную плату, по заключенному договору на извѣстное число лѣтъ, живутъ на башкирскихъ земляхъ. Почти ни одна деревня припущенниковъ, по окончаніи договорнаго срока, не оставила земель башкирскихъ; изъ этого завелись сотни дѣлъ, которыя обыкновенно оканчиваются тѣмъ, что припущенники оставляются на мѣстахъ своего жительства съ нарѣзкой имъ пятнадцатидесятинной пропорціи на каждую ревизскую душу по пятой ревизіи . . . и вотъ какъ перешло огромное количество земель Оренбургской губерніи въ собственность татаръ, мещеряковъ, чувашъ, мордвы и другихъ казенныхъ поселянъ.

дѣдушкѣ моему такіе разсказы; и хотя онъ былъ человѣкъ самой строгой справедливости, и ему не нравилось надуванье добродушныхъ башкирцевъ, но онъ разсудилъ, что не дѣло дурно, а способъ его исполненія, и что, поступя честно, можно купить обширную землю за сходную плату, что можно перевесть туда половину родовыхъ своихъ крестьянъ и переѣхать самому съ семействомъ, то есть, достигнуть главной цѣли своего намѣренія: ибо съ нѣкотораго времени до того надоѣли ему безпрестанныя ссоры съ мелкопомѣстными своими родственниками за общее владѣніе землей, что бросить свое родимое пепелище, гнѣздо своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сдѣлалось любимою его мыслью, единственнымъ путемъ къ спокойной жизни, которую онъ, человѣкъ уже не молодой, предпочиталъ всему.

Итакъ, накопивши нѣсколько тысячъ рублей, простившись съ своей супругою, которую звалъ Аришей, когда былъ веселъ, и Ариной, когда бывалъ сердитъ; поцѣловавъ и благословивъ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и особенно новорожденнаго сына, единственную отрасль и надежду старинnаго дворянскаго своего дома, ибо дочерей считалъ онъ ни за что: „что въ нихъ проку! вѣдь онѣ глядятъ не въ домъ, а изъ дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда—Алексѣй“ ... сказалъ на прощанье мой дѣдушка, и отправился за Волгу въ Уфимское намѣстничество.

Но не сказать ли вамъ напередъ, что за человѣкъ былъ мой дѣдушка?

Степанъ Михайловичъ Багровъ [1]), такъ звали его, былъ не только средняго, а даже небольшого роста; но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистыя руки, камен-

---

[1]) Т. е. Степанъ Михайловичъ Аксаковъ. Сынъ его назывался не Алексѣемъ, а Тимофеемъ (отецъ автора Семейной хроники). *И. А.*

ное, мускулистое тѣло, обличали въ немъ силача. Въ разгульной юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищей, на него нацѣплявшихся, стряхивалъ онъ, какъ брызги воды стряхиваетъ съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачнетъ вѣтеръ. Правильныя черты лица, прекрасные большіе темно-голубые глаза, легко загоравшіеся гнѣвомъ, но тихіе и кроткіе въ часы душевнаго спокойствія, густыя брови, пріятный ротъ, — все это вмѣстѣ придавало самое открытое и честное выраженіе его лицу; волосы у него были русые. Не было человѣка, кто бы ему не вѣрилъ; его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ. Природный умъ его былъ здравъ и свѣтелъ. Разумѣется, при общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помѣщиковъ, и онъ не получилъ никакого образованія, русскую грамматику зналъ плохо; но служа въ полку, еще до офицерскаго чина, выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости. Вѣроятно, онъ служилъ не очень долго, ибо вышелъ въ отставку какимъ то полковымъ квартирмейстеромъ. Впрочемъ, тогда дворяне долго служили въ солдатскомъ и унтеръ-офицерскомъ званіяхъ, если не проходили ихъ въ колыбели и не падали всѣмъ на голову изъ сержантовъ гвардіи капитанами въ армейскіе полки. О служебномъ поприщѣ Степана Михайловича я мало знаю: слышалъ только, что онъ бывалъ часто употребляемъ для поимки волжскихъ разбойниковъ и что всегда оказывалъ благоразумную распорядительность и безумную храбрость въ исполненіи своихъ распоряженій; что разбойники знали его въ лицо и боялись, какъ огня. Вышедъ въ отставку, нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Троицкомъ, Багрово тожъ [1]), и сдѣлался отлич-

[1]) Троицкое, Аксаково тожъ, или Старое Аксаково (Симбирской губерніи), принадлежитъ нынѣ племяннику автора Семейной хроники, одному изъ сыновей его меньшого брата Аркадія. *И. А.*

нымъ хозяиномъ. Онъ не торчалъ день и ночь при крестьянскихъ работахъ, не стоялъ часовымъ при ссыпкѣ и отпускѣ хлѣба: смотрѣлъ рѣдко, да мѣтко, какъ говорятъ русскіе люди, и, ужъ прошу не прогнѣваться, если замѣчалъ что дурное, особенно обманъ, то уже не спускалъ никому. Дѣдушка, сообразно духу своего времени, разсуждалъ по своему; наказать виноватаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни, — значитъ вредить его благосостоянію, то есть, своему собственному; наказать денежнымъ взысканіемъ — то же; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую вотчину, употребить въ тяжелую работу — то же, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства — несомнѣнная порча; прибѣгнуть къ полиціи . . . Боже помилуй! да это казалось такимъ срамомъ и стыдомъ, что вся деревня принялась бы выть по виноватомъ, какъ по мертвомъ, а наказанный счелъ бы себя опозореннымъ, погибшимъ. Да и надо сказать, что дѣдушка мой былъ строгъ только въ пылу гнѣва: прошелъ гнѣвъ, прошла и вина. Этимъ пользовались: иногда виноватый успѣвалъ спрятаться, и гроза проходила мимо. Скоро крестьяне его пришли въ такое положеніе, что было не на кого и не за что разсердиться.

Приведя въ порядокъ свое хозяйство, дѣдушка мой женился на Аринѣ Васильевнѣ Неклюдовой, небогатой дѣвицѣ, также изъ стариннаго дворянскаго дома. При этомъ случаѣ кстати объяснить, что древность дворянскаго происхожденія была конькомъ моего дѣдушки, и хотя у него было 180 душъ крестьянъ, но, производя свой родъ, Богъ знаетъ по какимъ документамъ, отъ какого то варяжскаго князя, онъ ставилъ свое семисотлѣтнее дворянство выше всякаго богатства и чиновъ. Онъ не женился на одной весьма богатой и прекрасной невѣстѣ, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадѣдушка ея былъ не дворянинъ.

Итакъ, вотъ каковъ былъ Степанъ Михайловичъ; теперь возвратимся къ прерванному разсказу.

Переправившись черезъ Волгу подъ Симбирскомъ, дѣдушка перебилъ поперекъ степную ея сторону, называемую луговою, переѣхалъ Черемшанъ, Кандурчу, черезъ Красное поселеніе, слободу селившихся тогда отставныхъ солдатъ, пріѣхалъ въ Сергіевскъ, стоящій на горѣ, при впаденіи рѣки Сургута въ Большой Сокъ. Сергіевскъ нынѣ заштатный городъ, давшій свое имя находящимся въ 12 верстахъ отъ него сѣрнымъ источникамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ. Чѣмъ дальше углублялся дѣдушка въ Уфимское намѣстничество, тѣмъ привольнѣе, изобильнѣе становились мѣста. Наконецъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, около Абдуловскаго казеннаго виннаго завода, показались лѣса. Въ уѣздномъ городѣ Бугурусланѣ, расположенномъ на высокой горѣ, надъ рѣкою Большой Кинель, про которую долго пѣвалась пѣсня:

Кинель-рѣка
Не быстра, глубока,
Только тиниста —

въ Бугурусланѣ остановился Степанъ Михайловичъ, чтобъ поразспросить и поразузнать поближе о продающихся земляхъ. Въ этомъ уѣздѣ уже мало оставалось земель, принадлежащихъ башкирцамъ: всѣ заселялись или казенными крестьянами, которымъ правительство успѣло раздать земли, описанныя въ казну за Акаевскій бунтъ, прежде всеобщаго прощенія и возвращенія земель отченникамъ—башкирцамъ, или были уже заселены ихъ собственными припущенниками, или куплены разными помѣщиками. Изъ Бугуруслана дѣдушка дѣлалъ поѣздки въ Бугульминскій, Бирскій и Мензелинскій уѣзды (изъ нѣкоторыхъ частей двухъ послѣднихъ составленъ нынѣ новый Белебеевскій уѣздъ); побывалъ онъ на прекрасныхъ берегахъ Ика и Демы. Мѣста очаровательныя! И въ старости Степанъ Михайловичъ съ восторгомъ вспоминалъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него изобильными, плодоносными

окрестностями этихъ рѣкъ; но онъ не поддался обольщенію и, узнавъ покороче на мѣстѣ, что покупка башкирскихъ земель неминуемо поведетъ за собою безконечные споры и тяжбы, ибо хозяева сами хорошенько не знали правъ своихъ и числа настоящихъ отченниковъ, — дѣдушка мой, ненавидящій и боявшійся, какъ язвы, слова тяжбы, рѣшился купить землю, прежде купленную другимъ владѣльцемъ, *справленную и отказанную за него* судебнымъ порядкомъ, предполагая, что тутъ уже не можетъ быть никакого спора. Казалось, что сужденіе его было справедливо, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое, и меньшой внукъ его, уже будучи сорока лѣтъ, покончилъ послѣдній споръ. Съ сожалѣніемъ воротился съ береговъ Ика и Демы дѣдушка мой въ Бугурусланъ, и въ двадцатипяти верстахъ отъ него купилъ землю у помѣщицы Грязевой по рѣчкѣ Большой Бугурусланъ, быстрой, глубокой и многоводной. На сорокъ верстъ протяженія, отъ города Бугуруслана до казеннаго селенія Красный Яръ, оба берега его были не заселены: что за угодье, что за приволье было тогда на этихъ берегахъ! Вода такая чистая, что даже въ омутахъ, сажени въ двѣ глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную мѣдную денежку! Мѣстами расла густая *урема*[1]) изъ березы, осины, рябины, калины, черемухи и чернотала, вся переплетенная зелеными гирляндами хмеля и обвѣшанная палевыми кистями его шишекъ; мѣстами расла тучная высокая трава съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, надъ которыми возносили верхи свои душистая кашка, татарское мыло (боярская спесь), скорлазубецъ (царскія кудри) и кошачья трава (валеріана). Бугурусланъ течетъ по долинѣ; по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣснясь, то отступая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по скатамъ и отрогамъ ихъ изобильно росъ всякій черный лѣсъ; поднимешься на гору, — тамъ равнина—непоча-

[1]) Уремой называется лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ.

тая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ее индѣ болотамъ, всѣ породы утокъ и куликовъ, гуси, бекасы, дупели и курахтаны вили свои гнѣзда и разнообразнымъ крикомъ и пискомъ наполняли воздухъ; на горахъ же, сейчасъ превращавшихся въ равнины, покрытыя тучною травою, воздухъ оглашался другими особенными свистами и голосами; тамъ водилась во множествѣ вся степная птица: дрофы, журавли, стрепета, кроншнепы и кречетки; по лѣсистымъ отрогамъ жила бездна тетеревовъ; рѣка кишѣла всѣми породами рыбъ, которыя могли сносить ея студеную воду: щуки, окуни, головли, язи, даже кутема и лохъ изобильно водились въ ней; всякаго звѣря и въ степяхъ, и лѣсахъ было невѣроятное множество; словомъ сказать, это былъ — да и теперь есть — уголокъ обѣтованный... Дѣдушка купилъ около пяти тысячъ десятинъ земли и заплатилъ такъ дорого, какъ никто тогда не плачивалъ, по полтинѣ за десятину. Двѣ тысячи пятьсотъ рублей въ то время была великая сумма. Совершивъ купчую крѣпость и принявъ землю во владѣніе, то есть, справивъ и отказавъ ее за собою, весело воротился онъ въ Симбирскую губернію къ ожидавшему его семейству, и живо, горячо принялся за всѣ приготовленія къ немедленному переселенію крестьянъ: дѣло очень хлопотливое и трудное, по довольно большому разстоянію, ибо отъ села Троицкаго до новокупленной земли было около четырехсотъ верстъ. Въ ту же осень двадцать тяголъ отправились въ Бугурусланскій уѣздъ, взявъ съ собою сохи, бороны и сѣменной ржи: на любыхъ мѣстахъ взодрали они дѣвственную почву, обработали двадцать десятинъ озимаго посѣва, то есть, переломали непареный залогъ, и посѣяли рожь подъ борону; потомъ подняли нови еще двадцать десятинъ для ярового сѣва, поставили нѣсколько избъ и воротились на зиму домой. Въ концѣ зимы другіе двадцать человѣкъ отправились туда же и съ наступившею весною посѣяли двадцать десятинъ

ярового хлѣба, загородили плетнями дворы и хлѣвы, сбили глиняныя печи и опять воротились въ Симбирскую губернію: но это не были крестьяне, назначаемые къ переводу: тѣ оставались дома и готовились къ переходу на новыя мѣста; продавали лишній скотъ, хлѣбъ, дворы, избы, вякую лишнюю рухлядь. Наконецъ, въ половинѣ іюня, чтобы поспѣть къ Петрову дню, началу сѣнокоса, нагрузивъ телѣги женами, дѣтьми, стариками и старухами, прикрывъ ихъ согнутыми лубьями отъ дождя и солнца, нагромоздивъ необходимую домашнюю посуду, насажавъ дворовую птицу на верхи возовъ и привязавъ къ нимъ коровъ, потянулись въ путь бѣдные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь съ *стариною*, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ. Переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселяться тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди, и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещенными, — казалося дѣломъ страшнымъ . . . За крестьянами отправился и дѣдушка. Новоселившуюся деревню назвалъ Знаменскимъ, давъ обѣтъ, со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, построить церковь во имя Знаменія Божія Матери, празднуемаго 27 ноября, что и было исполнено уже его сыномъ[1]). Но крестьяне, а за ними и всѣ окружные сосѣди, назвали новую деревеньку Новымъ Багровымъ, по прозванію своего барина и въ память Старому Багрову, изъ котораго были переведены; даже и теперь одно послѣднее имя извѣстно всѣмъ, а первое остается только въ дѣловыхъ актахъ: богатаго села Знаменскаго съ прекрасною каменною церковью

[1]) Село Знаменское, Новое Аксаково тожъ, находится и нынѣ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи и принадлежитъ племянникамъ С. Т. Аксакова, сыновьямъ его меньшого брата Аркадія. *И. Л.*

и высокимъ господскимъ домомъ не знаетъ никто. Неусыпно и неослабно смотрѣлъ дѣдушка за крестьянскими и за господскими работами: вовремя убрался съ сѣнокосомъ, вовремя сжалъ яровое и ржаное и вовремя свезъ на гумно. Урожай былъ неслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. Къ ноябрю мѣсяцу у всѣхъ были построены избы, и даже поспѣлъ небольшой господскій флигель. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ вспоможенія сосѣдей, которые, несмотря на дальнее разстояніе, охотно пріѣзжали на *помочи* къ новому разумному и ласковому помѣщику, — попить, поѣсть и съ звонкими пѣснями дружно поработать. Зимой дѣдушка отправился въ Симбирскую деревню и перевезъ свое семейство. На слѣдующій годъ уже не такъ трудно было перевесть еще сорокъ душъ и обзавести ихъ хозяйствомъ. Первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъ же годъ построить мельницу, ибо молоть хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за сорокъ. Итакъ, выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовыя схватиться, а для большей прочности оплели плотину плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоемище. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроенъ былъ мельничный амбаръ на два мукомольные постава съ толчеей. Всѣ снасти были готовы и даже смазаны; на огромныя водяныя колеса, черезъ деревянныя трубы *кауза* [1]), должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкій прудъ и станетъ выше дна кауза. Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое,

[1]) Каузомъ называется деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колеса; около Москвы зовутъ его *дворецъ* (дверецъ), а въ иныхъ мѣстахъ—*скрыни*.

глинистое дно Бугуруслана, поперекъ будущаго вешняка, дѣдушка сдѣлалъ помочь на два дня: сосѣди были приглашены съ лошадьми, телѣгами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, копны соломы, навозу и свѣжаго дерна были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ вольно, неприкосновенно стремившаго свои воды. На другой день, на восходѣ солнца, около ста человѣкъ собрались *занимать заимку*, то есть, запрудить рѣку. На всѣхъ лицахъ было что то заботливое и торжественное; всѣ къ чему то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно, въ одно и то же мгновенье, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обоихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперекъ рѣчного дна; связанныя копны соломы съ каменьями полетѣли туда же, за ними слѣдовалъ навозъ и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все это, кое какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человѣкъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ запруды и начали утаптывать и уминать ее ногами. Все это производилось съ такою быстротою, съ такимъ общимъ рвеніемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякій проѣзжій или прохожій испугался бы, услыхавъ его, еслибъ не зналъ причины. Но пугаться было некому: одни дикія степи и темные лѣса на далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работниковъ, къ которымъ присоединилось множество голосовъ женскихъ и еще больше ребячьихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ важномъ событіи, все суетилось, бѣгало и кричало. Не скоро сладили съ упрямою рѣкой: долго она рвала и уносила хворостъ, солому, навозъ и дернъ; но, наконецъ, люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, остановилась, какъ бы задумалась, завертѣ-

лась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образовался прудъ, или лучше сказать всплыло озеро, безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда растущихъ; кое гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревъ. На другой день затолкла толчея, замолола мельница — и мелетъ и толчетъ до сихъ поръ . . .

Оренбургская губернія.

Боже мой, какъ, я думаю, была хороша тогда эта дикая, дѣвственная, роскошная природа! . . Нѣтъ, ты уже не та теперь, не та, какою даже и я зазналъ тебя — свѣжею, цвѣтущею, неизмятою отовсюду набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ! Ты не та, но все еще прекрасна, такъ же обширна, плодоносна и безконечно разнообразна, Оренбургская губернія! . . Дико звучатъ два эти послѣднія слова! Богъ знаетъ, какъ и откуда зашелъ тутъ *бургъ* . . . Но я зазналъ тебя, благословенный край, еще Уфимскимъ намѣстничествомъ!

Чудесный край, благословенный,
Хранилище земныхъ богатствъ,
Не вѣчно будешь ты, забвенный,
Служить для пастырей и паствъ!
И люди набѣгутъ толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя
Подъ ихъ нечистыми руками:
Помнутъ луга, порубятъ лѣсъ,
Взмутятъ въ водахъ лазурь небесъ!

И горы соляныхъ кристалловъ
По тузлукамъ твоимъ найдутъ,
И руды дорогихъ металловъ
Изъ нѣдръ глубокихъ извлекутъ!
И тукъ земли неистощенный

Всосутъ чужія сѣмена;
Чужія снимутъ племена
Ихъ плодъ, сторицей возвращенный;
И въ глубь лѣсовъ, и въ даль степей
Разгонятъ дорогихъ звѣрей!

Такъ писалъ о тебѣ лѣтъ тридцать тому назадъ одинъ изъ твоихъ уроженцевъ[1]), и все это отчасти уже исполнилось или исполняется съ тобою; но все еще прекрасенъ ты, чудесный край! Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія, огромныя чаши, стоятъ озера твои — Кандры и Каратабынь. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ твои рѣки, то быстро текущія по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно катящіяся по ковылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Чудны эти степныя рѣки, всѣ изъ безчисленныхъ, глубокихъ водоеминъ, соединяющихся узкими и мелкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ, прозрачныхъ и холодныхъ какъ ледъ, даже въ жары знойнаго лѣта, бѣгущихъ подъ тѣнью деревъ и кустовъ — живутъ всѣ породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человѣкъ начнетъ прикасаться нечистыми руками своими къ дѣвственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ прохладныхъ жилищъ. Чудесной растительностью блистаютъ твои тучные, черноземные, роскошные луга и поля, то бѣлѣющіе весной молочнымъ цвѣтомъ вишенника, клубничника и дикаго персика, то покрытые лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею позднѣе и темнѣющею къ осени. Обильною жатвой награждается лѣнивый и невѣжественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ всковырявшаго жалкою сохою или неуклюжимъ сабаномъ твою плодоносную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоятъ

[1]) Самъ авторъ Семейной хроники. *П. А.*

твои разнородные черные лѣса, и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворныя борти твои, занося ихъ душистымъ липовымъ медомъ. И уфимская куница, болѣе всѣхъ уважаемая, не перевелась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлой! Мирны и тихи патріархальные первобытные обитатели и хозяева твои, кочевыя башкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики, многочисленны конскіе табуны, и коровьи, и овечьи стада ихъ. Еще попрежнему, послѣ жестокой, буранной зимы, отощалые, исхудалые, какъ зимнія мухи, башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ, выгоняютъ на привольныя мѣста наполовину передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами и дѣтьми. . . И вы никого не узнаете черезъ двѣ или три недѣли! Изъ лошадиныхъ остововъ явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка! . . Раздобрѣли тощія, зимнія стада коровъ, полны питательной влагой вымя и сосцы ихъ. Но что башкирцу до ароматнаго коровьяго молока! Уже поспѣлъ живительный кумысъ, закисъ въ кобыльихъ *турсукахъ*[1]). и все, что можетъ пить, отъ грудного младенца до дряхлаго старика, пьетъ допьяна цѣлительный, благодатный, богатырскій напитокъ, и дивно исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнотою одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки.—Но страшный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда на нихъ ничего подобнаго не видавшій заѣзжій путешественникъ и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершей деревни! Дико и печально смотрятъ на него окна разбросанныхъ юртъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатыхъ оконницъ, какъ человѣческія

---

[1]) Турсукъ—мѣшокъ изъ сырой кожи, снятой съ лошадиной ноги.

лица съ выткнутыми глазами. . . Кое-гдѣ лаетъ на привязи сторожевой голодный песъ, котораго изрѣдка навѣщаетъ и кормитъ хозяинъ, кое-гдѣ мяучитъ одичалая кошка, сама промышляющая себѣ пищу, — и никого больше, ни одной души человѣческой. . .

Какъ живописны и разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, лѣсная, степная и гористая твоя полоса, особенно послѣдняя, по скату Уральскаго хребта, всѣми металлами богатая, золотоносная полоса! Какое пространство отъ границъ Вятской и Пермской губерніи, гдѣ по зимамъ не въ рѣдкость замерзаніе ртути, до Гурьева, городка на границѣ Астраханской губерніи, гдѣ растетъ мелкій виноградъ на открытомъ воздухѣ, чихиремъ котораго прохлаждаются въ лѣтнія жары, грѣются зимою и торгуютъ уральскіе казаки. Что за чудесное рыболовство по Уралу! Единственное и по вкусу добываемой *красной рыбы*[1]), и по своему исполненію. Багреньемъ называется это рыболовство, и ждетъ оно горячей и вѣрной кисти, чтобы возбудить общее вниманіе. Но, виноватъ, заговорился я, говоря о моей прекрасной родинѣ. Посмотримъ лучше, какъ продолжаетъ жить и дѣйствовать мой неутомимый дѣдушка.

Новыя мѣста.

Ну отдохнулъ Степанъ Михайловичъ и неразъ отъ души перекрестился, когда перебрался на просторъ и приволье береговъ Бугуруслана. Не только повеселѣлъ духомъ, но и поздоровѣлъ тѣломъ. Ни просьбъ, ни жалобъ, ни ссоръ, ни шума. Ни Воейковыхъ, ни Мошенскихъ, ни Сущевыхъ![2]) Ни лѣсныхъ порубокъ, ни хлѣбныхъ потравъ, ни помятыхъ

---

[1]) Красной рыбой называется бѣлуга, осетръ, севрюга, шипъ, бѣлорыбица и другія.

[2]) Помѣщики, жившіе съ дѣдушкой въ Старомъ Багровѣ и владѣвшіе вмѣстѣ съ нимъ неразмежеванной землей.

луговъ! Одинъ полный господинъ, не только надъ своей землей, но и надъ чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова — никто и слова не скажетъ. Крестьяне тоже какъ разъ привыкли къ новому мѣсту и полюбилось имъ оно. Да и какъ не привыкнуть, какъ не полюбить! Изъ безводнаго и лѣсного села Троицкаго, гдѣ было такъ мало луговъ, что съ трудомъ прокармливали по коровѣ да по лошади на тягло, гдѣ съ незапамятныхъ временъ пахали одни и тѣ же загоны и, несмотря на превосходную почву, конечно, повыпахали и поистощили землю, переселились они на обширныя плодоносныя поля и луга, никогда не тронутые ни косою, ни сохою человѣка, на быструю, свѣжую и здоровую воду со множествомъ родниковъ и ключей, на широкій, проточный и рыбный прудъ и на мельницу у самаго носа, тогда какъ прежде таскались они за двадцать пять верстъ, чтобы смолоть возъ хлѣба, да и то случалось нѣсколько дней ждать очереди. Вы удивитесь, можетъ быть, что я назвалъ Троицкое безводнымъ? Обвините стариковъ, зачѣмъ они выбрали такое мѣсто? Но дѣло было не такъ вначалѣ, и стариковъ винить не за что. Троицкое нѣкогда сидѣло на прекрасной рѣчкѣ Майнѣ, вытекавшей версты за три отъ селенія изъ подъ Моховыхъ озеръ; да сверхъ того, вдоль всего селенія тянулось, хотя не широкое, но длинное, свѣтлое и въ срединѣ глубокое озеро, дно котораго состояло изъ бѣлаго песку; изъ этого озера даже бѣжалъ ручей, называвшійся *Бѣлый ключъ*. Такъ было въ старину, давно, правда, очень давно. По преданію извѣстно, что Моховыя озера были нѣкогда глубокими, лѣсными, круглыми провалами съ прозрачною, холодною, какъ ледъ, водою и топкими берегами, что никто не смѣлъ близко подходить къ нимъ ни въ какое время, кромѣ зимы, что будто бы берега опускались и поглощали дерзкаго нарушителя неприкосновеннаго царства водяныхъ чертей. Но человѣкъ — заклятый и торжествующій измѣнитель лица природы! Старинному преданію,

не подтверждаемому новыми событіями, перестали вѣрить, и Моховыя озера мало по мало, отъ мочки коноплей у береговъ и отъ пригона стадъ на водопой, позасорились, съ краевъ обмелѣли и даже обсохли отъ вырубки кругомъ лѣса; потомъ заплыли толстою землянистою пеленою, которая поросла мохомъ и скрѣпилась жилообразными корнями болотныхъ травъ, покрылася кочками, кустами и даже сосновымъ лѣсомъ, уже довольно крупнымъ; одинъ провалъ затянуло совсѣмъ, а на другомъ остались два глубокія, огромныя окна, къ которымъ и теперь страшно подходить съ непривычки, потому что земля со всѣми болотными травами, кочками, кустами и мелкимъ лѣсомъ опускается и поднимается подъ ногами, какъ зыбкая волна. Отъ уменьшенія, вѣроятно, Моховыхъ озеръ рѣчка Майна поникла вверху и уже выходитъ изъ земли нѣсколько верстъ ниже селенія, а прозрачное, длинное и глубокое озеро превратилось въ грязную, вонючую лужу; песчаное дно, на сажень и болѣе, затянуло тиною и всякою дрянью съ крестьянскихъ дворовъ; Бѣлаго ключа давно и слѣдовъ нѣтъ, скоро не будетъ о немъ и памяти.

Переселяясь на новыя мѣста, дѣдушка мой принялся, съ свойственными ему неутомимостью и жаромъ, за хлѣбопашество и скотоводство. Крестьяне, одушевленные его духомъ, такъ привыкли работать настоящимъ образомъ, что скоро обстроились и обзавелись какъ старожилы, и въ нѣсколько лѣтъ гумна „Новаго Багрова“ занимали втрое больше мѣста, чѣмъ самая деревня, а табунъ добрыхъ лошадей и стадо коровъ, овецъ и свиней казались принадлежащими какому нибудь большому и богатому селенію.

Съ легкой руки Степана Михайловича переселеніе въ Уфимскій или Оренбургскій край начало умножаться съ каждымъ годомъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись луговая мордва, черемисы, чуваши, татары и мещеряки; русскихъ переселенцевъ, казенныхъ крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и разнокалиберныхъ

помѣщиковъ также было не мало. Явились и сосѣди у дѣдушки: шуринъ его, Иванъ Васильевичъ Неклюдовъ, купилъ землю въ двадцати верстахъ отъ Степана Михайловича, перевелъ крестьянъ, построилъ деревянную церковь, назвалъ свое село Неклюдовымъ и самъ переѣхалъ въ него съ семействомъ, чему дѣдушка совсѣмъ не обрадовался: до всѣхъ родственниковъ своей супруги, до всей *Неклюдовщины,* какъ онъ называлъ ихъ, Степанъ Михайловичъ былъ большой неохотникъ. Помѣщикъ Бахметевъ купилъ землю еще ближе, верстахъ въ десяти отъ Багрова, на верховьѣ рѣчки Совруши, текущей параллельно съ Бугурусланомъ, на юго-западъ; онъ также перевелъ крестьянъ и назвалъ деревню Бахметевкой. Съ другой стороны, верстахъ въ двадцати по рѣкѣ Насягай или Мочагай, какъ и до сихъ поръ называютъ ее туземцы, также завелось помѣщичье селеніе, Полибино, впослѣдствіи принадлежавшее С. А. Плещееву, а теперь принадлежащее Карамзинымъ. Насягай больше и лучше Бугуруслана: полноводнѣе, рыбнѣе, и птица на немъ водилась и водится гораздо изобильнѣе. По дорогѣ въ Полибино, прямо на востокъ, верстахъ въ восьми отъ Багрова, заселилась на небольшомъ ручьѣ большая мордовская деревня Нойкино; верстахъ въ двухъ отъ нея построилась мельница на рѣчкѣ Боклѣ, текущей почти параллельно съ Бугурусланомъ на югъ; недалеко отъ мельницы впадаетъ Бокла въ Насягай, который діагоналемъ съ сѣверо-востока торопливо катитъ свои сильныя и быстрыя воды прямо на юго-западъ. Верстахъ въ семнадцати отъ Новаго Багрова принимаетъ онъ въ себя нашъ Бугурусланъ и, усиленный его водами, недалеко отъ города Бугуруслана, соединяется съ Большимъ Кинелемъ, теряя въ немъ знаменательное и звучное свое имя.

Наконецъ появился мордовскій выселокъ, подъ названіемъ Кивацкаго, уже только въ двухъ верстахъ отъ дѣдушки, внизъ по Бугуруслану; это была мордва, отдѣлившаяся отъ

селенія Мордовскій Бугурусланъ, сидѣвшаго на рѣчкѣ Малой Бугурусланчикъ, верстахъ въ девяти отъ Багрова. Степанъ Михайловичъ сначала поморщился отъ близкаго сосѣдства, напоминавшаго ему старое Троицкое; но тутъ вышло совсѣмъ другое дѣло. Это были добрые, смирные люди, уважавшіе дѣдушку, не менѣе какъ своего волостного начальника. Въ нѣсколько лѣтъ Степанъ Михайловичъ умѣлъ снискать общую любовь и глубокое уваженіе во всемъ околоткѣ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ дальнихъ и близкихъ, старыхъ и новыхъ своихъ сосѣдей, особенно послѣднихъ, по ихъ незнанію мѣстности, недостатку средствъ и по разнымъ надобностямъ, всегда сопровождающимъ переселенцевъ, которые нерѣдко пускаются на такое трудное дѣло, не принявъ предварительныхъ мѣръ, не заготовя хлѣбныхъ запасовъ и даже иногда не имѣя на что купить ихъ. Полные амбары дѣдушки были открыты всѣмъ — бери что угодно. „Сможешь — отдай при первомъ урожаѣ; не сможешь — Богъ съ тобою“, съ такими словами раздавалъ дѣдушка щедрою рукою хлѣбные запасы на *сѣмены* и *ѣмены*. Къ этому надо прибавить, что онъ былъ такъ разуменъ, такъ снисходителенъ къ просьбамъ и нуждамъ, такъ неизмѣнно вѣренъ каждому своему слову, что скоро сдѣлался истиннымъ оракуломъ вновь заселяющагося уголка обширнаго Оренбургскаго края. Мало того, что онъ помогалъ, онъ воспитывалъ нравственно своихъ сосѣдей. Только правдою можно было получить отъ него все. Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получитъ, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести. Много семейныхъ ссоръ примирилъ онъ, много тяжебныхъ дѣлъ потушилъ въ самомъ началѣ. Со всѣхъ сторонъ ѣхали къ нему за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ — и свято исполнялись они. Я зналъ внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣ-

тельный и строгій образъ Степана Михайловича, не забытаго еще и теперь. Много слыхалъ я простыхъ и вмѣстѣ глубокихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ слезами и крестнымъ знаменіемъ объ упокоеніи души его. Неудивительно, что крестьяне любили горячо такого барина; но также любили его и дворовые люди при немъ служившіе, часто переносившіе страшныя бури его неукротимой вспыльчивости. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ молодыхъ слугъ его доживали свой вѣкъ при внукѣ Степана Михайловича, уже стариками; часто разсказывали они о строгомъ, вспыльчивомъ, справедливомъ и добромъ своемъ старомъ баринѣ и никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали.

И этотъ добрый, благодѣтельный и даже снисходительный человѣкъ омрачался иногда такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческій и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ. Я видѣлъ его такимъ въ моемъ дѣтствѣ, что случилось много лѣтъ позднѣе того времени, про которое я разсказываю, — и впечатлѣніе страха до сихъ поръ живо въ моей памяти. Какъ теперь гляжу на него: онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ, кажется, за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ; двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего прежняго дѣдушку; онъ весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости. „Подайте мнѣ ее сюда!“ вопилъ онъ задыхающимся голосомъ (это я помню живо, остальное мнѣ часто разсказывали). Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣлъ съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ не только виноватая, но и всѣ другія сестры и даже братъ ихъ съ молодою женою и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рощу, окружавшую домъ; даже тамъ

ночевали; только молодая невѣстка воротилась съ сыномъ, боясь простудить его, и провела ночь въ людской избѣ. Долго бушевалъ дѣдушка на просторѣ, въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши колотить Танайченка, Мазана, уставши таскать за косы Арину Васильевну, повалился онъ въ изнеможеніи на постель и, наконецъ, впалъ въ глубокій сонъ, продолжавшійся до ранняго утра слѣдующаго дня. Свѣтелъ, ясенъ проснулся на зарѣ Степанъ Михайловичъ, весело крикнулъ свою Аришу, которая сейчасъ прибѣжала изъ сосѣдней комнаты съ самымъ радостнымъ лицомъ, какъ будто вчерашняго ничего не бывало. „Чаю! Гдѣ дѣти, Алексѣй, невѣстушка? Подайте Сережу“, — говорилъ проснувшійся безумецъ, и всѣ явились спокойные и веселые, кромѣ невѣстки съ сыномъ[1]). Это была женщина сама съ сильнымъ характеромъ, и никакія просьбы не могли ее заставить такъ скоро броситься съ ласкою ко вчерашнему дикому звѣрю, да и маленькій сынъ безпрестанно говорилъ: „Боюсь дѣдушки, не хочу къ нему“. Чувствуя себя въ самомъ дѣлѣ нехорошо, она сказалась больною и не пустила сына. Всѣ пришли въ ужасъ, ждали новой грозы. Но во вчерашнемъ дикомъ звѣрѣ сегодня уже проснулся человѣкъ. Послѣ чаю и шутливыхъ разговоровъ, свекоръ самъ пришелъ къ невѣсткѣ, которая дѣйствительно была нездорова, похудѣла, перемѣнилась въ лицѣ и лежала въ постели. Старикъ присѣлъ къ ней на кровать, обнялъ ее, поцѣловалъ, назвалъ красавицей-невѣстынькой, обласкалъ внука и, наконецъ, ушелъ, сказавши, что ему „безъ невѣстыньки будетъ скучно“. Черезъ полчаса невѣстка щегольски, по городскому разодѣтая, въ томъ самомъ платьѣ, про которое свекоръ говорилъ, что оно особенно идетъ ей къ лицу, держа сына за руку, вошла къ

---

[1]) Невѣстка съ сыномъ Сережей, жена Тимофея Степановича, Марія Николаевна Аксакова, урожденная Зубова, мать автора „Семейной хроники“. Во всей первой половинѣ „Хроники“ она выступаетъ подъ названіемъ Софьи Николаевны, урожденной Зубиной. *И. А.*

дѣдушкѣ. Дѣдушка встрѣтилъ ее почти со слезами: „Вотъ и больная невѣстка себя не пожалѣла, встала, одѣлась и пришла развеселить старика“, сказалъ онъ съ нѣжностью. Закусили губы и потупили глаза свекровь и золовки, всѣ не любившія невѣстку, которая почтительно и весело отвѣчала на ласки свекра, бросая гордые и торжествующіе взгляды на своихъ недоброхотокъ. Но я не стану болѣе говорить о темной сторонѣ моего дѣдушки; лучше опишу вамъ одинъ изъ его добрыхъ, свѣтлыхъ дней, о которыхъ я много наслышался.

Добрый день Степана Михайловича.

Въ исходѣ іюня стояли сильные жары. Послѣ душной ночи, потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко ему было спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но зато въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дишкантовый писк и даже кусанье комаровъ; въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодого сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни . . . Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою потъ съ крутого, высокаго лба своего, высунулъ голову изъ подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никанорка Танайченокъ храпѣли въ растяжку на полу, въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ.

„Экъ храпятъ собачьи дѣти!“ сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ: но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя, кожаныя туфли на босыя ноги и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняной холостины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякій читатель вправѣ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и, наконецъ, пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной льняной холстины, несмотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ „билъ ее, да своего добра не рубилъ . . .“, но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье — и старикъ покорился . . . Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про „добрый день моего дѣдушки“. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подостлалъ его подъ себя на верхней ступени крыльца и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю. Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ то безсознательно; а дѣдушкѣ сверхъ того

весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда дворъ былъ не обгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и, хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы, и овцы; разумѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, а напротивъ, любовался глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали „Спирькой“, выводилъ одного за другимъ двухъ рыжепѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи, причемъ дѣдушка любовался ихъ статьями, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и пѣли ласточки и касаточки, звонко били перепела въ поляхъ, разсыпались въ воздухѣ пѣсни жаворонковъ, надсѣдаясь, хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистываніе погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота, варакушки взапуски передразнивали соловьевъ, — вы-

катывалось изъ за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужички въ поле . . . Захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: „Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню, — чаю!“ Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою; а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую молодую дѣвку Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткой домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала о его здоровьѣ: „какъ почивалъ, и что во снѣ видѣлъ?“ Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна расцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ неласково встрѣчалъ ее. „Напьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша“, — заговорилъ Степанъ Михайловичъ, — „покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?“ Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что которую ночь Степанъ Михайловичъ

хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу то тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановнами, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два; дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно. Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку и назвалъ одну Лизанькой, а другую Лексаней. Обѣ были очень неглупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина самая простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ и что старикъ зналъ наизустъ; онъ зналъ и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ все это высказывалъ имъ безъ пощады, въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ; но дочери, какъ настоящія Евины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лицо отца, и онѣ сейчасъ принимались за свои хитрые планы и нерѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ

Мазану: „лошадь!“ — и старый бурый меринъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ посрединѣ, накрытымъ войлокомъ, уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то есть, просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предыдущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его *шлычкой* и, надѣвъ *полевой* кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста да картузъ и подостлавъ подъ себя прозапасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный втрое свой обыкновенный зипунъ, изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали „маренниками“; я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, въ человѣка вышиною, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ, и синія лиловыя волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба; потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспаренным десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни; всякая цѣлизна, всякое нетронутое сухое мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за ста-

ростой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть, и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую чрезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо; даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Несмотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полденъ. Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги — кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. „Ну, Ариша“, — весело сказалъ дѣдушка, — „какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка“. Бабушка растаяла отъ радости. „Наполовину поспѣла“, — продолжалъ онъ: — „съ завтрашняго дня посылать по ягоды“. Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему навстрѣчу изъ залы. „А, готово!“ — еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ, — „спасибо“, и не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно, — чтобъ кушанье стояло на столѣ, и, Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной

ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой, какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищеными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый... Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть: только духота и упека отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ; захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги и, когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ, — Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду, проворно побѣжалъ

Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрешняго проснулся баринъ, и первое его слово было: „студеной бражки“. Перепугались лакеи: Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и что жъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послалъ за Аришей и за дочерьми и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился; брови его начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: „Ну, Богъ проститъ на этотъ разъ; но если въ другой“... договаривать было не нужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина люди могли рѣшиться на такую наглую шалость. Но много разъ я замѣчалъ впродолженіе моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на отчаянныя проказы. Съ дѣдушкой же моимъ это былъ не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь перестлать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ, да и заснулъ. Дѣдушка самъ нашелъ его, крѣпко спящаго въ этомъ положеніи, и — только разсмѣялся! Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калиновымъ подожкомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобъ позабавиться испу-

гомъ Мазана. Впрочемъ, съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случалось: во время его отсутствія выдали замужъ четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, двоюродную его сестру П. И. Багрову[1]), круглую, но очень богатую сироту, жившую у него въ домѣ и горячо имъ любимую, за такого развратнаго и страшнаго человѣка, котораго онъ терпѣть не могъ. Конечно, это дѣло устроили близкіе родные его сестры съ материнской стороны, но съ согласія Арины Васильевны и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я разскажу послѣ, теперь же возвратимся къ доброму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ пополудни и послѣ студеной бражки, несмотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и, воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись досыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми, подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостью согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однѣхъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень, Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарыть на плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышенъ. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку, и она усѣ-

---

[1]) Т. е. Надежду Ивановну Аксакову. Это происшествіе разсказано въ слѣдующемъ отрывкѣ Семейной хроники. *И. А.*

лась въ тѣни мельничнаго амбара, неподалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтній сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобы ребенокъ не свалился какъ нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на ползарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду; мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню и сказалъ: „Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась“. — „То то маленько,“ — безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка, — „кабы я не пришелъ, такъ шестерня то бы ночью сломалась“. — „Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ“. — „Ну, Богъ проститъ, давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще, не тоньше другихъ — въ этомъ вся штука“. Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а понемногу (тоже по приказанію дѣдушки), — и запѣлъ, замололъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на тол-

чею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольщику, знакомому мордвину: „Чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного неотолченнаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ, меньше“. Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то есть, кивнулъ головой и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ свой ученицей на птичный дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости, дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать руку и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полпуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ, всѣмъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятлива, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана[1]) хорошо смотритъ за птицею.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножила прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ. „Пора, Ариша, домой; староста, чай ждетъ меня“, сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что черезъ полчаса онѣ придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ

[1]) Прозванье „Горожаны“ она имѣла потому, что нѣсколько времени смолоду жила въ какомъ то городѣ.

сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить попрежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе квасного стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и, вѣроятно, кушали за нимъ даже плотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ, нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставлялъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы; но дѣдушка, досыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода; часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они

приближались къ человѣку! Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, несмотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ и приказалъ опустить на себя пологъ.

Второй отрывокъ изъ Семейной хроники.

Михайла Максимовичъ Куролесовъ[1]).

Я обѣщалъ разсказать особо о Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ и его женитьбѣ на двоюродной сестрѣ моего дѣдушки, Прасковьѣ Ивановнѣ Багровой[2]). Начало этого событія происходило въ 1760 годахъ, прежде того времени, о которомъ я разсказывалъ въ первомъ отрывкѣ изъ Семейной хроники, а конецъ гораздо позже. Исполняю мое обѣщаніе.

Степанъ Михайловичъ былъ единственный сынъ Михайла Петровича Багрова, а Прасковья Ивановна — единственная дочь Ивана Петровича Багрова. Дѣдушка мой очень любилъ ее, какъ единственную женскую отрасль рода Багровыхъ и какъ единственную свою двоюродную сестру. Прасковья Ивановна лишилась матери еще въ колыбели, а десяти лѣтъ потеряла отца. Мать ея была изъ рода Бактеевыхъ и очень богата: она оставила дочери 900 душъ крестьянъ, много денегъ и еще болѣе драгоцѣнныхъ вещей и серебра; послѣ отца также получила она 300 душъ; итакъ она была богатая сирота и — будущая богатая невѣста. Послѣ смерти отца она сначала жила у бабушки Бактеевой, потомъ пріѣзжала и гостила подолгу въ Троицкомъ, и, наконецъ, Степанъ Михайловичъ перевезъ ее на житье къ себѣ. Любя не менѣе дочерей свою сестричку-сиротку, какъ называлъ ее Степанъ Ми-

---

[1]) Т. е. Михаилъ Максимовичъ Куроѣдовъ.

[2]) Т. е. Надеждѣ Ивановнѣ Аксаковой.

хайловичъ, онъ былъ очень нѣженъ съ ней по своему: но Прасковья Ивановна, по молодости лѣтъ, или, лучше сказать, по дѣтскости своей, не могла цѣнить любви и нѣжности своего двоюроднаго брата, которыя не выражались никакимъ баловствомъ, къ чему она уже попривыкла, поживши довольно долго у своей бабушки; итакъ, немудрено, что она скучала въ Троицкомъ и что ей хотѣлось воротиться къ прежней своей жизни у старушки Бактеевой. Прасковья Ивановна была не красавица, но имѣла правильныя черты лица, прекрасные, умные, сѣрые глаза, довольно широкія, длинныя, темныя брови, показывающія твердый и мужественный нравъ, стройный высокій ростъ и въ четырнадцать лѣтъ казалась осьмнадцатилѣтнею дѣвицей; но несмотря на тѣлесную свою зрѣлость, она была еще совершенный ребенокъ и сердцемъ, и умомъ: всегда живая, веселая, она рѣзвилась, прыгала, скакала и пѣла съ утра до вечера. Голосъ имѣла чудесный, страстно любила пѣсни, качели, хороводы и всякія игрища, и когда ничего этого не было, то цѣлый день играла въ куклы, непремѣнно сопровождая свои игры всякаго рода русскими пѣснями, которыхъ и тогда знала безчисленное множество.

За годъ до переѣзда ея къ Степану Михайловичу, пріѣхалъ въ Симбирскую губернію въ отпускъ молодой человѣкъ лѣтъ 28-ми, родовой тамошній дворянинъ, Михаилъ Максимовичъ Куролесовъ, служившій въ военной службѣ; онъ былъ, какъ говорится, молодецъ собой. Многіе называли его даже красавцемъ; но иные говорили, что онъ, несмотря на свою красивость, былъ какъ то непріятенъ, и я въ ребячествѣ слыхалъ объ этомъ споры между бабушкой и моими тетками. Съ пятнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ службѣ въ какомъ то извѣстномъ тогда, славномъ полку и дослужился уже до чина майора. Въ отпускъ пріѣзжалъ рѣдко, да и пріѣзжать было не къ чему, потому что у него родового имѣнія всего было душъ съ полтораста, и то малоземельныхъ,

находившихся въ разнопомѣстномъ селеніи Грачовкѣ. Разумѣется, онъ не имѣлъ настоящаго образованія, но былъ боекъ на словахъ и писалъ также бойко и складно. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ много его писемъ, изъ которыхъ очевидно, что онъ былъ человѣкъ толковый, ловкій и въ то же время твердый и дѣловой. Не знаю, какъ онъ былъ родня нашему безсмертному Суворову, но въ перепискѣ Куролесова я нашелъ нѣсколько писемъ геніальнаго полководца, которыя всегда начинались такъ: „Милостивый государь мой, братецъ Михаилъ Максимовичъ“ и оканчивались: „съ достодолжнымъ почтеніемъ къ вамъ и милостивой государынѣ сестрицѣ Прасковьѣ Ивановнѣ, честь имѣю быть и проч.“. Михаила Максимовича мало знали въ Симбирской губерніи; но какъ „слухомъ земля полнится“, и притомъ, можетъ быть, онъ и въ отпуску позволялъ себѣ кое какіе *дебоши,* какъ тогда выражались, да и пріѣзжавшій съ нимъ денщикъ или крѣпостной лакей, несмотря на строгость своего командира, по секрету, кое что пробалтывалъ, то и составилось о немъ мнѣніе, которое вполнѣ выражалось слѣдующими афоризмами: что „майоръ шутить не любитъ“, что „у него ходи по струнке и съ тропы не сваливайся“, что онъ солдата не выдастъ и, коли можно, покроетъ, а если попался, такъ ужъ помилованія не жди, что слово его крѣпко, что если пойдетъ на ссору, то „ему и чортъ не братъ“, что онъ „лихой, бѣдовый“, что онъ *гусь лапчатый, звѣрь полосатый*[1]), но всѣ единогласно называли его отличнымъ хозяиномъ. Носились также слухи, вѣроятно, вышедшіе изъ тѣхъ же источниковъ, что майоръ большой гуляка, то есть, охотникъ до женскаго пола и до хмельного, но знаетъ всему мѣсто и время. Первая охота покрывалась поговоркою, что „быль молодцу не укоръ“, а вторая,

[1]) Двумя послѣдними поговорками, несмотря на видимую ихъ неопредѣленность, русскій человѣкъ опредѣляетъ очень много, ярко и понятно для всякаго.

что „выпить мужчинѣ не бѣда“ и что „кто пьянъ да уменъ, — два угодья въ немъ“. Итакъ, майоръ Куролесовъ не имѣлъ положительно дурной репутаціи, а напротивъ, въ глазахъ многихъ имѣлъ репутацію выгодную. Къ тому же былъ искателенъ, умѣлъ приласкаться и приласкать, оказывалъ уваженіе старшимъ и почтеннымъ людямъ, и потому приняли всѣ его радушно и съ удовольствіемъ. Будучи близкимъ сосѣдомъ Бактеевыхъ, которымъ приходился дальнимъ родственникомъ по мужу дочери Бактеевой, А. А. Курмышевой (да, кажется, и крестьяне ихъ жили въ одномъ селѣ), онъ умѣлъ такъ сыскать ихъ расположеніе, что всѣ его любили и носили на рукахъ. Сначала дѣлалъ онъ это безъ особенныхъ видовъ, а вслѣдствіе своего неизмѣннаго правила „добиваться благосклонности людей почтенныхъ и богатыхъ“, но потомъ, увидѣвъ тамъ живую, веселую и богатую Прасковью Ивановну, по наружности уже совершенную невѣсту, онъ составилъ планъ жениться на ней и прибрать къ рукамъ ея богатство. Съ этой опредѣленной цѣлью онъ удвоилъ свои заискиванья въ бабушкѣ и теткѣ Прасковьи Ивановны и добился до того, что онѣ въ немъ, какъ говорится, души не чаяли; да и за молодой дѣвушкой началъ такъ искусно ухаживать, что она его полюбила, разумѣется, какъ человѣка, который потакалъ всѣмъ ея словамъ, исполнялъ желанія и вообще баловалъ ее. Михайла Максимовичъ открылся роднымъ Прасковьи Ивановны, прикинулся влюбленнымъ въ молодую сироту, и всѣ повѣрили, что онъ ею *смертельно заразился,* грезитъ ею во снѣ и наяву, сходитъ отъ нея съ ума; повѣрили, одобрили его намѣреніе и приняли бѣднаго страдальца подъ свою защиту. При такомъ благосклонномъ покровительствѣ родныхъ нетрудно было ему успѣть въ своемъ намѣреніи: онъ угождалъ дѣвочкѣ доставленіемъ разныхъ удовольствій, каталъ на лихихъ своихъ коняхъ, качалъ на качеляхъ и самъ качался съ ней, мастерски пѣвалъ съ нею русскія пѣсни, дарилъ

разными бездѣлушками и выписывалъ для нея затѣйливыя дѣтскія игрушки изъ Москвы.

Зная, что для полнаго успѣха необходимо получить согласіе двоюроднаго брата и опекуна невѣсты, Михаилъ Максимовичъ попробовалъ втереться къ нему въ милость. Подъ разными предлогами, съ рекомендательными письмами отъ родныхъ Прасковьи Ивановны, пріѣзжалъ онъ къ Степану Михайловичу въ деревню — но не понравился хозяину. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ: отчего бы не понравиться? У молодого майора были нѣкоторыя качества, которыя какъ будто бы симпатизировали со свойствами Степана Михайловича; но у старика, кромѣ здраваго ума и свѣтлаго взгляда, было это нравственное чутье людей честныхъ, прямыхъ и правдивыхъ, которое чувствуетъ съ перваго знакомства съ человѣкомъ неизвѣстнымъ — *кривду и неправду* его, для другихъ незамѣтную, которое слышитъ зло подъ благовидною наружностью и угадываетъ будущее его развитіе. Ласковыя рѣчи и почтительный тонъ не обманули Степана Михайловича, и онъ сразу отгадалъ, что тутъ скрываются какія нибудь плутни. Притомъ дѣдушка былъ самой строгой и скромной жизни, и слухи, еще прежде случайно дошедшіе до него, такъ легко извиняемые другими, о безпутствѣ майора, поселили отвращеніе къ нему въ цѣломудренной душѣ Степана Михайловича, и хотя онъ самъ былъ горячъ до бѣшенства, но недобрыхъ, злыхъ и жестокихъ безъ гнѣва людей терпѣть не могъ. Вслѣдствіе всего этого принялъ онъ Михайлу Максимовича холодно и сухо, несмотря на умные и дѣльные разговоры обо всемъ и особенно о хозяйствѣ; когда же гость, увидѣвъ Прасковью Ивановну, уже переѣхавшую въ то время къ моему дѣдушкѣ, сталъ любезничать съ нею, какъ старый знакомый, и она слушала его съ удовольствіемъ, то у дѣдушки по обыкновенію покривилась голова насторону, посдвинулись брови, и покосился

онъ на гостя неласково. Напротивъ, Аринѣ Васильевнѣ и всѣмъ дочерямъ гость очень приглянулся, потому что съ первыхъ минутъ онъ умѣлъ къ нимъ подольститься, и онѣ пустились было съ нимъ въ разныя ласковыя рѣчи; но вышесказанные мною зловѣщіе признаки грозы на лицѣ Степана Михайловича всѣхъ обдали холодомъ, и всѣ прикусили язычки. Гость попытался возстановить общественное спокойствіе и пріятность бесѣды, но напрасно: отъ всѣхъ началъ онъ получать короткіе отвѣты, отъ хозяина же и не совсѣмъ учтивые. Дѣлать было нечего, надо было уѣхать, хотя уже наступало позднее ночное время, и сдѣловало бы гостю, по деревенскому обычаю, остаться ночевать. „Дрянь человѣкъ и плутъ, авось, въ другой разъ не пріѣдетъ“, сказалъ Степанъ Михайловичъ семьѣ своей, и, конечно, ничей голосъ не возразилъ ему, но зато потихоньку долго хвалили браваго майора, и охотно слушала и разсказывала про его угодливости молодая дѣвочка, богатая сирота.

Похлебавъ несолоно, отъѣхалъ Михайла Максимовичъ отъ Степана Михайловича и воротился къ Бактеевой съ извѣстіемъ о своей неудачѣ. Дѣдушку моего хорошо знали и съ первой минуты потеряли всякую надежду на его добровольное согласіе. Долго думали, но ничего не придумали. Отважный майоръ предлагалъ пригласить молодую дѣвушку въ гости къ бабушкѣ и обвѣнчаться съ ней безъ согласія Степана Михайловича, но Бактеева и Курмышева были увѣрены, что дѣдушка мой не отпуститъ свою сестру одну, а если и отпуститъ, то очень не скоро, а майору оставаться долѣе было нельзя. Онъ предлагалъ отчаянное средство: уговорить Прасковью Ивановну къ побѣгу, увезти ее и сейчасъ гдѣ нибудь обвѣнчаться; но родные и слышать не хотѣли о такомъ зазорномъ дѣлѣ — и Михайла Максимовичъ уѣхалъ въ полкъ. Пути Провидѣнія для насъ непостижимы, а потому мы не можемъ судить, отчего судьбѣ было угодно, чтобъ это

злое намѣреніе увѣнчалось успѣхомъ. Черезъ полгода вдругъ получила старуха Бактеева извѣстіе, что Степанъ Михайловичъ, по весьма важному дѣлу, уѣзжаетъ куда то далеко и надолго. Куда и зачѣмъ уѣзжалъ онъ — не знаю, только куда то далеко, въ Астрахань или въ Москву, и непремѣнно по дѣлу, потому что бралъ съ собой повѣреннаго Пантелея Григорьевича. Сейчасъ послали грамоту Степану Михайловичу и просили позволенія, чтобъ внучка, во время отсутствія своего опекуна и брата, пріѣхала погостить къ бабушкѣ, но получили короткій отвѣтъ: „что Парашѣ и здѣсь хорошо, и что если желаютъ ее видѣть, то могутъ пріѣхать и погостить въ Троицкомъ сколько угодно“. Послалъ такой положительный отвѣтъ и пригрозивъ строго-настрого своей всегда покорной супругѣ, чтобъ она берегла Парашу, какъ зѣницу ока, и никуда изъ дома не отпускала, Степанъ Михайловичъ отправился въ путь.

Бактеева пересылалась и переписывалась съ Прасковьей Ивановной и съ семействомъ моего дѣдушки. Сейчасъ по полученіи извѣстія, что онъ уѣхалъ, Бактеева увѣдомила объ этомъ Михайлу Максимовича Куролесова, прибавя, что Степанъ Михайловичъ уѣхалъ надолго, и что не можетъ ли онъ пріѣхать, чтобъ лично хлопотать по извѣстному дѣлу; а сама старуха Бактеева съ дочерью немедленно отправилась въ Троицкое. Она всегда была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ариной Васильевной; узнавъ, что Куролесовъ и ей очень понравился, она открылась, что молодой майоръ безъ памяти влюбленъ въ Парашеньку; распространилась въ похвалахъ жениху и сказала, что ничего такъ не желаетъ, „какъ пристроить при своей жизни свою внучку-сиротинку, и увѣрена въ томъ, что она будетъ счастлива; что она чувствуетъ, что ей уже недолго жить на свѣтѣ, и потому хотѣла бы поторопиться этимъ дѣломъ“. Арина Васильевна, съ своей стороны, совершенно одобрила такое намѣреніе, но выразила

сомнѣніе, чтобы Степанъ Михайловичъ на это согласился, и что „Богъ знаетъ почему, Михаилъ Максимовичъ, хотя всѣмъ взялъ, но ему больно не понравился". Призвали на совѣтъ старшихъ дочерей Арины Васильевны, и подъ предсѣдательствомъ старухи Бактеевой и ея дочери Курмышевой, особенно горячо хлопотавшей за майора, положено было: предоставить улаживаніе этого дѣла родной бабушкѣ, потому что она внучкѣ всѣхъ ближе, но такимъ образомъ, чтобъ супруга Степана Михайловича и ея дочери остались всторонѣ, какъ будто онѣ ничего не знаютъ и ничему не причастны. Я уже сказалъ прежде, что Арина Васильевна была женщина добрая и очень простая: дочери ея были совершенно на сторонѣ Бактеевой, а потому и немудрено, что ее могли уговорить способствовать такому дѣлу, за которое Степанъ Михайловичъ жестоко будетъ гнѣваться. Между тѣмъ беззаботная и веселая сирота и не подозрѣвала, что рѣшаютъ судьбу ея. Объ Михайлѣ Максимовичѣ часто говорили при ней, хвалили изо всѣхъ силъ, увѣряли, что онъ любитъ ее больше своей жизни, что день и ночь думаетъ о томъ, какъ бы ей угодить, и что если онъ скоро пріѣдетъ, то, вѣрно, привезетъ ей множество московскихъ гостинцевъ. Прасковья Ивановна слушала съ удовольствіемъ такія рѣчи и говорила, что она сама никого на свѣтѣ такъ не любитъ, какъ Михаила Максимовича. Пока гостила старуха Бактеева въ Троицкомъ, ей привезли изъ деревни письмо отъ Куролесова, который увѣдомлялъ, что какъ скоро получитъ отпускъ, то немедленно пріѣдетъ. Наконецъ Бактеева и Курмышева, условившись съ Ариной Васильевной, что она ни о чемъ къ своему супругу писать не станетъ и отпуститъ къ нимъ Парашеньку, несмотря на запрещеніе Степана Михайловича, подъ предлогомъ тяжкой болѣзни родной бабушки, — уѣхали въ свое помѣстье. Прасковья Ивановна плакала и просилась къ бабушкѣ, особенно узнавъ, что майоръ скоро пріѣдетъ: но ее не пустили изъ

уваженія къ приказанію братца, Степана Михайловича. Куролесовъ не могъ получить немедленно отпуска и пріѣхалъ мѣсяца черезъ два. Вскорѣ послѣ его пріѣзда отправили гонца съ письмомъ въ Троицкое къ Аринѣ Васильевнѣ; въ письмѣ Курмышева увѣдомляла, что старуха Бактеева сдѣлалась отчаянно больна, желаетъ видѣть и благословить внучку, а потому проситъ прислать ее съ кѣмъ нибудь; было прибавлено, что, безъ сомнѣнія, Степанъ Михайловичъ не будетъ гнѣваться за нарушеніе его приказанія и конечно бы отпустилъ внучку проститься съ своей родной бабушкой. Письмо, очевидно, было написано напоказъ для оправданія Арины Васильевны передъ строгимъ супругомъ. Вѣрная своему обѣщанію и обезпеченная такимъ письмомъ, Арина Васильевна немедленно собралась въ дорогу и сама отвезла Парашеньку къ ея мнимоумирающей бабушкѣ; прогостила у больной съ недѣлю и воротилась домой совершенно обвороженная ласковыми рѣчами Михайлы Максимовича и разными подарками, которые онъ привезъ изъ Москвы не только для нея, но и для дочери ея. Прасковья Ивановна была очень довольна: бабушкѣ ея стало сейчасъ лучше; угодникъ-майоръ привезъ ей изъ Москвы игрушекъ и разныхъ гостинцевъ, гостилъ у Бактеевой въ домѣ безвыѣздно, разсыпался передъ ней мелкимъ бѣсомъ и скоро такъ привязалъ къ себѣ дѣвочку, что когда бабушка объявила ей, что онъ хочетъ на ней жениться, то она очень обрадовалась и, какъ совершенное дитя, начала бѣгать и прыгать по всему дому, объявляя каждому встрѣчному, что „она идетъ замужъ за Михаила Максимовича, что какъ будетъ ей весело, что сколько получитъ она подарковъ, что она будетъ съ утра до вечера кататься съ нимъ на его чудесныхъ рысакахъ, качаться на самыхъ высокихъ качѣляхъ, пѣть пѣсни или играть въ куклы, не маленькія, а большія. которыя сами умѣютъ ходить и кланяться“ ... Вотъ къ какомъ состояніи находилась голова бѣдной невѣсты.

Мѣшкать не стали, опасаясь, чтобъ не дошли слухи до Степана Михайловича; созвали сосѣдей, сдѣлали помолвку, обручили жениха съ невѣстой, заставили поцѣловаться, посадили рядочкомъ за столъ и выпили ихъ здоровье. Невѣста соскучилась было длинной церемоніей, множествомъ поздравленій и сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, но когда позволили ей посадить возлѣ себя свою новую московскую куклу, то сдѣлалась очень весела, объявляла всѣмъ гостямъ, что это ея дочка, и заставляла куклу кляняться и вмѣстѣ съ ней благодарить за поздравленія. Черезъ недѣлю жениха съ невѣстой обвѣнчали съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, показавъ новобрачной, вмѣсто пятнадцатаго, семнадцатый годъ, въ чемъ по ея наружности никто усомниться не могъ. Хотя Арина Васильевна и ея дочери знали, на какое дѣло шли, но извѣстіе, что Парашенька обвѣнчана, чего они такъ скоро не ожидали, привело ихъ въ ужасъ: точно спала пелена съ ихъ глазъ, точно то случилось, чего онѣ и не думали, и онѣ почувствовали, что ни мнимая смертельная болѣзнь родной бабушки, ни письмо ея — не защита имъ отъ справедливаго гнѣва Степана Михайловича. Еще прежде извѣстія о свадьбѣ отправила Арина Васильевна письмо къ своему супругу, въ которомъ увѣдомляла, что по такимъ то важнымъ причинамъ отвезла она внучку къ умирающей бабушкѣ, что она жила тамъ цѣлую недѣлю, и что хотя, Богъ далъ, старухѣ Бактеевой полегче, но Парашеньку назадъ не отпустили, а оставили до выздоровленія бабушки; что дѣлать ей было нечего, насильно взять нельзя, и она поневолѣ согласилась и поспѣшила уѣхать къ дѣтямъ, которыя жили одни-одинехоньки, и что теперь опасается она гнѣва Степана Михайловича. На это письмо онъ отвѣчалъ, что Ариша сдѣлала глупо, чтобъ она ѣхала опять къ старухѣ Бактеевой и, во что бы то ни стало, привезла Парашу домой. Арина Васильевна вздыхала, плакала надъ письмомъ и не знала, что дѣлать. Молодые Куролесовы не

замедлили пріѣхать къ ней съ визитомъ. Парашенька казалась совершенно счастливою и веселою, хотя уже не такъ дѣтски рѣзвою. Мужъ ея также казался вполнѣ счастливымъ, и въ то же время былъ такъ спокоенъ и разсудителенъ, что успокоилъ бѣдную Арину Васильевну своими умными рѣчами. Онъ убѣдительно доказалъ, что весь гнѣвъ Степана Михайловича упадетъ на родную бабушку Бактееву, которая тоже по своей опасной болѣзни, хотя ей теперь, благодаря Бога, лучше, имѣла достаточную причину не испрашивать согласія Степана Михайловича, зная, что онъ не скоро бы далъ его, хотя, конечно бы, со временемъ согласился; что мѣшкать ей было нельзя, потому что она, какъ говорится, на ладанъ дышала, и тяжело было бы ей умирать, не пристроивъ своей родной внучки, круглой сироты, потому что не только двоюродный, но и родной братъ не можетъ замѣнить родной бабушки. Много было наговорено подобныхъ успокоительныхъ разсужденій, сопровождаемыхъ богатыми свадебными подарками, которые были приняты съ большимъ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Оставлены были подарки и для Степана Михайловича. Михайла Максимовичъ посовѣтовалъ Аринѣ Васильевнѣ, чтобъ она погодила писать къ своему супругу до полученія отвѣта на извѣстительное и рекомендательное письмо молодыхъ, и увѣрилъ, что онъ вмѣстѣ съ Прасковьей Ивановной будетъ немедленно писать къ нему; но писать онъ и не думалъ и хотѣлъ только отдалить грозу, чтобъ успѣть, такъ сказать, утвердиться въ своемъ новомъ положеніи. Послѣ женитьбы Михайла Максимовичъ послалъ немедленно просьбу объ увольненіи его въ отставку, которую и получилъ очень скоро. Первымъ его дѣломъ было объѣздить съ молодой своей женой всѣхъ родственниковъ и всѣхъ знакомыхъ, какъ съ ея стороны, такъ и съ своей. Въ Симбирскѣ же, начиная съ губернатора, не было забыто ни одно служебное, сколько-нибудь значительное

лицо. Всѣ не могли довольно нахвалиться прекрасною парочкой молодыхъ; во всѣхъ такъ умѣли найти они благосклонное расположеніе, что одобреніе этого брака сдѣлалось общимъ мнѣніемъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Степанъ Михайловичъ, не получая давно писемъ изъ дому, видя, что дѣло его затянулось, соскучившись въ разлукѣ съ семействомъ, вдругъ въ одинъ прекрасный день воротился въ свое Троицкое. Задрожали и руки, и ноги у Арины Васильевны, когда она услыхала страшныя слова: „Баринъ пріѣхалъ“. Степанъ Михайловичъ, узнавъ, что всѣ живы и здоровы, свѣтелъ и радостенъ вошелъ въ свой господскій домъ, расцѣловалъ свою Аришеньку, дочерей и сына и весело спросилъ: „Да гдѣ же Параша?“ Ободрившись ласковостью супруга, Арина Васильевна отвѣчала ему съ притворной улыбкой: „Гдѣ, доподлинно не знаю; можетъ у бабушки. Да вѣдь ты, батюшка, давно изволишь знать, что Парашенька замужемъ“. Не стану описывать изумленіе и гнѣвъ моего дѣдушки; гнѣвъ этотъ удвоился, когда онъ узналъ, что Прасковья Ивановна выдана за Куролесова. Степанъ Михайловичъ принялся было за расправу съ своей супругой, но она, повалившись ему въ ноги со всѣми дочерьми и представивъ письма старухи Бактеевой, успѣла увѣрить его, что „знать ничего не знаетъ и что она сама была обманута“. Бѣшенство Степана Михайловича обратилось на старуху Бактееву; онъ приказалъ себѣ приготовить другихъ лошадей и, отдохнувъ часа два-три, поскакалъ прямо къ ней. Можно себѣ представить, какую схватку *учинилъ* онъ съ бабушкой Прасковьи Ивановны. Старуха, вытерпѣвъ первый потокъ самыхъ крѣпкихъ ругательствъ, пріосанилась и, разгорячившись, въ свою очередь сама напала на моего дѣдушку. „Да что-жъ это ты развоевался, какъ надъ своей крѣпостной рабой?“ — сказала она: — „Развѣ ты забылъ, что я такая же столбовая дворянка, какъ и ты, и что мой покойный мужъ былъ гораздо повыше

тебя чиномъ? Я поближе тебя къ Парашенькѣ, я родная бабушка ей и такая же опекунша, какъ ты. Я устроила ея счастье, не дожидаясь твоего согласія, потому что была больна присмерти и не хотѣла ее оставить на всю твою волю; вѣдь я знаю, что ты бѣшеный и сумасшедшій; живя у тебя, пожалуй, она бы въ иной часъ и палки отвѣдала. Михаилъ Максимовичъ ей по всему пара, и Парашенька его сама полюбила. Да и кто же его не полюбитъ и не похвалитъ! Тебѣ только онъ не угодилъ, а ты спроси-ка твою семью, такъ и узнаешь, что она имъ не нахвалится". — „Врешь ты, старая мошенница!" — вопилъ мой дѣдушка: — „Ты обманула мою Аришу, прикинулась, что умираешь . . . Ты продала свою внучку разбойнику Мишкѣ Куролесову, который приворотилъ васъ съ дочкой къ себѣ нечистой силой". Старуха Бактеева вышла изъ себя и въ запальчивости выболтала, что Арина Васильевна и ея дочери были съ нею заодно и заранѣе приняли разные подарки отъ Михаила Максимовича. Такія слова обратили опять весь гнѣвъ Степана Михайловича на его семейство. Погрозивъ, что онъ разведетъ Парашу съ мужемъ по ея несовершеннолѣтію, онъ отправился домой, но заѣхалъ по дорогѣ къ священнику, который вѣнчалъ Куролесовыхъ. Онъ грозно потребовалъ у него отчета, но тотъ очень спокойно и съ увѣренностью показалъ ему обыскъ, подпись бабушки и невѣсты, рукоприкладство свидѣтелей и метрическое свидѣтельство изъ духовной консисторіи, что Прасковьѣ Ивановнѣ семнадцатый годъ. Это былъ новый ударъ для моего дѣдушки, лишившій его всякой надежды къ расторженію ненавистнаго ему брака и несказанно усилившій его гнѣвъ на Арину Васильевну и дочерей. Я не буду распространяться о томъ, что онъ дѣлалъ, воротясь домой. Это было бы ужасно и отвратительно. По прошествіи тридцати лѣтъ тетки мои вспоминали объ этомъ времени, дрожа отъ страха. Я скажу только въ короткихъ словахъ, что вино-

ватыя признались во всемъ, что всѣ подарки, и первые, и послѣдніе, и назначенные ему, онъ отослалъ къ старухѣ Бактеевой, для возвращенія кому слѣдуетъ, что старшія дочери долго хворали, а у бабушки не стало косы, и что цѣлый годъ ходила она съ пластыремъ на головѣ. Молодымъ же Куролесовымъ онъ далъ знать, чтобы они не смѣли къ нему и глазъ показывать, а у себя дома запретилъ поминать ихъ имена.

Между тѣмъ время шло, залѣчивая всякія раны и духовныя, и тѣлесныя, успокоивая всякія страсти. Черезъ годъ зажила голова у Арины Васильевны, утихъ гнѣвъ въ сердцѣ Степана Михайловича. Сначала онъ не хотѣлъ не только видѣть, но и слышать о молодыхъ Куролесовыхъ, даже не читалъ писемъ Прасковьи Ивановны; но къ концу года, получая со всѣхъ сторонъ добрыя вѣсти объ ея житьѣ и о томъ, какъ она вдругъ сдѣлалась разумна не по годамъ, Степанъ Михайловичъ смягчился, и захотѣлось ему видѣть свою милую сестричку. Онъ разсудилъ, что она менѣе всѣхъ виновата, что она была совершенный ребенокъ, — и позволилъ пріѣхать ей въ Троицкое, но безъ мужа. Разумѣется, она сейчасъ прискакала. Въ самомъ дѣлѣ, Прасковья Ивановна такъ перемѣнилась въ одинъ годъ своего замужества, что Степанъ Михайловичъ не могъ надивиться. И странное дѣло, откуда вдругъ взялась у нея такая любовь и признательность къ своего двоюродному брату, какой она вовсе не чувствовала до замужества, и еще менѣе, казалось, могла почувствовать послѣ своей свадьбы? Прочла ли она въ его глазахъ, полныхъ слезъ при встрѣчѣ съ нею, сколько скрывается любви подъ суровою наружностью и жестокимъ самовластіемъ этого человѣка? Было ли это темное предчувствіе будущаго или неясное пониманіе единственной своей опоры и защиты? Почувствовала ли она безсознательно, что изъ всѣхъ баловницъ и потатчицъ ея ребяческимъ желаніямъ, — всѣхъ больше

любить ее грубый братъ, противникъ ея счастья, не взлюбившій любимаго ею мужа? Не знаю, но для всѣхъ было поразительно, что прежняя, легкомысленная, равнодушная къ брату дѣвочка, не понимавшая и не признававшая его правъ и своихъ къ нему обязанностей, имѣющая теперь всѣ причины къ чувству непріязненному за оскорбленіе любимой бабушки, вдругъ сдѣлалась не только привязанною сестрою, но горячею дочерью, которая смотрѣла въ глаза своему двоюродному брату, какъ нѣжно и давно любимому отцу, нѣжно и давно любящему свою дочь . . . Какъ бы то ни было, но внезапно родившееся чувство прекратилось только съ ея жизнью. Что за чудная перемѣна сдѣлалась во всемъ существѣ Прасковьи Ивановны въ такія молодыя лѣта, въ одинъ годъ замужества? Пропало неразумное дитя, и явилась, хотя веселая, но разумная женщина. Она искренне признавала всѣхъ виноватыми передъ Степаномъ Михайловичемъ. Извиняла только себя неразумѣемъ, а бабушку, мужа и другихъ — горячею и слѣпою къ ней любовью. Она не просила, чтобы Степанъ Михайловичъ сейчасъ простилъ ея мужа, виноватаго больше всѣхъ, но надѣялась, что со временемъ, видя, какъ она счастлива, какой попечительный, неутомимый хозяинъ ея мужъ, какъ устраиваетъ ея состояніе, братецъ проститъ Михаила Максимовича и позволитъ ему пріѣхать. Хотя дѣдушка мой ничего не сказалъ на такія слова, но былъ совершенно побѣжденъ ими. Онъ не сталъ долго держать у себя свою умную сестрицу, какъ онъ сталъ называть ее съ этихъ поръ, и отправилъ немедленно къ мужу, говоря, что теперь *тамъ* ея мѣсто. Прощаясь, онъ сказалъ ей: „Если черезъ годъ ты будешь такъ же довольна своимъ мужемъ, и онъ будетъ такъ же хорошо съ тобою жить, то я помирюсь съ нимъ.“ И точно, черезъ годъ, зная, что Михаилъ Максимовичъ ведетъ себя хорошо и занимается устройствомъ имѣнія жены своей съ неусыпнымъ рвеніемъ, видя нерѣдко свою сестрицу здоро-

вою, довольною и веселою, Степанъ Михайловичъ сказалъ ей: „Привози своего мужа“. Онъ принялъ Куролесова съ радушіемъ, прямо и откровенно высказалъ свои прежнія сомнѣнія и обѣщалъ ему, если онъ всегда будетъ такъ хорошо себя вести, родственную любовь и дружбу. Михаилъ Максимовичъ держалъ себя очень умно, онъ не былъ такъ вкрадчивъ и искателенъ, какъ прежде, но такъ же почтителенъ и внимателенъ, предупредителенъ. Въ немъ слышалось больше самостоятельности и увѣренности; онъ былъ озабоченъ, погруженъ въ хозяйственныя дѣла, просилъ совѣтовъ у старика, понималъ ихъ очень хорошо и пользовался ими съ отличнымъ умѣньемъ. Онъ счелся съ нимъ въ дальнемъ родствѣ самъ по себѣ и называлъ его дядюшкой, Арину Васильевну — тетушкой, сына ихъ — братцемъ, а дочерей — сестрицами. Онъ оказалъ Степану Михайловичу какую то услугу еще до своего примиренія или прощенія; дѣдушка зналъ это и теперь сказалъ ему спасибо, и даже поручилъ о чемъ то похлопотать. Однимъ словомъ, дѣло уладилось превосходно. Казалось, всѣ обстоятельства говорили въ пользу Михаила Максимовича, но дѣдушка повторялъ свое: „Хорошъ парень, ловокъ и смышленъ, а сердце не лежитъ“.

Такъ прошелъ еще годъ, впродолженіе котораго Степанъ Михайловичъ переселился въ Уфимское намѣстничество. Въ первые три года послѣ женитьбы Куролесовъ велъ себя скромно и смирно или, по крайней мѣрѣ, такъ скрытно, что ничего не было слышно. Впрочемъ, онъ дома жилъ мало и все время проводилъ въ разъѣздахъ. Одинъ только слухъ носился вездѣ и даже увеличивался, что молодой хозяинъ *строгонекъ*. Въ слѣдующіе два года Куролесовъ надѣлалъ чудеса по устройству имѣнія жены своей, что неоспоримо доказывало его неусыпную дѣятельность, предпріимчивость и желѣзную волю въ исполненіи своихъ предпріятій. Имѣніе Прасковьи Ивановны управлялось прежде очень плохо: оно

было разстроено, запущено, крестьяне избалованы. Они давали очень мало дохода не потому, чтобы мѣстность была невыгодна для сбыта хлѣба, но потому, что они, кромѣ того, что плохо работали, были малоземельны и находились отчасти въ общемъ владѣніи съ бабушкой Бактеевой и теткой Курмышевой. Михаилъ Максимовичъ съ того началъ, что принялся за переводъ крестьянъ на новыя мѣста, а старыя земли продалъ очень выгодно. Онъ купилъ степь въ Симбирской губерніи (теперь Самарской), въ Ставропольскомъ уѣздѣ, около семи тысячъ десятинъ, землю отличную, хлѣбородную, черноземъ въ полтора аршина глубиною, ровную, удобную для хлѣбопашества, по рѣчкѣ „Берля“, въ вершинахъ которой только росъ по отрогамъ небольшой лѣсокъ, да былъ еще заповѣдный „Медвѣжій Врагъ“, который и теперь составляетъ единственный лѣсъ для всего имѣнія. Тамъ поселилъ онъ 350 душъ. Это вышло имѣніе отмѣнно выгодное, потому что находилось во ста верстахъ отъ Самары и въ 60 и въ 40 верстахъ отъ многихъ волжскихъ пристаней. Извѣстно, что удобный сбытъ хлѣба составляетъ у насъ все достоинство имѣнія[1]). Потомъ отправился Михаилъ Максимовичъ въ Уфимское намѣстничество и купилъ у башкирцевъ примѣрно по урочищамъ болѣе 20.000 десятинъ, также черноземъ, хотя далеко не такъ богатаго, какъ въ Симбирской губерніи, но съ довольнымъ количествомъ дровянаго и даже строевого лѣса. Земля лежала по рѣкѣ Усень и рѣчкамъ: Сюшъ, Мелеусъ, Кармалка и Белебейка; тогда, кажется, это былъ Мензелинскій уѣздъ, а теперь Белебеевскій, принадлежащій къ Оренбургской губерніи. Тамъ поселилъ онъ, на истокѣ множества ключей, составляющихъ рѣчку Большой Сюшъ,

---

[1]) Это имѣніе, извѣстное подъ именемъ „село Вишенки, Куроѣдово тожъ“, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ., раздѣлено теперь на двѣ половины, изъ которыхъ одна перешла къ сыновьямъ автора „Семейной хроники“, а другая къ его брату, Николаю Тимоѳеевичу. *И. А.*

450 душъ, да на рѣчкѣ Белебейкѣ 50 душъ. Большую деревню назвалъ „Парашино“ [1]), а маленькую — „Ивановка“. Симбирское же имѣніе называлось „Куролесово“, и всѣ три названія составляли имя, отчество и фамилію его жены. Эта романическая затѣя въ такомъ человѣкѣ, какимъ явится впослѣдствіи Михаилъ Максимовичъ, всегда меня удивляла. Впрочемъ, есть люди, которые находятъ, что подобныя выходки бываютъ часто. Резиденцію свою и своей супруги устроилъ онъ въ особомъ ея родовомъ материнскомъ имѣніи, состоящемъ изъ 350 душъ, въ селѣ Чурасовѣ [2]), находящемся въ 50 верстахъ отъ губернскаго города. Тамъ выстроилъ онъ, по тогдашнему, великолѣпный господскій домъ со всѣми принадлежностями; отдѣлалъ его наславу, меблировалъ отлично, расписалъ весь красками внутри и даже снаружи; люстры, канделябры, бронза, фарфоровая и серебряная посуда удивляли всѣхъ; домъ поставилъ на небольшомъ косогорѣ, изъ котораго били и кипѣли болѣе двадцати чудныхъ родниковыхъ ключей. Домъ, косогоръ, родники, — все это обхватывалось и заключалось въ богатомъ, плодовитомъ саду, на двѣнадцати десятинахъ, со всевозможными сортами яблокъ и вишенъ. Внутреннее хозяйство дома, прислуга, повара, экипажи, лошади, — все было устроено и богато, и прочно. Окружные сосѣди, которыхъ было немало, и гости изъ губернскаго города не переводились въ Чурасовѣ: ѣли, пили, гуляли, играли въ карты, пѣли, говорили, шумѣли, веселились. Парашеньку свою Михаилъ Максимовичъ одѣвалъ какъ куклу, предупреждалъ всѣ ея желанія, тѣшилъ съ утра до вечера, когда только бывалъ дома. Однимъ словомъ, въ нѣсколько лѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ онъ поставилъ себя на такую

---

[1]) Т. е. Надежино, Куроѣдово тожъ. Это село (въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Уфимской губ.) принадлежитъ теперь одному изъ сыновей покойнаго автора. *И. А.*

[2]) Т. е. Чуфаровѣ.

ногу, что добрые люди дивились, а недобрые завидовали. Михаилъ Максимовичъ не забылъ и о церкви и въ два года, вмѣсто ветхой деревянной, выстроилъ и снабдилъ великолѣпною утварью новую каменную церковь; даже славныхъ пѣвчихъ завелъ изъ своихъ дворовыхъ людей. На четвертомъ году замужества Прасковья Ивановна, совершенно довольная и счастливая, родила дочь, а потомъ черезъ годъ и сына, но дѣти не жили: дѣвочка умерла на первомъ же году, а сынъ уже трехъ лѣтъ. Прасковья Ивановна такъ привязалась было къ нему, что эта потеря стоила ей дорого. Цѣлый годъ она не осушала глазъ, и даже необыкновенно крѣпкое ея здоровье очень разстроилось, и болѣе дѣтей она не имѣла. Между тѣмъ авторитетъ Михаила Максимовича въ общественномъ мнѣніи росъ не по днямъ, а по часамъ. Съ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ, правду сказать, поступалъ онъ крутенько и самовластно, и хотя оно его не любило, но зато крѣпко боялось, а высшее дворянство только похваливало Михаила Максимовича за то, что онъ не даетъ забываться тѣмъ, кто его пониже. Годъ отъ году становились чаще и продолжительнѣе отлучки Куролесова, особенно съ того несчастнаго года, когда Прасковья Ивановна потеряла сына и неутѣшно сокрушалась. Вѣроятно, ея супругу наскучили слезы, вздохи и тишина въ уединеніи, потому что Прасковья Ивановна цѣлый годъ не хотѣла никого видѣть. Впрочемъ, и самое шумное и веселое общество въ Чурасовѣ его къ себѣ не привлекало.

Мало по малу стали распространяться и усиливаться слухи, что майоръ не только строгонекъ, какъ говорили прежде, но и жестокъ, что, забравшись въ свои деревни, особенно въ Уфимскую, онъ пьетъ и развратничаетъ, что тамъ у него набрана уже своя компанія, пьянствуя съ которой, онъ доходитъ до неистовствъ всякаго рода, что главная бѣда: въ пьяномъ видѣ немилосердно дерется безо всякаго резону,

и что уже два-три человѣка пошли на тотъ свѣтъ отъ его побой; что исправники и судьи обоихъ уѣздовъ, гдѣ находились его новыя деревни, всѣ на его сторонѣ, что однихъ онъ задарилъ, другихъ запоилъ, а всѣхъ запугалъ; что мелкіе чиновники и дворяне передъ нимъ дрожкой дрожатъ, потому что онъ всякаго, кто осмѣливался дѣлать и говорить не по немъ, хваталъ среди бѣла дня, сажалъ въ погреба или овинныя ямы и морилъ холодомъ и голодомъ, на хлѣбѣ да на водѣ, а нѣкоторыхъ безъ церемоніи диралъ немилосердно какими то *кошками*[1]). Слухи были не только справедливы, но слишкомъ умѣренны; дѣйствительность далеко превосходила робкую молву. Кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бѣшенства спиртными парами, развилась на свободѣ во всей своей полнотѣ и представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явленій, отъ которыхъ содрогается и которыми гнушается человѣчество. Это ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью человѣка.

Наконецъ слухи превратились въ достовѣрность, и никто изъ окружающихъ Прасковью Иванову, родныхъ, сосѣдей и прислуги, никто уже не ошибался насчетъ Михайлы Максимовича. Когда онъ возвращался въ Чурасово послѣ своихъ страшныхъ подвиговъ, то велъ себя попрежнему почтительно къ старшимъ, ласково и внимательно къ равнымъ, предупредительно и любезно къ своей женѣ, которая, выплакавъ свое горе, опять стала здорова и весела, а домъ ея попрежнему былъ полонъ гостей и удовольствій. Хотя Михайло Максимо-

---

[1]) Кошки были любимымъ орудіемъ наказанія у Михайлы Максимовича. Это не что иное, какъ ременныя плети, оканчивающіяся семью хвостами изъ сыромятной кожи, съ узлами на концѣ каждаго хвоста. Въ Парашинѣ, даже послѣ смерти Куролесова, нѣкоторое время сохранялись въ кладовой, разумѣется, безъ употребленія, эти отвратительныя орудія, и я видѣлъ ихъ самъ. Когда имѣніе досталось сыну Степана Михайловича, кошки были сожжены.

вичъ ни съ кѣмъ въ Чурасовѣ не дрался, предоставляя это удовольствіе старостѣ и дворецкому, но всѣ по наслышкѣ дрожали отъ одного его взгляда; даже въ обращеніи съ нимъ родныхъ и короткихъ знакомыхъ было замѣтно какое то смущеніе и опасеніе. Прасковья Ивановна ничего не замѣчала, а если замѣчала, то приписывала совсѣмъ другой причинѣ: невольному уваженію, которое внушалъ всѣмъ Михайла Максимовичъ своимъ диковиннымъ хозяйствомъ, своимъ умѣньемъ жить богато и разумной твердостью своихъ поступковъ. Люди разсудительные, любящіе Прасковью Ивановну, видя ее совершенно спокойною и счастливою, радовались, что она ничего не знаетъ, и желали, чтобъ какъ можно долѣе продолжалось это незнаніе. Конечно и между тогдашними приживалками и мелкопомѣстными сосѣдками были такія, у которыхъ очень чесался язычокъ и которымъ очень хотѣлось отплатить высокомѣрному майору за его презрительное обращеніе, то есть, вывести его на свѣжую воду; но кромѣ страха, который онѣ чувствовали невольно и который, вѣроятно, не удержалъ бы ихъ, было другое препятствіе для выполненія такихъ благихъ намѣреній: къ Прасковьѣ Ивановнѣ не было приступу ни съ какими вкрадчивыми словами о Михайлѣ Максимовичѣ; умная, проницательная и твердая Прасковья Ивановна сейчасъ замѣчала, несмотря на хитросплетаемыя рѣчи, что хотятъ ввернуть какое нибудь словцо, невыгодное для Михайлы Максимовича; она сдвигала свои темныя брови и объявляла рѣшительнымъ голосомъ, что тотъ, кто скажетъ непріятное для ея мужа, никогда уже въ домѣ ея не будетъ. Послѣ такого предупредительнаго и грознаго выраженія, разумѣется, уже никто не осмѣливался путаться не въ свое дѣло. Приближенная къ Прасковьѣ Ивановнѣ прислуга, особенно одинъ старикъ, любимецъ покойнаго ея отца, и старуха, ея нянька, которыхъ преимущественно жаловала госпожа, но съ которыми, вопреки тогдашнимъ обычаямъ, не входила она въ короткія сношенія,

также ничего не могли сдѣлать. Старику и старухѣ, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, была кровная нужда, чтобъ ихъ барыня узнала настоящую правду о своемъ супругѣ: близкіе родные ихъ, находившіеся въ прислугѣ у барина, невыносимо страдали отъ жестокости своего господина. Наконецъ старикъ и старуха рѣшились разсказать барынѣ все и, улучивъ время, когда Прасковья Ивановна была одна, вошли къ ней оба; но только вырвалось у старушки имя Михайлы Максимовича, какъ Прасковья Ивановна до того разгнѣвалась, что вышла изъ себя; она сказала своей нянѣ, что если она когда нибудь разинетъ ротъ о баринѣ, то болѣе никогда ее не увидитъ и будетъ сослана на вѣчное житье въ Парашино. Такимъ образомъ прекращены были всѣ пути къ доносу на Михайлу Максимовича и заткнуты всѣ рты. Прасковья Ивановна вѣрила безусловно своему мужу и любила его. Она знала, что посторонніе люди охотно путаются въ чужія дѣла, охотно мутятъ воду, чтобы удачнѣе ловить въ ней рыбу, и она заранѣе приняла твердое намѣреніе, постановила неизмѣннымъ правиломъ: не допускать до себя никакихъ разсужденій о своемъ мужѣ. Правило очень мудрое, необходимое для сохраненія спокойствія въ семейной жизни; но нѣтъ правила безъ исключенія. Можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ твердый нравъ и крѣпкая воля Прасковьи Ивановны, сильно подкрѣпленные тѣмъ обстоятельствомъ, что все богатство принадлежало ей, могли бы вначалѣ остановить ея супруга, и онъ, какъ умный человѣкъ, не захотѣлъ бы лишить себя всѣхъ выгодъ роскошной жизни, не дошелъ бы до такихъ крайностей, не допустилъ бы вырасти вполнѣ своимъ чудовищнымъ страстямъ и кутилъ бы умѣренно втихомолку, какъ и многіе другіе.

Такъ протекло нѣсколько лѣтъ. Михайла Максимовичъ предавался на свободѣ своимъ наклонностямъ, быстро развивался и, наконецъ, началъ совершать безнаказанно неслыханныя дѣла. Я не стану разсказывать подробно, какую жизнь

велъ онъ въ своихъ деревняхъ, особенно въ Парашинѣ, а также въ уѣздныхъ городишкахъ, это была бы самая отвратительная повѣсть. Я скажу только то, что необходимо для полученія настоящаго понятія объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Первые года, занимаясь устройствомъ жениныхъ имѣній, можно сказать съ самозабвеніемъ, онъ могъ назваться самымъ умнымъ, дѣятельнымъ и попечительнымъ хозяиномъ. Всѣми безконечно разнообразными и тяжелыми заботами и хлопотами, соединенными съ дальнимъ переселеніемъ крестьянъ и водвореніемъ ихъ на мѣстахъ новаго жительства, — Михайла Максимовичъ неусыпно занимался самъ, постоянно имѣя въ виду одно: благосостояніе крестьянъ. Онъ умѣлъ не жалѣть денегъ, гдѣ нужно было, смотрѣлъ, чтобы онѣ доходили до рукъ вовремя, вмѣру, и предупреждалъ всякія надобности и нужды переселенцевъ. Самъ выпроваживалъ ихъ со *старины*, самъ ѣхалъ съ ними большую часть дороги и самъ встрѣчалъ ихъ на новосельѣ, снабженномъ всѣмъ для ихъ пріема и помѣщенія. Правда, онъ былъ слишкомъ строгъ, жестокъ въ наказаніи виноватыхъ, но справедливъ въ разборѣ винъ и не ставилъ крестьянину всякаго лыка въ строку; онъ позволялъ себѣ отъ времени до времени гульнуть, потѣшиться денекъ-другой, завернуть куда нибудь встороннку, но хмель и буйство скоро слетали съ него, какъ съ гуся вода, и съ новой бодростью являлся онъ къ своему дѣлу.

Да, дѣло лежало у него на плечахъ, занимало всѣ его умственныя способности и не давало ему предаться пагубному пьянству, которое отнимало у него умъ, снимало узду съ его страстей, чудовищныхъ, безчеловѣчныхъ. Да, дѣло спасало его. Когда же онъ привелъ въ порядокъ обѣ новыя деревни: Куролесово и Парашино, устроилъ въ нихъ господскія усадьбы съ флигелями, а въ Парашинѣ небольшой помѣщичій домъ, когда у него стало мало дѣла и много свободнаго времени, — пьянство, съ его обыкновенными послѣдствіями, и буйство со-

вершенно овладѣли имъ, а всегдашняя жестокость мало-по-малу превратилась въ неутолимую жажду мукъ и крови человѣческой. Избалованный страхомъ и покорностью всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталъ знать мѣру своему бѣшеному своеволію. Онъ выбралъ себѣ изъ дворовыхъ и даже изъ крестьянъ десятка полтора головорѣзовъ, достойныхъ исполнителей его воли, и образовалъ изъ нихъ шайку разбойниковъ. Видя, что барину все сходило съ рукъ, они повѣрили его могуществу и сами, пьяные и развратные, охотно и смѣло исполняли всѣ его безумныя приказанія. Досаждалъ ли кто Михайлѣ Максимовичу непокорнымъ словомъ или поступкомъ, напримѣръ, даже хотя тѣмъ, что не пріѣхалъ въ назначенное время на его пьяные пиры, — сейчасъ, по знаку своего барина, скакали они къ провинившемуся, хватали его тайно или явно, гдѣ бы онъ ни попался, привозили къ Михайлѣ Максимовичу, позорили, сажали въ подвалъ въ кандалы или сѣкли по его приказанію. Михайла Максимовичъ очень любилъ хорошія вещи, хорошихъ лошадей и любилъ, какъ украшеніе дома, хорошія, по его мнѣнію, картины. Если что нибудь подобное нравилось ему въ домѣ своего сосѣда, или просто въ томъ домѣ, гдѣ ему случалось быть, то онъ сейчасъ предлагалъ хозяину помѣняться: въ случаѣ несогласія его, онъ предлагалъ иногда деньги, если былъ въ хорошемъ духѣ: если и тутъ хозяинъ упрямился, то Михайла Максимовичъ предупреждалъ его, что возьметъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени являлся онъ съ своей шайкой, забиралъ все, что ему угодно, и увозилъ къ себѣ: на него жаловались, предписывали произвести слѣдствіе; но Михайла Максимовичъ съ перваго разу приказалъ сказать земскому суду, что обдеретъ кошками того изъ чиновниковъ, который покажетъ ему глаза, и — оставался правъ, а челобитчикъ между тѣмъ былъ схваченъ и высѣченъ, иногда въ собственномъ его имѣніи, въ собственномъ домѣ, посреди семейства,

которое валялось въ ногахъ и просило помилованія виноватому. Бывали насилія и похуже, и также не имѣли никакихъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько времени Михайла Максимовичъ мирился съ обиженными, удовлетворяя ихъ иногда деньгами, а чаще привлекая къ миру страхомъ, но похищенное добро оставалось его законною собственностью. Пируя съ гостями, онъ любилъ хвастаться, что „вотъ эту красотку въ золотыхъ рамахъ“ отнялъ у такого то господина, а это бюро съ бронзой у такого то, — и всѣ эти „такіе то“ господа нерѣдко пировали тутъ же и притворялись, что не слышатъ словъ хозяина или, скрѣпя сердце, сами смѣялись надъ собою. Михайла Максимовичъ имѣлъ удивительно крѣпкое сложеніе; онъ пилъ много, но никогда не напивался *до положенія ризъ*, какъ говорится; хмель не валялъ его съ ногъ, а поднималъ его на ноги и возбуждалъ страшную дѣятельность въ его отуманенномъ умѣ, въ его разгоряченномъ тѣлѣ. Любимымъ его наслажденіемъ было — заложить нѣсколько троекъ лихихъ лошадей во всевозможные экипажи, разумѣется, съ колокольчиками, насажать въ нихъ своихъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, дворню, кого ни попало, и съ громкими пѣснями и криками скакать во весь духъ по окольнымъ полямъ и деревнямъ. Имѣя съ собой всегда запасъ вина, онъ особенно любилъ напоить доньяна всякаго встрѣчнаго, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, и больно сѣкалъ того, кто осмѣливался ему противиться. Наказанныхъ привязывали къ деревьямъ, къ столбамъ и заборамъ, не обращая вниманія ни на дождь, ни на стужу. О болѣе возмутительныхъ насиліяхъ я умалчиваю. Въ такомъ расположеніи духа ѣхалъ онъ однажды черезъ какую то деревню; проѣзжая мимо овиннаго тока, онъ замѣтилъ женщину необыкновенной красоты. „Стой!“ — закричалъ Михайла Максимовичъ: — „Петрушка! какова баба?“ — „Больно хороша“, отвѣчалъ Петрушка. — „Хочешь на ней жениться?“ — „Да какъ же жениться на чужой женѣ“, отвѣчалъ, ухмыляясь, Петрушка.

„А вотъ какъ! Ребята, бери ее, сажай ко мнѣ въ повозку!“ ... Женщину схватили, посадили въ повозку, привезли прямо въ приходское село и, хотя она объявила, что у ней есть мужъ и двое дѣтей, обвѣнчали съ Петрушкой, и никакихъ просьбъ не было, не только при жизни Куролесова, но даже при жизни Прасковьи Ивановны. Когда же все имѣніе перешло въ руки ея племянника[1]), онъ возвратилъ эту женщину вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми прежнему ея господину: первый мужъ давно уже умеръ. Наслѣдникъ, то есть, тотъ же племянникъ, роздалъ также нѣсколько разныхъ вещей прежнимъ хозяевамъ, которые предъявили свои требованія; многія же вещи долго валялись въ кладовыхъ, пока не истлѣли отъ ветхости. Трудно повѣрить, чтобъ могли совершаться такія дѣла въ Россіи, даже и за 80 лѣтъ; но въ истинѣ разсказа нельзя сомнѣваться.

Какъ ни была ужасна и отвратительна, сама по себѣ, эта преступная, пьянаго буйства исполненная жизнь, но она повела еще къ худшему, къ болѣе страшному развитію природной жестокости Михайла Максимовича, превратившейся, наконецъ, въ лютость, въ кровопійство. Терзать людей сдѣлалось его потребностью, наслажденіемъ. Въ тѣ дни, когда случалось ему не драться, онъ былъ скученъ, печаленъ, безпокоенъ, даже боленъ, и потому часъ отъ часу становились рѣже его поѣздки въ Чурасово и короче пребыванія тамъ. Зато, воротясь въ свое любимое Парашино, онъ спѣшилъ вознаградить себя. Обзоръ хозяйственныхъ заведеній представлялъ ему достаточное число жертвъ; тутъ уже всякая вина была виновата, а въ какомъ хозяйствѣ нельзя найти какихъ нибудь мелочныхъ упущеній, если захочешь отыскать ихъ. Впрочемъ отъ лютости Михайлы Максимовича страдали преимущественно дворовые люди. Онъ рѣдко наказывалъ кресть-

[1]) Отца автора Семейной хроники.

янъ, и то въ случаяхъ особенной важности или личной извѣстности ему виноватаго человѣка; зато старосты и приказчики терпѣли отъ него наравнѣ съ дворовыми. У него не было пощады никому, и каждый изъ его приближенныхъ, а иной и не одинъ разъ, бывалъ наказанъ насмерть. Замѣчательно, что когда Михайла Максимовичъ сердился, горячился и кричалъ, что бывало рѣдко, — онъ не дрался; когда же добирался до человѣка съ намѣреніемъ потѣшиться его муками, онъ говорилъ тихо и даже ласково: „Ну, любезный другъ, Григорій Кузьмичъ (вмѣсто обыкновеннаго: Гришка), дѣлать нечего, пойдемъ, надобно мнѣ съ тобой расчитаться“. Съ такими словами обращался онъ къ главному своему конюху, по прозванью Ковлягѣ, который, неизвѣстно почему, чаще другихъ подвергался истязаніямъ. „Поцарапайте его кошечками“, говорилъ съ улыбкой Михайла Максимовичъ окружающимъ, и начиналась долговременная пытка, впродолженіе которой баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пошучивалъ съ несчастной жертвой, пока она еще могла слышать . . . Меня увѣряли достовѣрные свидѣтели, что жизнь наказанныхъ людей спасали только тѣмъ, что завертывали истерзанное ихъ тѣло въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ. Осмотрѣвъ внимательно наказаннаго человѣка, Михайла Максимовичъ говорилъ, если былъ доволенъ: „Ну, будетъ съ него, приберите къ мѣсту“ . . . и дѣлался веселъ, шутливъ и любезенъ на цѣлый день, а иногда и на нѣсколько дней. Чтобы довершить характеристику этого страшнаго существа, я приведу его собственныя слова, которыя онъ не одинъ разъ говаривалъ въ кругу пирующихъ собесѣдниковъ: „Не люблю палокъ и кнутьевъ, что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человѣка! То ли дѣло кошечки: и больно, и не опасно!“ Я разсказалъ десятую долю того, что знаю, но, кажется, и этого довольно. Замѣчательно, какъ необъяснимое явленіе и противорѣчіе въ искаженной человѣческой

природѣ, что Михаилъ Максимовичъ, достигнувъ высшей степени разврата и лютости, ревностно занялся построеніемъ каменной церкви въ Парашинѣ; онъ производилъ эту работу экономически. Въ то время, на которомъ остановился мой разсказъ, церковь по наружности была отдѣлана, и наняты были мастеровые для внутренней отдѣлки; столяры, рѣзчики, золотари и иконописцы уже нѣсколько мѣсяцевъ работали въ Парашинѣ, занимая весь господскій домъ.

Четырнадцать лѣтъ была замужемъ Прасковья Ивановна и хотя замѣчала что то странное въ своемъ супругѣ, котораго послѣдніе два года рѣдко и не надолго видала, но не только не знала, даже и не подозрѣвала ничего подобнаго. Она продолжала жить беззаботно и весело: лѣтомъ занималась съ увлеченіемъ своимъ плодовитымъ садомъ и родниками, которыхъ не позволяла обдѣлывать и очень любила сама расчищать, а все остальное время года проводила съ гостями и сдѣлалась большой охотницей играть въ карты. Вдругъ получаетъ она съ почты или съ нарочнымъ письмо отъ одной старушки, дальней родственницы ея мужа, которую она очень уважала. Въ письмѣ была описана вся жизнь Михайлы Максимовича и въ заключеніи сказано, что грѣшно оставлять въ невѣдѣніи госпожу тысячи душъ, которыя страдаютъ отъ тиранства изверга, ея мужа, и которыхъ она можетъ защитить, уничтоживъ довѣренность, данную ему на управленіе имѣніемъ. Что кровь ихъ вопіетъ на небо, что и теперь извѣстный ей лакей, Иванъ Онуфріевъ, умираетъ отъ жестокихъ истязаній и что самой Прасковьѣ Ивановнѣ нечего опасаться, потому что Михайла Максимовичъ въ Чурасово не посмѣетъ и появиться, что добрые сосѣди и самъ губернаторъ защитятъ ее. Прасковья Ивановна была поражена, какъ громомъ. Я слышалъ самъ, какъ она разсказывала, что въ первыя минуты совсѣмъ было сошла съ ума; но необычайная твердость духа и теплая вѣра подкрѣпили ее, и она скоро рѣшилась

на такой поступокъ, на какой едва ли бы отважился самый смѣлый мужчина: она велѣла заложить лошадей, сказавши, что ѣдетъ въ губернскій городъ, и съ одною горничной дѣвушкой, съ кучеромъ и лакеемъ отправилась прямо въ Парашино. Путь лежалъ дальній, надобно было проѣхать четыреста верстъ, и нашлось довольно свободнаго времени обдумать свой поступокъ. Прасковья Ивановна сама говорила, что не составляла въ головѣ своей никакихъ плановъ, какъ и что ей дѣлать. Она хотѣла только взглянуть своими глазами и удостовѣриться, что дѣлаетъ и какъ живетъ тамъ ея Михайла Максимовичъ. Она не вѣрила вполнѣ письму его родственницы, которая жила далеко и могла быть обманута ложными слухами, а спросить въ Чурасовѣ свою няню не захотѣла. Никакая опасность не входила ей въ голову: мужъ всегда съ нею былъ такъ нѣженъ и почтителенъ, что ей казалось самымъ естественнымъ и возможнымъ дѣломъ уговорить Михайлу Максимовича сѣсть съ ней въ коляску и увезть его въ Чурасово. Она пріѣхала въ Парашино нарочно вечеромъ, оставила свою коляску у околицы, а сама съ горничной и лакеемъ, никѣмъ неузнанная (да ее мало и знали), прошла до господскаго двора и черезъ заднія ворота пробралась до самаго флигеля, изъ котораго неслись крикъ, пѣсни и хохотъ, и твердою рукой отворила дверь . . . Судьба, какъ нарочно, собрала все, что могло однимъ разомъ показать ей, какую жизнь велъ Михайла Максимовичъ. Онъ пировалъ съ какими то гостями, пьяный даже болѣе обыкновеннаго. Одѣтый въ шелковую красную рубаху съ косымъ воротомъ, въ самомъ развратномъ видѣ, съ стаканомъ пунша въ одной рукѣ, обнималъ онъ другою рукою сидящую у него на колѣняхъ красивую женщину; его полупьяные лакеи, дворовыя и крестьянскія бабы пѣли пѣсни и плясали. Прасковья Ивановна едва не упала въ обморокъ отъ такого зрѣлища; она все поняла и никѣмъ не замѣченная, потому что горница была полна на-

рода, затворила дверь и вышла изъ сѣней. На крыльцѣ встрѣтилась она лицомъ къ лицу съ однимъ изъ слугъ Михайлы Максимовича, человѣкомъ немолодымъ и не пьянымъ, по счастію. Онъ узналъ барыню и закричалъ было: „Матушка Прасковья Ивановна, вы ли это?“ ... Но Прасковья Ивановна зажала ему ротъ и, отведя его подальше на средину широкаго двора, грозно сказала: „Такъ то вы безъ меня поживаете? Конецъ вашему веселому житью“. Слуга повалился ей въ ноги и со слезами сказалъ: „Матушка, развѣ мы ему рады? Развѣ это наша воля? Самъ Господь васъ принесъ!“... Прасковья Ивановна велѣла ему молчать и приказала вести себя къ Ивану Онуфріеву, узнавъ, что онъ еще живъ. На заднемъ дворѣ, въ скотной избѣ, нашла она умирающаго Онуфріева. Онъ былъ очень слабъ, и отъ него она не могла ничего узнать; но родной его братъ, Алексѣй, молодой парень, только вчера наказанный, кое-какъ сползъ съ лавки, сталъ на колѣни и разсказалъ ей всю страшную повѣсть о братѣ, о себѣ и о другихъ[1]). Сердце Прасковьи Ивановны облилось кровью отъ жалости и ужаса, совѣсть терзала ее, и она твердо рѣшилась положить конецъ преступнымъ, злодѣйскимъ дѣйствіямъ Михайлы Максимовича, что казалось ей весьма легко. Она строго запретила сказывать о своемъ пріѣздѣ и, узнавъ, что въ новомъ домѣ, построенномъ уже нѣсколько лѣтъ и по какой то странной причудѣ барина до сихъ поръ не отдѣланномъ, есть одна жилая, особая комната, не занятая мастеровыми, въ которой Михайла Максимовичъ занимался хозяйственными счетами, — отправилась туда, чтобъ провесть остатокъ ночи и поговорить на другой день поутру съ своимъ уже не пьянымъ супругомъ. Но тайна ея пріѣзда не вполнѣ сохранилась. Слухъ о немъ дошелъ до одного изъ

---

[1]) Иванъ Онуфріевъ остался живъ и прожилъ лѣтъ до пятидесяти, братъ его захилѣлъ и умеръ черезъ годъ.

самыхъ отчаянныхъ сподвижниковъ Михайлы Максимовича, который изъ преданности или изъ страха шепнулъ о томъ на ухо своему барину. Ошеломила эта вѣсть Михайлу Максимовича. Хмель вылетѣлъ у него изъ головы, онъ смутился и почуялъ грозу. Хотя онъ мало зналъ твердый и мужественный нравъ своей жены, потому что не было опытовъ еще ему проявиться, но онъ его угадывалъ. Онъ распустилъ свою пьяную бесѣду, вылилъ на себя два ушата холодной воды, освѣжился тѣломъ, укрѣпился духомъ, переодѣлся въ обыкновенное платье и пошелъ посмотрѣть, спитъ ли Прасковья Ивановна. Онъ успѣлъ уже обдумать и составить планъ своихъ дѣйствій. Онъ расчиталъ очень вѣрно, что Прасковья Ивановна была кѣмъ нибудь извѣщена объ образѣ его жизни, что она не повѣрила извѣстіямъ и пріѣхала удостовѣриться въ нихъ лично. Онъ узналъ, что она заглянула во флигель и видѣла мелькомъ его пирушку; но не зналъ, что она видѣла Онуфріева, и что Алексѣй разсказалъ ей все. Въ пирушкѣ и гульбѣ онъ надѣялся кое-какъ извиниться, прикинуться раскаявшимся грѣшникомъ, умаслить нѣжностями свою жену и какъ можно скорѣе увезти ее изъ Парашина.

Между тѣмъ уже разсвѣтало и даже взошло солнце. Михайла Максимовичъ бережно подошелъ къ комнатѣ, въ которой находилась Прасковья Ивановна: онъ тихонько отворилъ дверь и увидѣлъ, что приготовленная ей дорожная постель на сундукѣ не была смята, что на нее никто не ложился. Онъ окинулъ глазами всю комнату: Прасковья Ивановна стояла на колѣняхъ и со слезами молилась Богу на новый церковный крестъ, который горѣлъ отъ восходящаго солнца, передъ самыми окнами дома: никакого образа въ комнатѣ не было. Постоявъ нѣсколько минутъ, Михайла Максимовичъ сказалъ веселымъ голосомъ: „Полно молиться, душа моя, Парашенька! Какъ это ты вздумала обрадовать меня своимъ пріѣздомъ?“ Прасковья Ивановна не смутилась, встала, не допустила

мужа обнять себя и, пылая внутренно справедливымъ гнѣвомъ, холодно и твердо объявила ему, что она все знаетъ и видѣла Ивана Онуфріева. Безпощадно и рѣзко высказала свое отвращеніе отъ изверга, который уже не можетъ быть ея мужемъ; объявила ему, чтобы онъ возвратилъ ей довѣренность на управленіе имѣніемъ, сейчасъ уѣхалъ изъ Парашина, не смѣлъ бы показываться ей на глаза и не заглядывалъ бы ни въ одну изъ ея деревень, и что если онъ этого не исполнитъ, то она подастъ просьбу губернатору, откроетъ правительству всѣ его злодѣйства — и онъ будетъ сосланъ въ Сибирь на каторгу. Не ожидалъ этого Михайла Максимовичъ. Пѣна выступила у него на губахъ отъ бѣшенства и злобы. „А, такъ ты такъ то поговориваешь, лебедка! Такъ и я поговорю съ тобой другимъ голосомъ!“ — заревѣлъ остервенившійся злодѣй: — „Ты не выѣдешь изъ Парашина, покуда не подпишешь мнѣ купчей крѣпости на все свое имѣніе, а не то я уморю тебя съ голоду въ подвалѣ“. Послѣ этихъ словъ онъ схватилъ стоявшую въ углу палку, нѣсколькими ударами сбилъ съ ногъ свою Парашеньку и билъ до тѣхъ поръ, пока она не лишилась чувствъ. Онъ позвалъ нѣсколько благонадежныхъ людей изъ своей прислуги, приказалъ отнести барыню въ каменный подвалъ, заперъ огромнымъ замкомъ и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ. Грозенъ и страшенъ явился онъ передъ своей дворней, которую приказалъ собрать всю налицо. Хотѣлъ было отыскать виноватаго, того, кто водилъ барыню въ скотную избу, но тотъ, предвидя бѣду, давно уже скрылся; съ нимъ бѣжали кучеръ и лакей, пріѣхавшіе съ Прасковьей Ивановной; за ними послали погоню. Горничная дѣвушка не рѣшилась покинуть своей госпожи. Михайла Максимовичъ ее не тронулъ, далъ ей нѣкоторыя наставленія, какъ уговаривать барыню въ покорности, и заперъ своими руками въ тотъ же подвалъ. Что же сдѣлалъ Михайла Максимовичъ потомъ? Запилъ и закутилъ болѣе прежняго. Но — увы! —

напрасно онъ пилъ водку какъ воду, напрасно пѣла и плясала передъ нимъ пьяная ватага, — Михайла Максимовичъ сдѣлался угрюмъ и мраченъ. Это не мѣшало однакожъ ему дѣйствовать неутомимо къ достиженію своей цѣли. Онъ заготовилъ въ уѣздномъ городѣ на имя одного изъ своихъ достойныхъ друзей законную довѣренность отъ Прасковьи Ивановны на продажу Парашина и Куролесова (Чурасово изъ милости оставлялъ ей) и всякій день два раза спускался въ подвалъ къ своей женѣ и уговаривалъ подписать довѣренность; просилъ прощенья, что въ горячности такъ строго съ нею обошелся, обѣщался, въ случаѣ ея согласія, никогда не появляться ей на глаза и божился, что оставитъ духовную, въ которой, послѣ своей смерти, откажетъ ей все имѣніе. Прасковья Ивановна, страдая отъ побоевъ, изнуряемая голодомъ и получившая даже лихорадку, не хотѣла и слышать ни о какой сдѣлкѣ. Такъ прошло пять дней. Чѣмъ все бы это кончилось — одному Богу извѣстно.

Между тѣмъ дѣдушка Степанъ Михайловичъ продолжалъ благополучно жить въ новомъ своемъ Багровѣ, которое отстояло отъ Парашина въ 120 верстахъ. Я уже сказалъ, что онъ давно искренне помирился съ Михайломъ Максимовичемъ, и хотя сердце его не лежало къ нему, но вообще онъ былъ имъ доволенъ. Куролесовъ съ своей стороны оказывалъ Степану Михайловичу и всему его семейству большое уваженіе, преданность и готовность на всякія послуги. Поселивъ Парашино и занимаясь его устройствомъ, онъ каждый годъ пріѣзжалъ въ Багрово, былъ постоянно ласковъ, искателенъ, просилъ у Степана Михайловича совѣтовъ, какъ у человѣка, опытнаго въ переселеніи крестьянъ: съ большою благодарностью, точно и подробно записывалъ всѣ его слова и въ самомъ дѣлѣ пользовался ими. Онъ упросилъ даже Степана Михайловича два раза пріѣхать въ Парашино, чтобы взглянуть: умѣлъ ли онъ воспользоваться его совѣтами. Дѣдушка въ

оба раза остался совершенно доволенъ новымъ хозяиномъ и въ послѣднее свое посѣщеніе, осмотрѣвъ пашню и всѣ хозяйственныя заведенія, сказалъ Куролесову: „Ну, братъ Михайла, ты изъ молодыхъ да ранній, и тебя учить нечего". Въ самомъ дѣлѣ, всѣ хозяйственныя дѣла у Михайлы Максимовича были въ отличномъ порядкѣ. Само собою разумѣется, что онъ принималъ, угощалъ и чествовалъ старика, какъ роднаго отца. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ недобрые слухи о Куролесовѣ стали носиться въ Багровѣ. Сначала дѣдушкѣ совсѣмъ о нихъ не говорили, потому что онъ не любилъ слушать дурныхъ вѣстей, но слухи расли годъ отъ году. Семейство Степана Михайловича знало ихъ, и Арина Васильевна рѣшилась сказать ему, что Михайла Максимовичъ „больно нехорошо живетъ". Старикъ не повѣрилъ и отвѣчалъ, что „только развѣсь уши, такъ пожалуй и церковную татьбу взведутъ на человѣка". „Знаю я," — продолжалъ онъ, — „каковы были крестьяне и дворовые у Бактеевыхъ, — наподрядъ мошенники и лежебоки, да и братнины крестьяне также безъ хозяина избаловались. Что мудренаго, что настоящая работа и порядокъ показались имъ хуже медвѣдя? Можетъ статься, что Михайла и крутенько поворотилъ, ну да привыкнутъ. А что онъ погуляетъ, выпьетъ иногда послѣ трудовъ, такъ и то мужчинѣ не бѣда, лишь бы не забывалъ своего дѣла. Вотъ мерзкихъ дѣлъ не надо, да вѣдь пожалуй и солгутъ: а ты съ дочками любишь слушать бабьи сплетни!" Послѣ такихъ словъ долго ничего не говорили Степану Михайловичу. Наконецъ родовые багровскіе крестьяне, переведенные вмѣстѣ съ бактеевскими изъ Симбирской губерніи въ Парашино, имѣвшіе родственниковъ въ Новомъ Багровѣ, стали пріѣзжать туда и разсказывать про барина страшныя вѣсти. Арина Васильевна вторично доложила о томъ своему супругу и предложила ему, чтобы онъ самъ разспросилъ парашинскаго старика изъ багровскихъ, котораго честность и правдивость ему давно были

извѣстны и который теперь находится у нихъ въ деревнѣ. Дѣдушка согласился. Призвалъ, разспросилъ старика и услышалъ такую повѣсть, отъ которой встали у него дыбомъ волосы на головѣ. Какъ быть, что дѣлать, чѣмъ тутъ пособить — не умѣлъ онъ придумать; онъ получалъ изрѣдка письма отъ Прасковьи Ивановны, видѣлъ, что она была совершенно спокойна и счастлива, и заключилъ, что она о поведеніи своего супруга ничего не знала. Онъ самъ нѣкогда давалъ ей совѣты, чтобы она никому не позволяла наушничать на своего мужа, и убѣдился, что она хорошо исполняетъ его совѣты. Онъ разсудилъ, что если она узнаетъ истину, то врядъ ли поправитъ дѣло, а будетъ только убиваться съ горя понапрасну. Итакъ надо желать, чтобы она ничего не знала. Онъ терпѣть не могъ путаться въ чужія дѣла, да и считалъ это безполезнымъ въ отношеніи къ Михайлѣ Максимовичу. „Пусть сломитъ себѣ шею или попадетъ въ уголовную — туда ему и дорога. Этого человѣка одинъ только Богъ можетъ исправить. Крестьянамъ жить у него можно, а дворовые всѣ негодяи, пускай терпятъ за свои грѣхи. Не хочу мѣшаться въ эти поганыя дѣла“. Такъ разсудилъ по своей логикѣ Степанъ Михайловичъ и удовольствовался только тѣмъ, что пересталъ отвѣчать на письма Куролесова и прекратилъ всякія съ нимъ сношенія; тотъ понялъ, что это значитъ, и оставилъ старика въ покоѣ; переписка же у Степана Михайловича съ Прасковьей Ивановной сдѣлалась какъ то чаще и задушевнѣе.

Такъ оставались дѣла до того утра, когда вдругъ явились къ моему дѣдушкѣ передъ крыльцомъ трое бѣжавшихъ людей изъ Парашина. Въ первый день своего побѣга они скрывались въ непроходимомъ лѣсномъ болотѣ, которое упиралось въ парашинскія крестьянскія гумна; вечеромъ они кое съ кѣмъ повидались, узнали подробно всю исторію и пустились прямо къ Степану Михайловичу, какъ единственному защитнику и покровителю Прасковьи Ивановны. Можно себѣ

представить, что такое было съ Степаномъ Михайловичемъ, когда онъ узналъ о случившемся въ Парашинѣ. Онъ любилъ свою единственную родную сестру не меньше, если не больше своихъ родныхъ дочерей. Параша, до полусмерти избитая разбойникомъ своимъ мужемъ, Параша, сидящая въ подвалѣ уже третій день, можетъ быть давно умершая, представлялась съ такою ясностью его живому воображенію, что онъ вскочилъ какъ безумный, побѣжалъ по своему двору, по деревнѣ, изступленнымъ голосомъ сзывая дворовыхъ и крестьянъ. Всѣ сбѣжались, прискакали изъ полей, кого не было дома. Всѣ, сочувствуя отчаянному горю любимаго господина, кричали единогласно, что они всѣ ѣдутъ и пѣшкомъ идутъ выручать Прасковью Ивановну. И вотъ черезъ нѣсколько часовъ трое роспусковъ, запряженныхъ тройками лихихъ господскихъ коней, съ двѣнадцатью человѣками отборныхъ молодцовъ изъ дворовыхъ и крестьянъ и съ людьми, бѣжавшими изъ Парашина, вооруженными ружьями, саблями, рогатинами и желѣзными вилами, скакали по Парашинской дорогѣ. Къ вечеру выѣхали еще двое роспусковъ на лучшихъ крестьянскихъ лошадяхъ, съ десятью также вооруженными людьми, и поскакали по той же Парашинской дорогѣ на подмогу Степану Михайловичу. На другой день вечеромъ первый поѣздъ былъ уже въ семи верстахъ отъ Парашина; выкормили усталыхъ лошадей, и только начала заниматься лѣтняя заря, нагрянули на широкій господскій дворъ и подъѣхали прямо къ извѣстному подвалу, находившемуся возлѣ самаго флигеля, въ которомъ жилъ Куролесовъ. Степанъ Михайловичъ бросился въ подвалъ и началъ стучать кулакомъ въ деревянную дверь. Слабый голосъ спросилъ: „Кто тутъ?“ Дѣдушка узналъ голосъ сестры своей, прослезился отъ радости, что засталъ ее живою, и, крестясь, громко закричалъ: „Слава Богу! Это я, братъ твой, Степанъ Михайловичъ, ничего не бойся“. Онъ послалъ кучера, лакея и стараго слугу Прасковьи Ивановны

заложить коляску, въ которой она пріѣхала изъ Чурасова, поставилъ шесть человѣкъ съ ружьями, саблями и рогатинами у входа въ выходъ, а самъ съ остальными, съ помощью топоровъ и желѣзнаго лома, принялся отбивать дверь. Въ одну минуту она была сломана: Степанъ Михайловичъ своими руками вынесъ Прасковью Ивановну, положилъ ее на роспуски, съ одной стороны посадилъ возлѣ нея вѣрную горничную, а съ другой — сѣлъ самъ, и со всѣми людьми спокойно съѣхалъ со двора. Солнце начинало всходить, и опять ярко загорѣлся крестъ на церкви, когда Прасковья Ивановна проѣзжала мимо нея. Ровно за шесть сутокъ молилась она на этотъ крестъ, помолилась и теперь, благодаря Бога за свое избавленіе. Коляска догнала ихъ уже въ пяти верстахъ отъ Парашина. Степанъ Михайловичъ пересадилъ сестру въ коляску и отправился съ нею въ Багрово.

Какъ же все это случилось? спросятъ меня. Неужели никто не видалъ этого происшествія? Куда дѣвался Михаилъ Максимовичъ и его вѣрные слуги? Неужели онъ ничего не зналъ или его не было дома? Нѣтъ, многіе слышали и видѣли освобожденіе Прасковьи Ивановны; Михайла Максимовичъ былъ дома, даже зналъ, что происходитъ, и не осмѣлился показаться изъ своего флигеля.

Событіе совершилось очень просто: пропировавшіе съ бариномъ весь вечеръ холопы были такъ мертвецки пьяны, что иныхъ нельзя было добудиться. Любимый и трезвый лакей, не пившій никогда вина, съ трудомъ разбудилъ хмельного барина; дрожа отъ страха, разсказалъ онъ про наѣздъ Степана Михайловича и про ружья, прямо нацѣленныя на флигель. „Гдѣ же всѣ наши?“ спросилъ Михайла Максимовичъ. „Одни спятъ, другіе попрятались“, отвѣчалъ холопъ и солгалъ, потому что пьянная ватага начала собираться у господскаго крыльца. Михайла Максимовичъ подумалъ, махнулъ рукой и сказалъ: „Чортъ съ ней! Запри дверь и смотри въ окно, что будетъ

дальше". Черезъ нѣсколько минутъ лакей закричалъ: „Барыню увозятъ!... Увезли!..." — „Ложись спать", сказалъ Михайла Максимовичъ, завернулся въ одѣяло и заснулъ или притворился заснувшимъ.

Да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ которой уступаетъ мужество неправаго человѣка. Михайла Максимовичъ зналъ твердость духа и безстрашную отвагу Степана Михайловича, зналъ неправость своего дѣла и, несмотря на свое бѣшенство и буйную смѣлость, уступилъ свою жертву безъ спора.

Бережно повезъ Степанъ Михайловичъ свою, всегда горячо любимую больную сестру, возбуждавшую теперь еще большую его нѣжность и глубокое состраданіе. Онъ не разспрашивалъ ее дорогою ни о чемъ, и когда привезъ благополучно въ Багрово, то запретилъ домашнимъ безпокоить ее разспросами. Благодаря необыкновенно крѣпкому тѣлосложенію и столько же сильному духу, Прасковья Ивановна недѣли черезъ двѣ оправилась; тогда Степанъ Михайловичъ рѣшился разспросить ее обо всемъ: ему необходимо было знать настоящую истину событія для того, чтобы знать, какъ дѣйствовать, а росказнямъ людей, своими глазами ничего не видавшихъ, онъ никогда не вѣрилъ. Прасковья Ивановна съ полною откровенностью сказала ему настоящую правду; но въ то же время просила, чтобы онъ не говорилъ о томъ своему семейству и чтобы никто ее ни о чемъ не разспрашивалъ. Боясь горячаго нрава своего брата, отдавая себя въ полное его распоряженіе, она умоляла, однако, не мстить Михайлѣ Максимовичу и съ твердостью объявила, что она одумалась и рѣшилась не позорить своего мужа, не безчестить имени, которое сама должна носить во всю свою жизнь. Она прибавила, что теперь раскаялась въ тѣхъ словахъ, которыя вырвались у нея при первомъ свиданіи съ Михайломъ Максимовичемъ въ Парашинѣ, и что ни подъ какимъ видомъ

она не хочетъ жаловаться на него губернатору; но считая за долгъ избавить отъ его жестокости крѣпостныхъ людей своихъ, она хочетъ уничтожить довѣренность на управленіе ея имѣніемъ и проситъ Степана Михайловича взять это управленіе на себя; проситъ также сейчасъ написать письмо Михайлу Максимовичу, чтобы онъ возвратилъ довѣренность, а если же онъ этого не сдѣлаетъ, то она уничтожитъ ее судебнымъ порядкомъ. Она желала, чтобы все это написано было Степаномъ Михайловичемъ твердо, но безъ всякихъ обидныхъ словъ; для большаго же удостовѣренія хотѣла собственноручно подписать свое имя; надобно прибавить, что она плохо знала русскую грамоту. Степанъ Михайловичъ такъ любилъ сестру, что преодолѣлъ свой гнѣвъ и согласился на ея просьбу и желаніе. Онъ не хотѣлъ слышать только объ одномъ: объ управленіи ея имѣніемъ. „Не люблю путаться въ чужія дѣла,“ — говорилъ онъ, — „не хочу, чтобы твои родные сказали, что я нагрѣваю руки около твоихъ тысячи душъ. Хозяйство пойдетъ скверно у тебя, это правда, но ты богата, съ тебя будетъ; теперь же такъ и быть напишу, что беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича... Прочее, о чемъ просишь, все будетъ сдѣлано“. Вслѣдствіе того семейству былъ отданъ строгій приказъ ни о чемъ не разспрашивать Парашу. Письмо къ Михайлѣ Максимовичу написалъ дѣдушка собственной своей рукой; Прасковья Ивановна также приписала въ немъ, и гонецъ отправился въ Парашино. Въ то время, какъ они соображали, думали, гадали и писали, въ Парашинѣ уже все было рѣшено. На четвертый день воротился гонецъ съ извѣстіемъ, что волею Божіею Михайла Максимовичъ скоропостижно скончался, и что его уже похоронили. Невольно перекрестился Степанъ Михайловичъ, получивъ первый это извѣстіе, и сказалъ: „Слава Богу“. То же сказала и вся его семья, которая, несмотря на свое прежнее благорасположеніе къ Куролесову,

давно уже смотрѣла на него со страхомъ, какъ на ужаснаго злодѣя. Но не то было съ Прасковьей Ивановной. Судя по себѣ, всѣ думали, что она порадуется этому извѣстію, и поспѣшили сообщить его. Къ общему удивленію, она была поражена имъ до такой степени, что пришла въ совершенное отчаяніе и снова захворала. Когда же крѣпкая натура преодолѣла болѣзнь, тоска овладѣла ею; нѣсколько недѣль не осушала она глазъ съ утра до вечера и такъ исхудала, что напугала Степана Михайловича. Непонятно было для всѣхъ, изъ какого источника происходило такое глубокое сокрушеніе о смерти мужа, *изверга рода человѣческаго,* какъ всѣ его называли, котораго она не могла любить и который такъ злодѣйски поступилъ съ нею. Но вотъ объясненіе.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого происшествія, моя мать, которую очень любила Прасковья Ивановна, спросила ее въ минуту сердечнаго изліянія и самыхъ откровенныхъ разговоровъ о прошедшемъ (которыхъ Прасковья Ивановна не любила): „Скажите, пожалуйста, тетушка, какъ могли вы такъ убиваться по Михайлѣ Максимовичѣ? Я на вашемъ мѣстѣ сказала бы: царство ему небесное, и порадовалась бы“. — „Ты дура,“ — отвѣчала Прасковья Ивановна: — „я любила его четырнадцать лѣтъ и не могла разлюбить въ одинъ мѣсяцъ, хотя узнала, какого страшнаго человѣка я любила; а главное, я сокрушалась объ его душѣ: онъ такъ умеръ, что не успѣлъ покаяться“.

Къ шести недѣлямъ разсудокъ нѣсколько овладѣлъ страждущей душой Прасковьи Ивановны, и она поѣхала или, лучше сказать, согласилась поѣхать въ Парашино вмѣстѣ съ братомъ и со всѣмъ его семействомъ, чтобы отслужить панихиду и отправить сорочины на могилѣ Михайла Максимовича. Къ общему удивленію, Прасковья Ивановна во время пребыванія своего въ Парашинѣ и во время печальной церемоніи не выронила ни одной слезинки, но можно себѣ пред-

ставить, чего стоило такое усиліе растерзанной душѣ и еще больному тѣлу. По ея желанію пробыли въ Парашинѣ только нѣсколько часовъ, и она не входила во флигель, въ которомъ жилъ и умеръ ея мужъ.

Не трудно догадаться, отчего произошла скоропостижная кончина Куролесова. Когда Степанъ Михайловичъ выручилъ свою сестру изъ подвала, то всѣ въ Парашинѣ ободрились и ожидали, что пришелъ конецъ владычеству Михайла Максимовича. Всѣ думали, что багровскій баринъ, бывшій вмѣсто отца ихъ барынѣ, скрутитъ ея мужа и выгонитъ изъ имѣнія, ему не принадлежащаго. Никому и въ голову не входило, чтобъ молодая ихъ госпожа, такъ обиженная, избитая до полусмерти, сидѣвшая на хлѣбѣ и на водѣ въ погребу въ собственномъ своемъ имѣніи, — не стала преслѣдовать судебнымъ порядкомъ своего мучителя. Всякій день ждали, что нагрянетъ Степанъ Михайловичъ съ капитанъ-исправникомъ и земскимъ судомъ, но прошла недѣля, другая, третья — никто не пріѣзжалъ... Михайла Максимовичъ пилъ, гулялъ и буйствовалъ; передралъ до полусмерти всю свою дворню, не исключая и того трезваго лакея, который будилъ его во время извѣстнаго событія, за то, что они его выдали, и хвалился, что получилъ отъ Прасковьи Ивановны крѣпость на все ея имѣніе. Мѣра терпѣнія человѣческаго преисполнилась; впереди не было никакой надежды, и двое изъ негодяевъ изъ числа самыхъ приближенныхъ и — что всего замѣчательнѣе — менѣе другихъ терпѣвшіе отъ его жестокости, рѣшились на ужасное дѣло: они отравили его мышьякомъ, положа мышьякъ въ графинъ съ квасомъ, который выпивалъ обыкновенно Михайла Максимовичъ впродолженіе ночи. Ядъ былъ положенъ въ такомъ количествѣ, что Куролесовъ жилъ не болѣе двухъ часовъ. Преступники не имѣли сообщниковъ, и потому такое страшное событіе поразило всѣхъ неописаннымъ ужасомъ. Всѣ подозрѣвали другъ друга, но долго не знали настоящихъ

виновниковъ. Чрезъ полгода одинъ изъ нихъ сдѣлался отчаянно боленъ и предъ смертью признался въ своемъ преступленіи. Товарищъ его, котораго, однако, умирающій не назвалъ, бѣжалъ и пропалъ безвѣсти.

Безъ сомнѣнія, скоропостижная смерть Куролесова повела бы за собой уголовное слѣдствіе, еслибъ въ Парашинѣ не было въ конторѣ молодого писца, котораго звали также Михайломъ Максимовичемъ и который только недавно былъ привезенъ изъ Чурасова. Этотъ молодой человѣкъ, необыкновенно умный и ловкій, уладилъ все дѣло. Впослѣдствіи онъ былъ повѣреннымъ, главнымъ управителемъ всѣхъ имѣній и пользовался полною довѣренностью Прасковьи Ивановны. Подъ именемъ Михайлушки онъ былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Симбирской и Оренбургской губерніи. Этотъ замѣчательно умный человѣкъ нажилъ себѣ большія деньги, долго держался скромнаго образа жизни, но отпущенный на волю послѣ кончины Прасковьи Ивановны, потерявъ любимую жену, спился и умеръ въ бѣдности. Кто то изъ его дѣтей, какъ мнѣ помнится, вышелъ въ чиновники и, наконецъ, въ дворяне.

Не могу умолчать, что лѣтъ черезъ сорокъ, сдѣлавшись владѣльцемъ Парашина, внукъ Степана Михайловича нашелъ въ крестьянахъ свѣжую, благодарную память объ управленіи Михайлы Максимовича, потому что чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій: забыли его жестокость, отъ которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умѣнье отличать праваго отъ виноватаго, работящаго отъ лѣниваго, совершенное знаніе крестьянскихъ нуждъ и всегда готовую помощь. Старики разсказывали, улыбаясь, что у Куролесова была поговорка: „плутуй, воруй — да концы хорони, а попался — такъ не пеняй“.

Воротясь въ Багрово, Прасковья Ивановна, пригрѣтая самой нѣжной искренней любовью своего брата и заботливымъ ухаживаньемъ всей его семьи (которую, однако, она не очень

любила), ожидавшей отъ нея великихъ и богатыхъ милостей, мало-по-малу отдыхала отъ удара, жестоко ее поразившаго. Крѣпкое ея здоровье возстановилось, душа успокоилась, и по прошествіи года она рѣшилась переѣхать въ свое Чурасово. Грустно было Степану Михайловичу разставаться съ сестрицей; по душѣ она пришлась ему всѣми своими свойствами, и привыкъ онъ къ ней чрезвычайно; во всю свою жизнь онъ ни разу не прогнѣвался на Прасковью Ивановну; но онъ не удерживалъ ее, а напротивъ самъ уговаривалъ къ скорѣйшему отъѣзду. „Ну, что, сестрица, за житье тебѣ съ нами?“ — говорилъ Степанъ Михайловичъ: — „У насъ жизнь скучная, но мы уже къ ней привыкли. Ты человѣкъ еще молодой (ей былъ тридцатый годъ), ты богата, ты привыкла не къ такой жизни. Ступай въ село Чурасово. Тамъ у тебя домъ барскій, диковинный садъ съ родниками: много богатыхъ сосѣдей, всѣ тебя любятъ, всѣ живутъ весело; а можетъ быть, Богъ пошлетъ тебѣ счастливую судьбу; охотниковъ будетъ много“. Прасковья Ивановна со дня на день откладывала свой отъѣздъ — такъ было тяжело ей разстаться съ братомъ, ея спасителемъ и благодѣтелемъ съ малыхъ лѣтъ. Наконецъ день былъ назначенъ. Наканунѣ, рано поутру, пришла она къ Степану Михайловичу, который задумавшись печально сидѣлъ на своемъ крылечкѣ; она обняла его, поцѣловала, заплакала и сказала: „Братецъ, я чувствую всю вашу ко мнѣ любовь и сама люблю и почитаю васъ, какъ родного отца. Конечно, Богъ видитъ мою благодарность, но я хочу, чтобъ и люди ее видѣли. Позвольте мнѣ укрѣпить вамъ все мое материнское имѣніе: отцовское и безъ того достанется Алешѣ. Мои родные съ матушкиной стороны богаты, и вы знаете, что мнѣ не за что награждать ихъ своимъ имѣніемъ. Замужъ я никогда не пойду. Я хочу, чтобъ родъ Багровыхъ былъ богатъ. Согласитесь братецъ, успокойте, утѣшьте меня“. И при этихъ словахъ она бросилась ему въ ноги и осыпала

поцѣлуями его руки, которыми онъ старался поднять ее. „Слушай, сестра“, — сказалъ Степанъ Михайловичъ нѣсколько строгимъ голосомъ: — „Ты меня плохо знаешь! Чтобъ я покорыстовался чужимъ добромъ и взялъ имѣнье мимо законныхъ наслѣдниковъ... Нѣтъ, этому не бывать, и никто про Степана Багрова этого не скажетъ. Смотри же, чтобъ и помину не было объ Бактеевскомъ имѣньи; а не то мы съ тобою поссоримся въ первый разъ въ жизни“.

На другой день Прасковья Ивановна уѣхала въ Чурасово и зажила своей особенною, самобытною жизнью.

Третій отрывокъ изъ Семейной хроники.

Женитьба молодого Багрова.

Много пронеслось годовъ, много совершилось событій: былъ голодъ, повальныя болѣзни, была Пугачевщина. Шайки Емели распугали помѣщиковъ Оренбургскаго края, и Степанъ Михайловичъ со своимъ семействомъ также бѣжалъ, сначала въ Самару, а потомъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ, въ Саратовъ и даже Астрахань. Но все прошло, все успокоилось, все забылось. Одни подрасли, другіе возмужали, третьи постарѣли: разумѣется, въ числѣ третьихъ былъ Степанъ Михайловичъ. Видѣлъ это онъ и самъ, да какъ то не вѣрилъ. Нерѣдко говорилъ онъ: „Много уплыло по вешней водѣ“, и говорилъ онъ это безъ огорченія, какъ будто рѣчь шла о другомъ человѣкѣ, а не о немъ . . . Въ самомъ дѣлѣ не тотъ уже былъ мой дѣдушка. Куда дѣвались его богатырскія силы и проворство, и неутомимость? Дѣдушка дивился тому иногда, но продолжалъ жить попрежнему, по старинному: онъ такъ же, столько же ѣлъ и пилъ, сколько и чего хотѣла душа; такъ же одѣвался, не справляясь съ погодою, отчего начиналъ иногда прихварывать. Тускнѣли понемногу его ясные и зоркіе взгляды, слабѣлъ громкій голосъ; рѣже онъ гнѣвался, рѣже бывалъ веселъ и свѣтелъ. Старшихъ дочерей своихъ онъ пристроилъ; первая, Веригина, уже давно умерла, оставивъ трехлѣтнюю дочь; вторая, Коптяжева, овдовѣла и опять вышла замужъ за Нагаткина; умная и гордая Елисавета какими то судьбами попала за генерала Ерлыкина, который,

между прочимъ, былъ старъ, бѣденъ и пилъ запоемъ; Александра нашла себѣ столбового русскаго дворянина, молодого и съ состояніемъ, И. П. Коротаева, страстнаго любителя башкирцевъ и кочевой ихъ жизни, — башкирца душой и тѣломъ; меньшая, Танюша, оставалась при родителяхъ; сынокъ былъ уже двадцати семи лѣтъ, красавчикъ, кровь съ молокомъ: „кофту да юбку, такъ больше бы походилъ на барышню, чѣмъ всѣ сестры“, такъ говорилъ про него самъ отецъ. Несмотря на горькія слезы и постоянное сокрушеніе Арины Васильевны, Степанъ Михайловичъ, какъ только сыну минуло шестнадцать лѣтъ, опредѣлилъ его въ военную службу, въ которой онъ служилъ года три и по протекціи Михайлы Максимовича Куролесова находился почти годъ безсмѣннымъ ординарцемъ при Суворовѣ; но Суворовъ уѣхалъ изъ Оренбургскаго края, и какой то нѣмецъ генералъ (кажется, Трейблутъ) безъ всякой вины жестоко отколотилъ палками молодого человѣка, несмотря на его древнее дворянство. Бабушка чуть не умерла съ печали, да и дѣдушкѣ не понравилась эта шутка; онъ взялъ Алешу въ отставку и опредѣлилъ въ верхній земскій судъ, гдѣ онъ усердно и долго служилъ и былъ впослѣдствіи прокуроромъ.

Не могу пройти молчаніемъ замѣченную мною странность: большая часть этихъ господъ нѣмцевъ и вообще иностранцевъ, служившихъ тогда въ русской службѣ, постоянно отличались жестокостью и большою охотою до палокъ. Нѣмецъ-лютеранинъ, отколотившій безпощадно молодого Багрова, былъ въ то же время строгимъ соблюдателемъ церковныхъ русскихъ обрядовъ. Вотъ какъ случилось это историческое событіе въ Багровской семейной хроникѣ. Подъ какой то не важный праздникъ приказалъ нѣмецъ-генералъ служить всенощную въ полковой церкви, что совершалось всегда въ его присутствіи и при собраніи всѣхъ офицеровъ. Время было лѣтнее, окошки отворены; вдругъ залилась въ воздухѣ

русская пѣсня по Дворянской улицѣ города Уфы; генералъ бросился къ окошку; по улицѣ шли трое молодыхъ унтеръ-офицеровъ, одинъ изъ нихъ пѣлъ пѣсню; генералъ приказалъ ихъ схватить и каждому дать по триста палокъ. Бѣдный мой отецъ, который не пѣлъ, а только вмѣстѣ шелъ съ другими унтерами, объявилъ, что онъ дворянинъ, но генералъ, злобно улыбаясь, сказалъ ему: „Дворянинъ долженъ быть съ большимъ благоговѣніемъ къ служба Господня“ — и въ своемъ присутствіи, въ сосѣдней комнатѣ съ церковью, при торжественномъ пѣніи божественныхъ славословій, звѣрски приказалъ отсчитать триста ударовъ невинному юношѣ, запрещая даже ему кричать, чтобъ „не возмущать Господня служба“. Замертво отвезли наказаннаго въ лазаретъ. Тамъ должны были разрѣзать на немъ мундиръ — такъ распухло его нѣжное молодое тѣло; два мѣсяца гнила у него спина и плечи. Каково было все это узнать матери, любившей единственнаго сынка до безумія! Дѣдушка жаловался кому то, и еще до выхода изъ лазарета сынъ его, немедленно подавшій просьбу объ отставкѣ, былъ уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ 14-го класса. Въ настоящее время было забыто это происшествіе; ему прошло уже восемь лѣтъ.

Алексѣй Степановичъ[1]) преспокойно служилъ и жилъ въ Уфѣ, отстоявшей въ 240 верстахъ отъ Багрова, и пріѣзжалъ каждый годъ два раза на побывку къ своимъ родителямъ. Ничего особеннаго съ нимъ не происходило. Тихій, скромный, застѣнчивый, ко всѣмъ ласковый, цвѣлъ онъ какъ маковъ цвѣтъ, и вдругъ . . . помутился ясный ручеекъ жизни молодого деревенскаго дворянина.

Въ городѣ Уфѣ, гдѣ постоянно находилась воеводская канцелярія, постоянно жилъ товарищъ намѣстника, коллежскій

---

[1]) Т. е. Тимофей Степановичъ, отецъ автора Семейной хроники.

совѣтникъ Николай Ѳедоровичъ Зубинъ [1]), человѣкъ умный и честный, но слишкомъ нѣжный и слабый. Онъ овдовѣлъ, и у него осталось трое дѣтей: дочь Сонечка [2]) двѣнадцати лѣтъ и два малолѣтнихъ сына. Отецъ любилъ свою Сонечку страстно, да и какъ было не любить такую красавицу и умницу, которая, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, скоро сдѣлалась ему подругой и помощницей по домашнему хозяйству. Года черезъ полтора послѣ смерти первой своей жены, горячо имъ любимой, выплакавъ сердечное горе, Николай Ѳедоровичъ успокоился и влюбился въ дочь извѣстнаго писателя Оренбургскаго края, тамошняго помѣщика П. А. Рычкова, и вскорѣ женился. Молодая жена, Александра Петровна, умная, гордая и красивая, овладѣла совершенно нѣжнымъ сердцемъ вдовца и возненавидѣла его любимицу, свою молоденькую, но уже прекрасную, падчерицу. Дѣло весьма обыкновенное. Страшное слово мачеха, давно сдѣлавшееся прилагательнымъ именемъ для выраженія жестокости, шло какъ нельзя лучше къ Александрѣ Петровнѣ; но Сонечку нельзя было легко вырвать изъ сердца отца: дѣвочка была неуступчиваго нрава, съ ней надо было бороться, и оттого злоба мачехи достигла крайнихъ предѣловъ; она поклялась, что дерзкая тринадцатилѣтняя дѣвчонка, кумиръ отца и цѣлаго города, будетъ жить въ дѣвичьей, ходить въ выбойчатомъ платьѣ и выносить нечистоту изъ подъ ея дѣтей... Она буквально сдержала свою клятву: черезъ два или три года Сонечка жила въ дѣвичьей, одѣвалась какъ черная служанка, мыла и чистила дѣтскую, гдѣ поселились уже двѣ новыя сестрицы. Что же страстно любившій отецъ?.. Онъ не видѣлъ дочери по цѣлымъ мѣсяцамъ, и когда встрѣчалъ, одѣтую чуть не въ рубище, — отворачивался, вздыхалъ, плакалъ потихоньку и спѣшилъ удалиться. Таковы бываютъ по большей части

1) Т. е. Зубовъ.

2) Т. е. Марья, мать автора Семейной хроники.

немолодые вдовцы, влюбленные въ молодыхъ своихъ женъ. Я не знаю въ точности всѣхъ путей и средствъ, которыми достигла Александра Петровна своего торжества, и потому не стану говорить о нихъ; не стану также распространяться о томъ, какимъ жестокостямъ и мученіямъ подвергалась несчастная сирота, одаренная отъ природы чувствительною, сильною и непокорною душою; тутъ не были забыты самыя унизительныя наказанія, даже побои за небывалыя вины. Скажу только, что падчерица была близка къ самоубійству: она спаслась отъ него чудомъ. Вотъ какъ это случилось: рѣшившись прекратить невыносимую жизнь, бѣдная дѣвушка захотѣла послѣдній разъ помолиться въ своей каморкѣ на чердакѣ передъ образомъ Смоленской Божіей Матери, которымъ благословила ее умирающая мать. Она упала предъ иконой и, проливая ручьи горькихъ слезъ, приникла лицомъ къ грязному полу. Страданія лишили ее чувствъ на нѣсколько минутъ, и она какъ будто забылась; очнувшись, она встала и видитъ, что передъ образомъ теплится свѣча, которая была потушена ею наканунѣ; страдалица вскрикнула отъ изумленія и невольнаго страха, но скоро, признавъ въ этомъ явленіи чудо всемогущества Божьяго, она ободрилась, почувствовала неизвѣстныя ей до тѣхъ поръ спокойствіе и силу и твердо рѣшилась страдать, терпѣть и жить. Съ этого дня безпомощная сирота облеклась непроницаемою бронею терпѣнія къ вящему раздраженію своей мачехи. Она все исполняла, что ей приказывали, все переносила спокойно; никакія унизительныя наказанія не вырывали слезъ, не доводили ее до дурноты, до обморока, какъ это прежде бывало, и къ обыкновенному названію: „мерзкая дѣвчонка“ присоединился эпитетъ: „отчаянная и мерзкая дѣвчонка“. Но исполнилась мѣра долготерпѣнія Божьяго, и грянулъ громъ: великолѣпная Александра Петровна, во цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и красоты, родила еще сына и умерла въ десятый день послѣ родовъ.

Она знала за сутки, что должна умереть, и поспѣшила примириться со своею совѣстью; вдругъ ночью разбудили Сонечку и позвали къ мачехѣ; Александра Петровна при свидѣтеляхъ покаялась въ своихъ винахъ передъ падчерицей, просила у нея прощенья и заклинала именемъ Божіимъ не оставить ея дѣтей; падчерица простила, обѣщалась не оставить ихъ и сдержала обѣщаніе. Александра Петровна призналась также своему мужу, что всѣ обвиненія, возводимыя на его дочь, — были выдумка и клевета.

Боже мой, какъ смерть перевернула все вверхъ дномъ! Николая Ѳедоровича разбилъ нервическій параличъ, послѣ котораго онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже не вставалъ съ постели. Загнанная, оборванная барышня, — которую подлое лакейство, особенно приданые мачехи, обижали сколько душѣ угодно, втоптали въ грязь, — вдругъ сдѣлалась полновластною госпожею въ домѣ, потому что больной отецъ отдалъ ей въ распоряженіе все. Объясненіе и примиреніе виновнаго отца съ обиженной дочерью — были умилительны и даже возмутительны для дочери и окружающихъ. Раскаяніе долго терзало больного старика, долго лились у него слезы и день, и ночь, и долго повторялъ онъ только одни слова: „Нѣтъ, Сонечка, ты не можешь меня простить!“ Не осталось ни одного знакомаго въ городѣ, передъ которымъ онъ не исповѣдывалъ бы торжественно винъ своихъ передъ дочерью, и „Софья Николавна“ сдѣлалась предметомъ всеобщаго уваженія и удивленія. Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцатилѣтняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать, хозяйку и даже офиціальную даму, потому что по болѣзни отца принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги и впослѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи. Съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и нѣжностью ухаживала

Софья Николавна за больнымъ отцомъ, присматривала попечительно за тремя братьями и двумя сестрами и даже позаботилась о воспитаніи старшихъ; она нашла возможность пріискать учителей для своихъ братьевъ, отъ одной съ ней матери, Сергѣя и Александра, изъ которыхъ первому было двѣнадцать, а другому — десять лѣтъ: она отыскала для нихъ какого то предобраго француза Вильме, заброшеннаго судьбою въ Уфу, и какого то полуученаго малоросса В—скаго, сосланнаго туда же за неудавшіяся плутни. Софья Николавна воспользовалась случаемъ, сама училась вмѣстѣ съ братьями [1]) и черезъ полтора года отправила ихъ въ Москву къ А. Ѳ. Аничкову, съ которымъ черезъ двоюроднаго его брата, находившагося въ Уфѣ, познакомилась она заочно и вела постоянную переписку. Аничковъ жилъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ; оба пріятеля до того плѣнились краснорѣчивыми письмами неизвѣстной барышни съ береговъ рѣки Бѣлой, изъ Башкиріи, что присылали ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ русской литературѣ, какія тогда появлялись, что очень много способствовало ея образованію. Аничковъ былъ особеннымъ ея почитателемъ и счелъ за счастіе исполнить просьбу Софьи Николавны, то есть, взять на свои руки обоихъ ея братьевъ и помѣстить ихъ въ университетскій благородный пансіонъ, что и сдѣлалъ усердно и точно. Мальчики очень хорошо учились, но, по несчастію, ученье было прервано тѣмъ, что ихъ потребовали въ гвардію, куда они были записаны еще въ колыбели.

Всѣ, по-тогдашнему умные и образованные люди, попадавшіе въ Уфу, спѣшили познакомиться съ Софьей Нико-

---

[1]) Она училась такъ прилежно, что скоро могла понимать французскія книги, разговоры и даже выучилась немного говорить по-французски.

лавной, плѣнялись ею и никогда не забывали. Большая часть такихъ знакомствъ обратилась впослѣдствіи въ дружбу съ ея семействомъ, которая прекращалась только смертью. Изъ числа ихъ я назову только тѣхъ, которыхъ зналъ самъ: В. В. Романовскаго, А. Ю. Авенаріуса, П. И. Чичагова, Д. Б. Мертваго и В. И. Ичанскаго. Ученые и путешественники, посѣщавшіе новый и чудный Уфимскій край, также непремѣнно знакомились съ Софьей Николавной и оставляли письменные знаки удивленія ея красотѣ и уму. Конечно, положеніе этой дѣвушки въ обществѣ и семействѣ было выгодно, служило ей, такъ сказать, картиннымъ подножіемъ, но зато и стояло на немъ чудное созданіе. Особенно памятны мнѣ стихи одного путешественника, графа Мантейфеля, который прислалъ ихъ Софьѣ Николавнѣ при самомъ почтительномъ письмѣ на французскомъ языкѣ, съ приложеніемъ экземпляра окромнаго сочиненія въ пяти томахъ in quarto доктора Бухана, только что переведеннаго съ англійскаго на русскій языкъ и бывшаго тогда знаменитою новостью въ медицинѣ. Домашній лѣчебникъ Бухана былъ драгоцѣннымъ подаркомъ для Софьи Николавны: она могла пользоваться его указаніями и составлять лѣкарства для лѣченія своего больного отца. Въ стихахъ же графъ Мантейфель называлъ уфимскую красавицу и Венерой, и Минервой.

Несмотря на болѣзненное состояніе, Николай Ѳедоровичъ не оставлялъ нѣсколько лѣтъ своей должности. Всякій годъ раза два онъ давалъ вечера съ танцами; самъ къ дамамъ не выходилъ, а мужчинъ принималъ лежа въ кабинетѣ: но молодая хозяйка принимала весь городъ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ непремѣнно посылалъ свою Сонечку на балы къ почетнымъ лицамъ города. Софья Николавна, богато одѣтая, отлично по-тогдашнему танцующая, уступая усиленнымъ просьбамъ старика, пріѣзжала на балъ на самое короткое время. Протанцовавъ польскій менуэтъ и одинъ контрдансъ

или экоссесъ, она сейчасъ уѣзжала, мелькнувъ въ обществѣ, какъ блестящій метеоръ. Все, что имѣло право влюбляться, было влюблено въ Софью Николавну, но любовью самою почтительной и безнадежной, потому что строгость ея нравовъ доходила до крайнихъ размѣровъ.

И вотъ въ какую необыкновенную дѣвушку влюбился сынокъ Степана Михайловича. Онъ не могъ вполнѣ понимать и цѣнить ее, но одной наружности, одного живого и веселаго ума ея достаточно было, чтобы свести съ ума человѣка — и молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Съ перваго взгляда Софья Николавна, которую онъ увидѣлъ у обѣдни, обворожила, какъ говорили тогда, его мягкое сердце. Узнавъ, что красавица принимаетъ всѣхъ чиновниковъ, пріѣзжающихъ къ ея отцу, Алексѣй Степановичъ (станемъ звать его полнымъ именемъ), какъ чиновникъ, служившій въ верхнемъ земскомъ судѣ, сталъ постоянно появляться съ поздравленіями по праздничнымъ и табельнымъ днямъ въ пріемной товарища намѣстника; всегда видѣлъ Софью Николавну и таялъ часъ отъ часу болѣе. Эти посѣщенія, слишкомъ точныя, слишкомъ продолжительныя, хотя почти безмолвныя, были скоро замѣчены всѣми, и, вѣроятно, первая замѣтила ихъ молодая хозяйка. Очарованные глаза, пылающія щеки, смущеніе, доходившее до самозабвенія, всегда были краснорѣчивыми объяснителями любви. Надъ искренней любовью обыкновенно всѣ смѣются, такъ положено испоконъ вѣка, — и весь городъ смѣялся надъ смиреннымъ, застѣнчивымъ и стыдливымъ, какъ деревенская дѣвушка, Алексѣемъ Степанычемъ, который въ отвѣтъ на всѣ шутки и намеки конфузился и краснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Софья Николавна, строгая и даже суровая ко всѣмъ свѣтскимъ любезникамъ, вопреки ожиданію всѣхъ, была снисходительна къ своему безмолвному обожателю. Я не знаю, жалко ли ей стало молодого безотвѣтнаго человѣка, терпѣвшаго за любовь къ ней насмѣшки; поняла ли она, что

это не минутное увлеченіе, не шутка для него, а вопросъ цѣлой жизни — не знаю, но суровая красавица не только благосклонно кланялась и смотрѣла на Алексѣя Степаныча, но даже заговаривала съ нимъ; робкіе, несвязные отвѣты, прерывающійся отъ внутренняго волненія голосъ не казались ей ни смѣшными, ни противными. Впрочемъ, надо сказать, что Софья Николавна высоко себя держала передъ бойкими и заносчивыми людьми, а со смиренными и скромными всегда была снисходительна и ласкова.

Такъ тянулось дѣло довольно долго. Вдругъ дерзкая мысль озарила горящую голову Алексѣя Степаныча, мысль — жениться на Софьѣ Николавнѣ! Онъ самъ сначала перепугался такого смѣлаго и несбыточнаго желанія. Куда ему до Софьи Николавны, перваго лица въ городѣ, первой умницы и красавицы въ цѣломъ свѣтѣ, по его мнѣнію . . . и онъ совершенно отбросилъ такое намѣреніе. Но мало-по-малу постоянная благосклонность и вниманіе, привѣтливые, какъ будто ободряющіе взгляды Софьи Николавны (такъ ему казалось), а всего болѣе любовь, овладѣвшая всѣмъ существомъ его, снова вызвали отброшенную мысль, и она скоро сроднилась, сжилась съ его жизнью. Одна старая помѣщица, живжая по дѣлу въ Уфѣ, Алакаева, которая ѣзжала въ домъ къ Зубинымъ, дальняя родственница Алексѣя Степаныча, принимала въ немъ всегда особенное участіе; онъ сталъ чаще навѣщать ее, ласкаться къ ней, какъ умѣлъ, и, наконецъ, открылся въ своей любви къ извѣстной особѣ и въ своемъ намѣреніи искать ея руки. Любовь, какъ городская молва, была давно извѣстна Алакаевой; но намѣреніе жениться ее удивило. „Не пойдетъ“, — сказала старуха, качая головой — „она преумная, прегордая, превоспитанная. Мало ли въ нее влюблялись, но никто посвататься не осмѣлился. Ты, конечно, красавчикъ, стариннаго дворянскаго рода, имѣешь небольшое состояніе, а со временемъ будешь и богатъ: это всѣ знаютъ;

но ты человѣкъ не ошлифованный, деревенскій, ничему не ученый, и больно ужъ смиренъ въ публикѣ . . .“ Обо всемъ этомъ догадывался и самъ Алексѣй Степанычъ, но любовь совершенно помутила ему голову, и денно, и ночно кто то шепталъ ему въ уши, что Софья Николавна за него пойдетъ. Хотя надежды молодого человѣка казались Алакаевой неосновательны, но она согласилась на его просьбу съѣздить къ Софьѣ Николавнѣ и, не дѣлая никакихъ намековъ о его намѣреніи, завести рѣчь о немъ какъ нибудь стороною, и замѣтить все, что она скажетъ. Алакаева поѣхала немедленно; Алексѣй Степанычъ остался у ней въ домѣ, ожидая ея возвращенія; старуха проѣздила довольно долго; на влюбленнаго напалъ такой страхъ, такая тоска, что онъ принялся плакать, и, наконецъ, утомленный слезами, заснулъ, прислонясь головой къ окошку. Старуха, воротясь, разбудила его и съ веселымъ видомъ сказала: „Ну, Алексѣй Степанычъ, въ самомъ дѣлѣ что то есть. Я стала о тебѣ говорить и немножко на тебя нападать, а Софья Николавна заступилась за тебя не на шутку и, наконецъ, сказала, что ты долженъ быть человѣкъ очень добрый, скромный, тихій и почтительный къ родителямъ, что такихъ людей благословляетъ Богъ и что такіе люди лучше бойкихъ говоруновъ“. Алексѣй Степанычъ опьянѣлъ отъ радости и самъ не помнилъ, что говорилъ тогда. Алакаева, давъ ему успокоиться, съ твердостью сказала: „Если это твое непремѣнное желаніе, то вотъ тебѣ мой совѣтъ. Поѣзжай немедленно къ отцу и матери, разскажи имъ все и проси у нихъ согласія и благословенія, пока добрые люди не помѣшали. Если ты получишь и то, и другое, то я не отказываюсь хлопотать за тебя. Только не торопись; умасли напередъ сестеръ, а мать противиться твоему желанію не станетъ. Разумѣется, первое дѣло — согласіе твоего отца. Я его знаю, онъ больно крутъ, но разуменъ; поговори съ нимъ, когда онъ будетъ веселъ“. Алексѣй Степанычъ удивился

такому осторожному совѣту и такимъ околичностямъ и возразилъ, что родители его будутъ очень рады и что развѣ есть какой нибудь порокъ въ Софьѣ Николавнѣ? — „Пребольшой,“ — отвѣчала умная старуха: — „она бѣдна, у нея ровно нѣтъ ничего, а ея дѣдушка былъ простой урядникъ въ казачьемъ Уральскомъ войскѣ“. На Алексѣя Степаныча нисколько не подѣйствовали эти многозначительныя слова; но предчувствіе не обмануло старуху Алакаеву, и предостереженіе было слишкомъ поздно. Черезъ недѣлю Алексѣй Степанычъ взялъ отпускъ, раскланялся съ Софьей Николавной, которая очень ласково пожелала ему счастливаго пути, пожелала, чтобъ онъ нашелъ родителей своихъ здоровыми и обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, — и полный радостныхъ надеждъ отъ такихъ пріятныхъ словъ, молодой человѣкъ уѣхалъ въ деревню къ отцу и матери. Старики обрадовались, но какъ то удивились несвоевременному пріѣзду сына и посматривали на него вопросительно; а сестры (которыя жили неподалеку и по увѣдомленію матери сейчасъ прискакали) цѣловали и миловали братца, но чему то улыбались. Алексѣй Степанычъ былъ особенно друженъ съ меньшей сестрой и открылся ей первой въ своей страсти. Татьяна Степановна, нѣсколько романическая дѣвица, любившая брата больше, чѣмъ другія сестры, слушала его съ участіемъ и, наконецъ, такъ увлеклась, что открыла ему весь секретъ: семья знала уже объ его любви и смотрѣла на нее неблагопріятно. Вотъ какимъ образомъ происходило дѣло: мѣсяца за два до пріѣзда Алексѣя Степаныча, Иванъ Петровичъ Каратаевъ ѣздилъ зачѣмъ то въ Уфу и привезъ своей женѣ эту городскую новость; Александра Степановна (я сказалъ о ея свойствахъ) вскипѣла негодованіемъ и злобой; она была коноводъ въ своей семьѣ и вертѣла всѣми, какъ хотѣла, разумѣется, кромѣ отца; она обратила въ шпіоны одного изъ лакеевъ Алексѣя Степаныча, и онъ сообщилъ ей всѣ подробности объ образѣ жизни и о

любви своего молодого барина; она нашла какую то кумушку въ Уфѣ, которая разнюхала, разузнала всю подноготную и написала ей длинную грамоту съ помощью отставного подьячаго, составленную изъ городскихъ вѣстей и сплетенъ дворни въ домѣ Зубина, преимущественно со словъ озлобленныхъ приданыхъ покойной мачехи. Не трудно догадаться, какими красками была расписана Софья Николавна.

Дѣло извѣстное, что въ старину (я разумѣю старину Екатерининскую), а можетъ быть и теперь, сестры не любили, или очень рѣдко любили своихъ невѣстокъ, то есть, женъ своихъ братьевъ, отчего весьма краснорѣчиво называются *золовками;* еще болѣе не любили, когда женился единственный братъ, потому что жена его дѣлалась безраздѣльною, полною хозяйкою въ домѣ. Въ человѣческомъ существѣ скрыто много эгоизма; онъ дѣйствуетъ часто безъ нашего вѣдома, и никто не изъятъ отъ него; честные и добрые люди, не признавая въ себѣ эгоистическихъ побужденій, искренне приписываютъ ихъ инымъ благовиднымъ причинамъ: обманываютъ себя и другихъ безъ умысла. Въ натурахъ недобрыхъ, грубыхъ и невѣжественныхъ обнаруживаются признаки эгоизма ярче и безцеремоннѣе. Такъ было и въ семействѣ Степана Михайловича. Женитьба брата, на комъ бы то ни было, непремѣнно досадила бы всѣмъ. „Братецъ къ намъ перемѣнится, не станетъ насъ такъ любить и жаловать, какъ прежде, молодая жена ототретъ родныхъ, и домъ родительскій будетъ намъ чужой“: это непремѣнно сказали бы сестры Алексѣя Степаныча, хотя бы его невѣста была — ихъ поля ягода; но невѣстки Софьи Николавны хуже нельзя было придумать для нихъ. Александра Степановна поспѣшила пригласить Елизавету Степановну въ Багрово, чтобы сообщить матери и сестрамъ, разумѣется, съ приличными украшеніями, всѣ полученныя ею свѣдѣнія о похожденіяхъ своего братца; всѣ повѣрили ей безусловно, и вотъ какое мнѣніе состави-

лось о Софьѣ Николавнѣ. Вопервыхъ, Зубиха (такъ называли ее сестры и мать Алексѣя Степаныча въ своихъ тайныхъ засѣданіяхъ) — низкаго рода: дѣдушка у ней былъ уральскій казакъ, по прозванію Зубъ, а мать (Вѣра Ивановна Кандалинцова) — изъ купеческаго званія. Слѣдовательно, низко было породниться съ ней старинному дворянскому дому. Во вторыхъ, Зубиха — нищая: какъ умретъ отецъ или отставятъ его отъ должности, то пойдетъ по міру, а потому и братцевъ, и сестрицъ своихъ навяжетъ на шею мужу. Втретьихъ, Зубиха — гордячка, модница, городская прощелыга, привыкшая повелѣвать всѣмъ городомъ; слѣдовательно, на нихъ, на деревенскихъ жителей, даромъ что они старинные столбовые дворяне, — и плюнуть не захочетъ. Наконецъ, вчетвертыхъ, Зубиха — колдунья, которая корнями приворачиваетъ къ себѣ всѣхъ мужчинъ, бѣгающихъ за ней, высуня языкъ, и въ томъ числѣ приворотила бѣднаго братца ихъ, потому что пронюхала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиренствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него замужъ ... Александра Степановна, которая заправляла всѣмъ дѣломъ, съ помощью бойкаго и ядовитаго языка своего, всѣхъ смутила и доказала, какъ дважды два четыре, что такая невѣстка, какъ Софья Николавна, — совершенная бѣда для нихъ; „что она, пожалуй, и Степана Михайловича приворотитъ, и тогда всѣ онѣ пропали: слѣдовательно, надо употребить всѣ усилія, чтобы Алексѣй Степанычъ не женился на Софьѣ Николавнѣ“. Очевидно, что всего нужнѣе было внушить Степану Михайловичу самыя дурныя мысли о Софьѣ Николавнѣ, но какъ это сдѣлать? Дѣйствовать прямо онѣ не рѣшались, потому что совѣсть была нечиста. Кой грѣхъ, отецъ заподозритъ ихъ въ умыслѣ, тогда ужъ не повѣритъ и правдѣ; онъ еще и прежде, когда старики пріискали было невѣсту своему сыну, далъ имъ почувствовать, что понимаетъ ихъ нежеланіе — видѣть брата

женатымъ. — Итакъ устроили слѣдующую махинацію: одну изъ родныхъ племянницъ Арины Васильевны, пѣтую дуру, смертную вѣстовщицу и пьяницу, Флену Ивановну Лупеневскую, научили пріѣхать какъ будто въ гости въ Багрово и, между прочими розсказнями, разсказать про любовь Алексѣя Степаныча, разумѣется, съ самой невыгодной стороны для Софьи Николавны. Долго Александра Степановна учила съ голосу Флену Ивановну, что говорить и какъ говорить. Наконецъ роль была по возможности вытвержена. Флена Ивановна явилась въ Багрово къ обѣду, послѣ котораго и хозяева и гости заснули часа три и потомъ собрались къ чаю. Старикъ былъ въ духѣ и самъ навелъ свою гостью на исполненіе роли. „Ну, что, Флена — пушка! (такъ звалъ ее Степанъ Михайловичъ по причинѣ толщины и малаго роста), разсказывай, что слышала отъ пріѣзжихъ изъ Уфы (ея сестра, Катерина Ивановна Кальпинская съ мужемъ недавно оттуда воротились). Чай вѣстей навезли съ три короба, ну да ты прилжешь четвертый“ . . . — „Охъ, шутникъ ты нашъ, шутникъ, дядюшка любезный,“ — отвѣчала Флена Ивановна, — „что мнѣ лгать! вѣстей то навезли много“. Тутъ она разсказала цѣлую кучу разныхъ былей и небылицъ и нелѣпыхъ сплетенъ, отъ которыхъ я пощажу моихъ читателей. Дѣдушка притворился, что ничему не вѣритъ, даже справедливымъ извѣстіямъ: онъ подтрунивалъ надъ разсказчицей, путалъ ее въ словахъ, сбивалъ и такъ забавно дразнилъ, что вся семья валялась со смѣху. Глупой бабѣ, выпившей со сна добрую чарку настойки для бодрости, за досаду стало, и она съ нѣкоторою горячностью сказала старику: „Да что это, дядюшка, ты все смѣешься и ничему не вѣришь? Погоди, я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску; ты ей за неволю повѣришь, да и смѣяться не станешь.“ Семья переглянулась, а дѣдушка засмѣялся. „Ну, вытряхивай“, — весело сказалъ онъ, — „повѣрить не повѣрю, а смѣятся не стану; ты ужъ мнѣ

надоѣла". — „Охъ, дядюшка, дядюшка", — начала Флена Ивановна: — „ты вотъ объ братцѣ то нашемъ любезномъ, Алексѣѣ то Степанычѣ, ничего не знаешь. Вѣдь онъ высохъ съ тоски; приворотила его къ себѣ нечистой силой уфимская вѣдьма, дочка набольшаго тамошняго, воеводы что ли, намѣстника ли — не знаю. Говорятъ, такая красавица, — всѣхъ заполонила и старыхъ, и молодыхъ, — всѣхъ корнями обвела. Всѣ за ней, прости Господи, какъ кобели за сукой, такъ и бѣгаютъ. А голубчикъ то мой, братецъ то Алексѣй Степанычъ, такъ врюхался, что не ѣстъ, не пьетъ и не спитъ. Все и сидитъ у ней, глазъ съ нея не сводитъ, глядитъ да вздыхаетъ, а по ночамъ все мимо ея дома ходитъ съ ружьемъ да съ саблей, все караулитъ ее; она же, Зубиха то, говорятъ, его приголубливаетъ; вѣдь онъ самъ красавчикъ и столбовой дворянинъ, такъ у нея губа то не дура: хочетъ за него замужъ выйти. Да и какъ не хотѣть? Вѣдь она нищая и отецъ ея изъ простыхъ, сынъ казака уральскаго, Ѳедьки Зуба; хоть самъ и дослужился до чиновъ и при большихъ мѣстахъ былъ, а ничего не нажилъ: все протранжирилъ на столы да на пиры, да на дочкины наряды; старикъ еле живъ, на ладанъ дышитъ, а дѣтей то куча: отъ двухъ женъ — шесть человѣкъ. Всѣ сядутъ на твою, дядюшка, шею, коли братецъ то на ней женится; у ней приданаго однѣ платья; на брюхѣ то шелкъ, а въ брюхѣ то щелкъ. А ужъ Алексѣй Степанычъ, говорятъ, на себя не похожъ — узнать нельзя, точно въ воду опущенный; ужъ и лакеи то, глядя на него, плачутъ, а вамъ доложить не смѣютъ. Повѣрь, дядюшка, все правда до единаго слова; допроси своихъ лакеевъ, они не запрутся". Арина Васильевна принялась плакать, а дочки куксить глаза. Дѣдушка былъ немного озадаченъ, но скоро овладѣлъ собою и съ равнодушной улыбкой отвѣчалъ: „Прилгано много, а можетъ, есть и правда. Я самъ слышалъ, что Зубина красавица и умница, вотъ въ

чемъ и все колдовство[1]). Что мудренаго, если у Алексѣя глаза разгорѣлись. Остальное все враки. Выйти замужъ за Алексѣя Зубина и не думаетъ; она найдетъ себѣ получше и побойчѣе жениха. Онъ ей не пара. Ну, теперь кончено. Больше объ этомъ не тарантить. Пойдемте пить чай на дворѣ". Разумѣется, Флена Ивановна и всѣ прочіе болѣе не смѣли и поминать объ уфимскихъ новостяхъ. Вечеромъ гостья уѣхала. Послѣ ужина, когда Арина Васильевна и дочери начали было безмолвно прощаться съ Степаномъ Михайловичемъ, онъ остановилъ ихъ слѣдующими словами: „Ну, что, Ариша? Что у тебя на умѣ бродитъ? Дура Флена, конечно, много приврала, а мнѣ сдается, что тутъ есть и правда. Письма Алексѣевы какъ то стали другія. Надо бы это дѣло какъ нибудь поразвѣдать. Да всего лучше позовемъ Алешу сюда: отъ него узнаемъ всю правду". Тутъ Александра Степановна вызвалась въ одну недѣлю спосылать нарочнаго въ Уфу, чтобы развѣдать объ этомъ дѣлѣ черезъ родственницу своего мужа, прибавя, что она женщина правдивая и ни за что не солжетъ. Старикъ согласился не вызывать сына до полученія новыхъ извѣстій. Александра Степановна сейчасъ ускакала домой въ свою Каратаевку (всего въ 50 верстахъ отъ Багрова) и ровно черезъ недѣлю воротилась къ старикамъ; она привезла то самое письмо, которое еще прежде получила отъ своей кумушки и о которомъ я уже говорилъ. Письмо показали и прочли Степану Михайловичу, и хотя онъ плохо вѣрилъ женскимъ справкамъ и донесеніямъ, но нѣкоторыя статьи въ письмѣ показались ему правдоподобными и

---

[1]) Дѣдушка вообще колдовству мало вѣрилъ. Даже стрѣлялъ одинъ разъ (вынувъ тихонько дробь) въ колдуна, который увѣрялъ, что ружье заговорено и не выстрѣлитъ; разумѣется, ружье выстрѣлило и крѣпко напугало колдуна, который, однако, нашелся и торжественно объявилъ, что дѣдушка мой „самъ знаетъ", чему и повѣрили всѣ, разумѣется, кромѣ Степана Михайловича.

произвели на него непріятное впечатлѣніе. Онъ рѣшительно сказалъ, что если въ самомъ дѣлѣ Зубина думаетъ выйти замужъ за Алешу, то онъ не позволитъ ему жениться на ней, потому что она не дворянскаго рода. „На этой же почтѣ пишите къ Алешѣ и зовите его домой“. Черезъ нѣсколько дней, которые не были потеряны даромъ, потому что Арина Васильевна съ дочерьми успѣли напѣть въ уши старику много неблагопріятнаго для любви Алексѣя Степаныча, вдругъ, какъ снѣгъ на голову, явился онъ самъ, что мы уже знаемъ.

Услыхавъ отъ сестры все сейчасъ разсказанное мною, Алексѣй Степанычъ крѣпко призадумался и оробѣлъ. Лишенный отъ природы твердой воли, воспитанный въ слѣпомъ повиновеніи къ семейству, къ отцу, — въ страхѣ онъ не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ, рѣшился поговорить съ матерью. Арина Васильевна, любившая единственнаго сынка безъ памяти, но привыкшая думать, что онъ все еще малое дитя, и предубѣжденная, что это дитя полюбило опасную игрушку, — встрѣтила признаніе сына въ сильномъ чувствѣ такими словами, какими встрѣчаютъ желаніе ребенка, просящаго дать ему въ руки раскаленное желѣзо; когда же онъ, слыша такія рѣчи, залился слезами, она утѣшала его, опять-таки, какъ ребенка, у котораго отнимаютъ любимую игрушку. Что ни говорилъ Алексѣй Степанычъ, какъ ни старался опровергнуть клеветы на Софью Николавну, — мать его не слушала или слушала безъ всякаго вниманія. Прошло еще два дня: сердце молодого человѣка разрывалось; тоска по Софьѣ Николавнѣ и любовь къ ней расли къ каждымъ часомъ, но, вѣроятно, онъ не скоро бы осмѣлился говорить съ отцомъ, если бы Степанъ Михайловичъ не предупредилъ его самъ. Въ одно прекрасное утро, послѣ ночи, проведенной почти безъ сна, Алексѣй Степанычъ, нѣсколько похудѣвшій и поблѣднѣвшій, рано пришелъ къ отцу, который сидѣлъ по своему обыкновенію на своемъ крылечкѣ. Старикъ былъ веселъ и ласково встрѣтилъ сына; но,

взглянувъ пристально ему въ лицо, онъ понялъ, что происходило въ душѣ молодого человѣка. Давъ поцѣловать ему свою руку, онъ съ живостью, но безъ гнѣва сказалъ ему: „Послушай, Алексѣй! я знаю, что лежитъ у тебя на сердцѣ, и вижу, что дурь крѣпко забралась къ тебѣ въ голову. Разсказывай же мнѣ всю подноготную безъ утайки, и чтобъ все до одного слова была правда“. Хотя Алексѣй Степанычъ не привыкъ откровенно говорить съ отцомъ, котораго больше боялся, чѣмъ любилъ, но любовь къ Софьѣ Николавнѣ придала ему смѣлость. Онъ бросился сначала къ отцу въ ноги и потомъ разсказалъ ему со всѣми подробностями, ничего не скрывая, свою сердечную повѣсть. Степанъ Михайловичъ слушалъ терпѣливо, внимательно: кто то изъ домашнихъ шелъ было къ нему поздороваться, но онъ издали выразительно погрозилъ калиновымъ подожкомъ своимъ, и никто, даже Аксинья съ чаемъ не смѣла подойти, пока онъ самъ не позвалъ. Разсказъ сына былъ безпорядоченъ, сбивчивъ, длиненъ и не убѣдителенъ; но, тѣмъ не менѣе, свѣтлый умъ Степана Михайловича понялъ ясно, въ чемъ состояло дѣло. По несчастію, оно ему не понравилось, и не могло понравиться. Онъ мало понималъ романическую сторону любви, а мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, униженіемъ, дрянностью въ мужчинѣ; но въ то же время онъ понялъ, что Софья Николавна тутъ ни въ чемъ не виновата, и что все дурное, слышанное имъ на ея счетъ, было чистою выдумкою злыхъ людей и недоброжелательствомъ собственной семьи. Подумавъ немного, вотъ что онъ сказалъ безъ всякаго гнѣва, даже ласково, но съ твердостью: „Послушай, Алексѣй! ты именно въ такихъ годахъ, когда красивая дѣвица можетъ приглянуться мужчинѣ. Въ этомъ бѣды еще никакой нѣтъ; но я вижу, что ты черезчуръ врѣзался, а это уже не годится. Я Софью Николавну ни въ чемъ не виню; я считаю, что она дѣвица предостойная, — только тебѣ не пара и намъ не съ

руки. Вопервыхъ, она дворянка вчерашняя, а ты потомокъ самаго древняго дворянскаго дома. Во вторыхъ, она горожанка, ученая, бойкая, привыкла послѣ мачехи повелѣвать въ домѣ и привыкла жить богато, даромъ что сама бѣдна; а мы люди деревенскіе, простые и наше житье ты самъ знаешь; да и себя ты долженъ понимать: ты парень смирный; но хуже всего то, что она больно умна. Взять жену умнѣе себя — бѣда: будетъ командирша надъ мужемъ, а притомъ ты такъ любишь, что на первыхъ порахъ непремѣнно избалуешь. Ну, такъ вотъ тебѣ мое отцовское приказаніе: выкинь эту любовь изъ головы. Я же, признаться тебѣ, думаю, что Софья Николавна за тебя не пойдетъ. Надо рубить дерево по себѣ. Мы поищемъ тебѣ какую нибудь смиренькую, тихонькую, деревенскую родовую дворяночку, да съ состояніемъ. Выйдешь въ отставку, да и заживешь припѣваючи. Вѣдь мы, братъ, не широки въ перьяхъ; только что сыты, а доходовъ больно мало; объ Куролесовскомъ же наслѣдствѣ, которое всѣмъ глаза разодрало, я и не думаю. Это дѣло невѣрное: Прасковья Ивановна сама человѣкъ не старый, можетъ выйти замужъ и народить ребятъ. Ну, такъ смотри же, Алеша, чтобъ все съ тебя слетѣло, какъ съ гуся вода, и чтобъ помину не было о Софьѣ Николавнѣ“ ... Степанъ Михайловичъ протянулъ милостиво руку своему сыну, которую тотъ поцѣловалъ съ привычною почтительностью. Старикъ велѣлъ подавать чай и звать къ себѣ семью. Онъ былъ необыкновенно ласковъ и веселъ со всѣми; но несчастный Алексѣй Степанычъ впалъ въ совершенное уныніе. Никакой гнѣвъ отца не привелъ бы его въ такое отчаяніе. Гнѣвъ Степана Михайловича проходилъ скоро, и послѣ него являлись снисхожденіе и милость, а теперь онъ видѣлъ спокойную твердость и потерялъ всякую надежду. Алексѣй Степанычъ вдругъ такъ измѣнился въ лицѣ, что мать испугалась, взглянувъ на него, и стала приставать къ нему съ вопросами: что съ нимъ сдѣла-

лось? здоровъ ли онъ? — Сестры также замѣтили перемѣну, но, будучи похитрѣе, ничего не сказали. Степанъ Михайловичъ все видѣлъ и все понималъ. Покосившись на Арину Васильевну, онъ проворчалъ сквозь зубы: „Не приставай къ нему“. Алексѣя Степаныча оставили въ покоѣ, не обращая на него вниманія, — и деревенскій день покатился по своей обыкновенной колеѣ.

Разговоръ съ отцомъ глубоко поразилъ, сокрушилъ, можно сказать, сердце Алексѣя Степаныча. Онъ потерялъ сонъ, аппетитъ, сдѣлался совершенно ко всему равнодушенъ и ослабѣлъ тѣломъ. Арина Васильевна принялась плакать, и даже сестры перетревожились. На другой день мать едва могла добиться, чтобы онъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что говорилъ съ нимъ отецъ. На всѣ допросы Алексѣй Степанычъ отвѣчалъ: „Батюшкѣ не угодно, я человѣкъ погибшій, я не жилецъ на этомъ свѣтѣ“. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ недѣлю онъ лежалъ въ совершенной слабости и въ постоянномъ забытьѣ: жару наружнаго не было, а онъ бредилъ и день, и ночь. Болѣзни его никто не могъ понять, но это просто была нервная горячка. Семья перепугалась ужасно; докторовъ поблизости не было, и больного принялись лѣчить домашними средствами; но ему становилось часъ отъ часу хуже и, наконецъ, онъ сдѣлался такъ слабъ, что каждый часъ ожидали его смерти. Арина Васильевна и сестры ревѣли и рвали на себѣ волосы. Степанъ Михайловичъ не плакалъ, не сидѣлъ безпрестанно надъ больнымъ, но едва ли не больше всѣхъ страдалъ душою: онъ хорошо понималъ причину болѣзни. „Но молодость свое взяла“, и ровно черезъ шесть недѣль Алексѣю Степанычу стало полегче. Онъ проснулся къ жизни совершеннымъ ребенкомъ, и жизнь медленно вступала въ права свои: онъ выздоравливалъ два мѣсяца; казалось, онъ ничего прошедшаго не помнилъ. Онъ радовался всякому явленію въ природѣ и въ домашнемъ быту, какъ новому незнакомому явленію; наконецъ

совершенно оправился, даже поздоровѣлъ, пополнѣлъ и получилъ уже болѣе года потерянный румянецъ во всю щеку; удилъ рыбу, ходилъ на охоту за перепелами, ѣлъ и пилъ аппетитно и былъ веселъ. Родители не нарадовались, не наглядѣлись на него и убѣдились, что болѣзнь выгнала изъ молодой головы и сердца всѣ прежнія мысли и чувства. Можетъ быть, оно и въ самомъ дѣлѣ было бы такъ, еслибъ его взяли въ отставку, продержали съ годъ въ деревнѣ, нашли хорошенькую невѣсту и женили; но старики безпечно обнадежились настоящимъ положеніемъ сына: черезъ полгода отправили его опять на службу въ тотъ же верхній земскій судъ, опять на житье въ Уфу — и судьба его рѣшилась навсегда. Прежняя страсть загорѣлась съ новою, несравненно большею силой. Какъ возвратилась любовь въ сердце Алексѣя Степаныча, вдругъ или постепенно — ничего не знаю; знаю только, что онъ сначала ѣздилъ къ Зубинымъ изрѣдка, потомъ чаще и, наконецъ, такъ часто, какъ было возможно. Знаю, что покровительница его, Алакаева, продолжала ѣздить къ Софьѣ Николавнѣ, тонкими разспросами вывѣдывала ея расположеніе и привозила благопріятные отзывы, утверждавшіе и въ ней самой надежду, что гордая красавица благосклонно расположена къ ея скромному родственнику. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Алексѣя Степаныча изъ деревни вдругъ получили отъ него письмо, въ которомъ онъ съ несвойственной ему твердостью, хотя всегда съ почтительной нѣжностью, объявилъ своимъ родителямъ, что любитъ Софью Николавну больше своей жизни, что не можетъ жить безъ нея, что надѣется на ея согласіе и проситъ родительскаго благословенія и позволенія посвататься. Старики вовсе не ожидали такого письма и были имъ поражены. Степанъ Михайловичъ сдвинулъ брови, но ни однимъ словомъ не выразилъ своихъ мыслей. Вся семья хранила глубокое молчаніе; онъ махнулъ рукой, и всѣ оставили его одного. Долго си-

дѣлъ мой дѣдушка, чертя калиновымъ подожкомъ какіе то узоры на полу своей комнаты. Степанъ Михайловичъ скоро смекнулъ, что дѣло плохо и что теперь ужъ никакая горячка не вылѣчитъ отъ любви его сына. По своей живой и благосклонной натурѣ онъ даже поколебался, не дать ли согласія, о чемъ можно было заключить изъ его словъ, обращенныхъ къ Аринѣ Васильевнѣ: „Ну, что, Ариша (говорилъ онъ ей на слѣдующее утро, разумѣется, наединѣ), какъ ты мекаешь? Вѣдь не позволимъ, такъ намъ не видать Алексѣя, какъ ушей своихъ: или умретъ съ тоски, или на войну уйдетъ, или пойдетъ въ монахи — и родъ Багровыхъ прекратится“. Но Арина Васильевна, уже настроенная дочерьми, какъ то не испугалась за своего сынка и отвѣчала: „Твоя воля, Степанъ Михайловичъ, что тебѣ угодно, того и я желаю: да только какое же будетъ отъ нихъ тебѣ уваженіе, если они поставятъ на своемъ послѣ твоего родительскаго запрещенія?“ Пошлая хитрость удалась: самолюбіе старика расшевелилось, и онъ рѣшился подержаться. Онъ продиктовалъ сыну письмо, въ которомъ выразилъ удивленіе, что онъ принялся опять за прежнее, и повторилъ то, что говорилъ ему на словахъ. Короче, письмо содержало положительный отказъ.

Прошло двѣ-три недѣли — не было писемъ отъ Алексѣя Степаныча. Наконецъ, въ одинъ осенній ненастный день, дѣдушка сидѣлъ въ своей горницѣ, поперекъ постели, въ любимомъ своемъ халатѣ изъ тонкой армячины[1]), сверхъ рубашки-косоворотки, въ туфляхъ на босу ногу; подлѣ него пряла на самопрялкѣ козій пухъ Арина Васильевна и старательно выводила тонкія длинныя нити, потому что затѣяла выткать изъ нихъ домашнее сукно на платье своему сыночку, такъ чтобъ оно было ему легко и тепло, и покойно; у окошка сидѣла Та-

[1]) Не знаю, какъ теперь, а въ старые годы въ Оренбургской мѣнѣ такую покупали армячину, которая своей тониной и чистотой равнялась съ лучшими азіатскими тканями.

нюша и читала какую то книжку; гостившая въ Багровѣ Елизавета Степановна присѣла подлѣ отца на кровати и разсказывала ему про свое трудное житье, про службу мужа, про свое скудное хозяйство и недостатки. Старикъ печально слушалъ, положа руки на колѣни и опустивъ на грудь свою уже посѣдѣлую голову. Вдругъ дверь изъ лакейской отворилась; высокій, красивый молодой парень Иванъ Малышъ въ дорожной куртке проворно вошелъ и подалъ письмо съ почты, за которымъ ѣздилъ онъ въ городъ за 25 верстъ. Очевидно было, что письма ожидали съ нетерпѣніемъ, потому что всѣ встрепенулись. „Отъ Алеши?“ спросилъ торопливо и неспокойно старикъ. „Отъ братца“, отвѣчала Танюша, подбѣжавшая къ Малышу, проворно взявшая письмо и прочитавшая адресъ. „Спасибо, что скоро съѣздилъ. Чарку водки Малышу! Ступай обѣдать и отдыхать“. Ту-жъ минуту отворился поставецъ, барышня вытащила длинный штофъ узорнаго стекла, налила серебряную чарку и подала Малышу; тотъ перекрестился, выпилъ, крякнулъ, поклонился и ушелъ. „Ну, читай Танюша“, сказалъ дѣдушка. Татьяна Степановна была его чтецомъ и писцомъ. Она помѣстилась у окошка; бабушка оставила прялку, дѣдушка всталъ съ кровати, и всѣ обсѣли кругомъ Татьяну Степановичу, распечатавшую между тѣмъ письмо, но не смѣвшую предварительно заглянуть въ него. Послѣ минутнаго молчанія началось медленное и внятное чтеніе вполголоса. Послѣ обыкновенныхъ тогда: „Милостивѣйшій государь батюшка и Милостивѣйшая государыня матушка“, Алексѣй Степанычъ писалъ почти слѣдующее: „На послѣднее мое просительное письмо я имѣлъ несчастіе получить немилостивый отвѣтъ отъ васъ, дрожайшіе родители. Не могу преступить воли вашей и покоряюсь ей; но не могу долго влачить бремя моей жизни безъ обожаемой мною Софьи Николавны, а потому въ непродолжительномъ времени смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего

сына“ [1]). Эффектъ былъ сильный; тетки мои захныкали, бабушка, ничего подобнаго не ожидавшая, поблѣднѣла, всплеснула руками и повалилась безъ памяти на полъ, какъ снопъ: въ старину тоже бывали обмороки. Степанъ Михайловичъ не шевельнулся; только голова его покосилась на одну сторону, какъ передъ началомъ припадка гнѣва, и слегка затряслась . . . Она не переставала уже трястись до его смерти. Дочери, опомнившись, бросились помогать матери и скоро привели ее въ чувство. Тогда, поднявши вой какъ по мертвому, Арина Васильевна бросилась въ ноги Степану Михайловичу. Дочери, слѣдуя ея примѣру, также заголосили. Арина Васильевна, несмотря на грозное положеніе головы моего дѣдушки, забывъ и не понимая, что сама подстрекнула старика не согласиться на женитьбу сына, громко завопила: „Батюшка, Степанъ Михайловичъ! сжалься, не губи родного своего дѣтища: вѣдь онъ у насъ одинъ и есть; позволь жениться Алешѣ! Часу не проживу, если съ нимъ что случится“. Старикъ оставался неподвижно въ прежнемъ положеніи. Наконецъ нетвердымъ голосомъ сказалъ: „Полно выть. Выпороть надо бы Алешу. Ну-да до завтра; утро вечера мудренѣе; а теперь уйдите и велите давать обѣдать“. Обѣдъ у старика служилъ успокоительнымъ средствомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Арина Васильевна заголосила было опять: „Помилуй, помилуй!“ Но Степанъ Михайловичъ громко закричалъ: „Убирайтесь вонъ!“ и въ голосѣ его послышался ревъ приближающейся бури. Всѣ поспѣшно удалились. До обѣда никто не смѣлъ заглянуть въ комнату Степана Михайловича.

Что пролетѣло по душѣ его въ эти минуты, какая борьба совершилась у желѣзной воли съ отцовскою любовью и разум-

[1]) Письмо это я почти помню наизусть. Вѣроятно оно и теперь существуетъ въ старыхъ бумагахъ одного изъ моихъ братьевъ. Очевидно, что нѣкоторыя выраженія письма заимствованы изъ тогдашнихъ романовъ, до которыхъ Алексѣй Степанычъ былъ охотникъ.

ностью, какъ уступилъ побѣду упорный духъ... трудно себѣ представить; но когда раздался за дверью голосъ Мазана: „Кушанье готово“, дѣдушка вышелъ спокоенъ, и ожидавшія его жена и дочери, каждая у своего стула, не замѣтили на слегка поблѣднѣвшемъ лицѣ его ни малѣйшаго гнѣва; напротивъ, онъ былъ спокойнѣе, чѣмъ поутру, даже веселѣе, и кушалъ очень аппетитно. Скрѣпя сердце, Арина Васильевна должна была подлаживаться къ его рѣчамъ и, не смѣя не только спрашивать, но даже и вздыхать, напрасно старалась разгадать мысли своего супруга; напрасно устремляла вопрошающіе взгляды маленькихъ своихъ каштановыхъ глазокъ, заплывшихъ жиромъ, — темно голубые открытые и веселые глаза Степана Михайловича ничего не отвѣчали. Послѣ обѣда онъ уснулъ по обыкновенію: проснувшись, сдѣлался еще веселѣе; но о письмѣ и о сынѣ — ни полслова. Всѣ, однако, видѣли, что на умѣ у старика ничего недобраго не было. Прощаясь съ супругомъ послѣ ужина, Арина Васильевна осмѣлилась спросить: „Не изволишь ли сказать мнѣ чего нибудь объ Алешѣ?“ Дѣдушка улыбнулся и отвѣчалъ: „Я уже сказалъ тебѣ: утро вечера мудренѣе. Почивай съ Богомъ“.

Утро въ самомъ дѣлѣ оказалось и мудро, и благодатно. Дѣдушка всталъ въ четыре часа. Мазанъ вздулъ ему огня. Первыми словами Степана Михайловича были: „Танайченокъ, ты сейчасъ ѣдешь въ Уфу съ письмомъ къ Алексѣю Степанычу, соберись въ одну минуту; да чтобы никто не зналъ, куда и зачѣмъ ѣдешь. Въ корень молодого бураго, а на пристяжку свистуна. Возьми овса двѣ осьмины и каравай хлѣба. Спроси у ключника Петра два рубля мѣдныхъ денегъ на дорогу. Какъ я напишу письмо, чтобы все было готово. Сказано — сдѣлано“. Эта поговорка исполнялась у дѣдушки безъ отговорокъ. Онъ отперъ дубовую шкатулку или шкафъ, нѣчто въ родѣ письменнаго бюро, досталъ бумаги, перо, чернильницу, и написалъ не безъ труда (потому что лѣтъ уже десять

подписывалъ только свое имя) тяжелымъ стариннымъ почеркомъ: „Любезный сынъ нашъ Алексѣй! Мы съ матерью твоей, Ариной Васильевной, позволяемъ тебѣ жениться на Софьѣ Николавнѣ Зубиной, если на то будетъ воля Божія, и посылаемъ тебѣ наше родительское благословеніе. Отецъ твой, Степанъ Багровъ“.

Черезъ полчаса, еще задолго до свѣту, вытянулъ Танайченокъ длинную гору мимо господскаго гумна и ѣхалъ бойкой рысью по дорогѣ въ Уфу. Въ пять часовъ приказалъ Степанъ Михайловичъ подавать самоваръ той же Аксюткѣ, которая изъ молодой и некрасивой дѣвчонки сдѣлалась уже очень немолодой и еще болѣе некрасивой дѣвкой; но будить никого не приказалъ. Несмотря на то, старую барыню разбудили и по секрету донесли, что уже давнымъ-давно уѣхалъ куда то Танайченокъ съ письмомъ отъ барина на парѣ господскихъ лошадей. Арина Васильевна не осмѣлилась вдругъ прійти къ своему супругу; она помѣшкала съ часъ времени и явилась, когда уже старикъ напился чаю и весело балагурилъ съ Аксиньей. „Ну, зачѣмъ тебя разбудили?“ — привѣтливо сказалъ Степанъ Михайловичъ, протягивая руку: — „Вѣдь ты, чай, плохо спала?“ „Меня никто не будилъ,“ — отвѣчала Арина Васильевна. почтительно цѣлуя руку старика, — „я сама проснулась. Я спала ночь хорошо, въ надеждѣ на твою милость къ бѣдному нашему Алешѣ“. Дѣдушка пристально посмотрѣлъ на нее, но ничего не увидалъ на привыкшемъ къ притворству лицѣ. „А коли такъ, я тебя порадую: я послалъ нарочнаго гонца въ Уфу и написалъ Алексѣю отъ обоихъ насъ позволеніе жениться на Софьѣ Николавнѣ“.

Арина Васильевна, — несмотря на то, что, приведенная въ ужасъ страшнымъ намѣреніемъ сына, искренно молила и просила своего крутого супруга позволить жениться Алексѣю Степанычу, — была не столько обрадована, сколько испугана рѣшеніемъ Степана Михайловича или, лучше сказать, она бы

и обрадовалась, да не смѣла радоваться, потому что боялась своихъ дочерей; она уже знала, что думаетъ о письмѣ Лизавета Степановна, и угадала, что скажетъ Александра Степановна. По всѣмъ этимъ причинамъ Арина Васильевна приняла рѣшеніе своего супруга, которымъ онъ надѣялся ее обрадовать, какъ то холодновато и странно, что старикъ и замѣтилъ; Лизавета Степановна не изъявила ни малѣйшаго удовольствія, а только одну почтительную покорность волѣ отца; Танюша, вѣрившая письму брата, искренне обрадовалась отъ всего сердца. Лизавета Степановна даже и въ первую минуту не была встревожена намѣреніемъ брата; она плакала и просила за него только потому, что мать и меньшая сестра плакали и просили: нельзя же было ей такъ ярко рознить съ ними. Она выписала немедленно Александру Степановну, которая пришла въ бѣшенство, узнавъ о рѣшеніи дѣла, и сейчасъ прискакала; разумѣется, она сочла письмо брата за пустую угрозу, за штуку Софьи Николавны. Съ помощью Лизаветы Степановны она скоро увѣрила въ этомъ мать и даже меньшую сестру Танюшу. Но дѣло было кончено: явно возставать противъ него не представлялось уже никакой возможности. Мыслей же Степана Михайловича, будто Софья Николавна сама не пойдетъ за Алексѣя Степаныча, никто изъ семьи не раздѣлялъ. Оставимъ Багрово и посмотримъ, что дѣлается въ Уфѣ.

Я не беру на себя рѣшить положительно, имѣлъ ли Алексѣй Степанычъ твердое намѣреніе застрѣлиться, въ случаѣ отказа своихъ родителей, или, прочитавъ въ какомъ нибудь романѣ подобное происшествіе, вздумалъ попробовать: не испугаются ли его родители такого страшнаго послѣдствія своей непреклонности? Судя по дальнѣйшему развитію характера Алексѣя Степаныча, мнѣ хорошо извѣстному, я равно не могу признать его способнымъ ни къ тому, ни къ другому поступку. Итакъ я предполагаю только, что молодой чело-

вѣкъ не хитрилъ, не думалъ пугнуть своихъ стариковъ, напротивъ, искренне думалъ застрѣлиться, если ему не позволятъ жениться на Софьѣ Николавнѣ; но въ то же время я думаю, что онъ никогда не имѣлъ бы духа привесть въ исполненіе такого отчаяннаго намѣренія, хотя люди тихіе и кроткіе, слабодушные, какъ ихъ называютъ, бываютъ иногда способны къ отчаяннымъ поступкамъ болѣе, чѣмъ натуры живыя и бѣшеныя. Мысль о самоубійствѣ, безъ сомнѣнія, была почерпнута изъ какого нибудь романа: она совершенно противорѣчитъ характеру Алексѣя Степаныча, его взгляду на жизнь и сферѣ понятій, въ которыхъ онъ родился, воспитался и жилъ. Какъ бы то ни было, пустивъ въ ходъ свою грамотку, Алексѣй Степанычъ пришелъ въ сильное волненіе, занемогъ и получилъ лихорадку. Покровительница его, Алакаева, знавшая все, о послѣднемъ письмѣ ничего не знала; она навѣщала его ежедневно и замѣчала, что, кромѣ лихорадки простой и лихорадки любовной, молодой человѣкъ еще чѣмъ то необыкновенно встревоженъ. Въ одинъ день сидѣла она у Алексѣя Степаныча, вязала чулокъ и разговаривала о всякой всячинѣ, стараясь занять больного и отвлечь его мысли отъ безнадежной любви. Алексѣй Степанычъ прилегъ на канапе, заложилъ руки за голову и смотрѣлъ въ окошко. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно: по улицѣ проѣхала телѣга парой и заворотила на дворъ; Алексѣй Степанычъ узналъ лошадей и Танайченка. Онъ вскочилъ на ноги и съ крикомъ: „Отъ батюшки, изъ Багрова!“ бросился въ переднюю. Алакаева схватила его за руку и съ помощью сидѣвшаго въ лакейской человѣка не допустила его выбѣжать на крыльцо, потому что на дворѣ стояла мокрая и холодная осенняя погода. Между тѣмъ Танайченокъ проворно вбѣжалъ въ комнату и подалъ письмо. Алексѣй Степанычъ дрожащими руками распечаталъ, прочелъ коротенькое письмо, залился слезами и бросился на колѣни передъ образомъ. Алакаева сначала не знала, что и

думать; но Алексѣй Степанычъ подалъ ей родительскую грамотку и она, прочитавъ ее, также съ радостными слезами принялась обнимать обезумѣвшаго отъ восторга молодого человѣка. Тутъ онъ признался ей, какое письмо послалъ къ отцу и матери. Алакаева покачала головой. Призвали Танайченка, разспросили подробно объ его отправкѣ и увидѣли, что дѣло было рѣшено самимъ Степаномъ Михайловичемъ безъ участія, безъ вѣдома своей семьи и, вѣроятно, противъ ея желанія. Когда прошли первыя минуты радостнаго волненія для Алексѣя Степаныча и совершеннаго изумленія для Алакаевой, которая, перечитавъ письмо, все еще не вѣрила глазамъ своимъ, потому что хорошо знала нравъ Степана Михайловича и хорошо понимала недоброжелательство семьи, — начали они совѣщаться, какъ приступить къ дѣлу. Когда оно казалось далекимъ, невозможнымъ со стороны семейства жениха, тогда они считали его благонадежнымъ со стороны невѣсты; но тутъ вдругъ напало на Алакаеву сомнѣніе: припомнивъ и сообразивъ всѣ благопріятные признаки, она почувствовала, что можетъ быть слишкомъ перетолковала ихъ въ пользу жениха. Какъ умная женщина, она поспѣшила охладить пылкія надежды молодого человѣка, благоразумно разсуждая, что, обольстившись ими, труднѣе ему будетъ перенесть внезапное разрушеніе радужныхъ своихъ мечтаній; отказъ вдругъ представился ей очень возможнымъ, и ея опасенія навели страхъ на Алексѣя Степаныча. Впрочемъ Алакаева нисколько не отступилась отъ своего обѣщанія и на другой же день поѣхала съ предложеніемъ къ Софьѣ Николавнѣ. Она просто, ясно, безъ всякого преувеличенія, описала постоянную и горячую любовь Алексѣя Степаныча, давно извѣстную всему городу (конечно и Софьѣ Николавнѣ); съ родственнымъ участіемъ говорила о прекрасномъ характерѣ, добротѣ и рѣдкой скромности жениха; справедливо и точно разсказала про его настоящее и будущее состояніе; разсказала правду про все его семейство и не забыла

прибавить, что вчера Алексѣй Степанычъ получилъ чрезъ письмо полное согласіе и благословеніе родителей искать руки достойнѣйшей и всѣми уважаемой Софьи Николавны, что самъ онъ отъ волненія, ожиданія отвѣта родителей и несказанной любви занемогъ лихорадкой; но, не имѣя силъ откладывать рѣшеніе своей судьбы, просилъ ее, какъ родственницу и знакомую съ Софьей Николавной даму, узнать: угодно ли, не противно ли будетъ ей, чтобы Алексѣй Степанычъ сдѣлалъ формальное предложеніе Николаю Ѳедоровичу. Софья Николавна, давно привыкшая, какъ говорилось въ старину, „сама обивать около себя росу“, или къ самобытности, какъ говорится теперь, безъ смущенія, безъ всякихъ церемоній и дѣвичьихъ оговорокъ и жеманствъ, тогда неизбѣжныхъ, отвѣчала Алакаевой слѣдующее: „Благодарю Алексѣя Степаныча за честь, мнѣ сдѣланную, а васъ, почтеннѣйшая Мавра Павловна, за участіе. Скажу вамъ откровенно: я давно замѣтила, что Алексѣй Степанычъ ко мнѣ неравнодушенъ и давно ожидала, что онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, не рѣшая, впрочемъ, вопроса: пойду ли я за него, или нѣтъ. Послѣдняя поѣздка Алексѣя Степаныча къ отцу и къ матери, его внезапная, какъ сами вы мнѣ сказывали, опасная, продолжительная болѣзнь въ деревнѣ, и перемѣна, когда онъ воротился, показали мнѣ, что родители его не желаютъ имѣть меня невѣсткой. Признаюсь, я этого не ожидала; скорѣе можно было опасаться несогласія со стороны моего отца. Потомъ я увидѣла, что Алексѣй Степанычъ возвратился къ прежнимъ чувствамъ, и теперь догадываюсь, что онъ успѣлъ склонить отца и мать къ согласію. Но разсудите сами, почтеннѣйшая Мавра Павловна, что теперь это дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ: входить въ семейство противъ его желанія — рискъ слишкомъ опасный. Конечно отецъ мой не сталъ бы противиться моему выбору; но могу ли я рѣшиться его обмануть? Узнавъ же, что его Сонечку какой то деревенскій помѣщикъ не вдругъ удостоилъ чести

войти въ его семейство, — онъ ни за что не согласится и сочтетъ это униженіемъ. Я не влюблена въ Алексѣя Степаныча, я только уважаю его прекрасныя свойства, его постоянную любовь и считаю, что онъ можетъ составить счастіе любимой женщины. Итакъ позвольте мнѣ подумать и притомъ, прежде чѣмъ я скажу объ этомъ моему больному отцу, прежде чѣмъ встревожу его такимъ извѣстіемъ, я хочу сама говорить съ Алексѣемъ Степанычемъ: пусть онъ пріѣдетъ къ намъ, когда выздоровѣетъ".

Алакаева съ точностью передала отвѣтъ жениху; ему показался онъ не предвѣщающимъ добра, но Алакаева, напротивъ, находила его весьма благопріятнымъ и успокоила Алексѣя Степаныча.

Долго сидѣла Софья Николавна одна въ гостиной, простившись очень дружески съ Маврой Павловной, и думала крѣпкую думу. Омрачились ея живые и блестящіе глаза, тяжелыя мысли пробѣгали по душѣ и отражались какъ въ зеркалѣ на ея прекрасномъ лицѣ. Все, что она сказала Алакаевой, была совершенная правда, и вопросъ идти или нѣтъ за Алексѣя Степаныча — точно оставался не рѣшеннымъ. Наконецъ предположеніе сватовства обратилось въ дѣйствительность, и надо было рѣшить этотъ великій, роковой вопросъ для всякой дѣвушки. Необыкновенно ясная голова Софьи Николавны, еще не омраченная страстностью ея натуры, тогда ничѣмъ глубоко не возмущаемой, все понимала и все видѣла въ настоящемъ видѣ, въ настоящемъ свѣтѣ. Положеніе ея въ будущемъ было безотрадно: отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ и, по словамъ лучшаго доктора Зандена[1]), не могъ прожить болѣе года; все состояніе старика заключалось въ двухъ подгородныхъ деревушкахъ: Зубковѣ и Касимовкѣ, всего 40 душъ съ неболь-

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Зандень, докторъ весьма ученый, бывшій впослѣдствіи штадтъ-физикомъ въ Москвѣ.

шимъ количествомъ земли; наличныхъ денегъ у Николая Ѳедоровича было накоплено до десяти тысячъ рублей, и онъ назначилъ ихъ на приданое своей Сонечкѣ. Выдать ее замужъ было постояннымъ, горячимъ его желаніемъ; но бываютъ же такія чудеса: Софья Николавна не имѣла еще ни одного жениха, то есть, не получила ни одного формальнаго предложенія. По смерти старика должны остаться шестеро сводныхъ дѣтей отъ двухъ браковъ; должны были учредиться двѣ опеки, и послѣднія трое дѣтей отъ Александры Петровны поступали къ родной бабушкѣ, Е. Д. Рычковой, подъ опеку сына ея, В. П. Рычкова. Материнское имѣніе ихъ заключалось также въ небольшой деревенькѣ, душъ въ 50; братья Софьи Николавны, отъ одной матери, находились въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, и она оставалась совершенно одна, даже не было дальнихъ сродниковъ, у которыхъ могла бы она жить. Однимъ словомъ, некуда была приклонить голову! Нужда, бѣдность, жизнь изъ милости въ чужихъ людяхъ, полная зависимость отъ чужихъ людей — тяжелы всякому; но для дѣвушки, стоявшей въ обществѣ такъ высоко, жившей въ такомъ довольствѣ, гордой по природѣ, избалованной общимъ искательствомъ и ласкательствомъ, для дѣвушки, которая испытала всю страшную тяжесть зависимости и потомъ всю прелесть власти, — такой переходъ долженъ былъ казаться невыносимымъ. И вотъ молодой, честный, скромный, пригожій собой мужчина, старинаго дворянского рода, единственный сынъ, у отца котораго было 180 душъ, который долженъ былъ получить богатое наслѣдство отъ тетки который любитъ, боготворитъ ее, — предлагаетъ ей руку и сердце: съ перваго взгляда тутъ нечего и колебаться. Но нравственное неравенство между ними было слишкомъ велико. Никто въ городѣ не могъ подумать, чтобъ Софья Николавна вышла за Алексѣя Степаныча. Она очень хорошо понимала справедливость общественнаго мнѣнія и не могла не уважать его. Невѣста — чудо

красоты и ума: женихъ, правда, бѣлый, розовый, нѣжный (что именно и не нравилось Софьѣ Николавнѣ), но простенькій, недальній, по мѣнію всѣхъ, деревенскій дворянчикъ; невѣста бойка, жива: женихъ робокъ и вялъ; невѣста по тогдашнему образованная, чуть не ученая дѣвица, начитанная, понимавшая всѣ высшіе интересы; женихъ совершенный невѣжда, ничего не читавшій, кромѣ двухъ-трехъ глупѣйшихъ романовъ, вродѣ Любовнаго Вертограда или Аристея и Телазіи, да Русскаго пѣсенника, — женихъ, интересы котораго не простирались далѣе ловли перепеловъ на дудки и соколиной охоты; невѣста остроумна, ловка, блистательна въ свѣтскомъ обществѣ; женихъ не умѣетъ сказать двухъ словъ, неловокъ, застѣнчивъ, смѣшонъ, жалокъ, умѣетъ только краснѣть, кланяться и жаться въ уголъ или къ дверямъ, подалѣе отъ свѣтскихъ говоруновъ, которыхъ просто боялся, хотя поистинѣ многихъ изъ нихъ былъ гораздо умнѣе; невѣста съ твердымъ, надменнымъ, неуступчивымъ характеромъ; женихъ слабый, смирный, безотвѣтный, котораго всякій могъ загонять. Ему ли поддержать, защитить жену въ обществѣ и семействѣ?... Такія противоположныя мысли, взгляды и картины роились, мѣшались, тѣснились въ воображеніи молодой дѣвушки. Давно наступили сумерки, она все еще сидѣла одна въ гостиной: наконецъ невыразимое смятеніе тоски, страшное сознаніе, что умъ ничего придумать и рѣшить не можетъ, что для него становится все часъ отъ часу темнѣе, — обратили ея душу къ молитвѣ. Она побѣжала въ свою комнату молиться и просить свѣта разума свыше, бросилась на колѣни передъ образомъ Смоленской Божьей Матери, нѣкогда чуднымъ знаменіемъ озарившей и указавшей ей путь жизни; она молилась долго, плакала горючими слезами и мало-по-малу почуствовала какое то облегченіе, какую то силу, способность къ рѣшимости, хотя не знала еще, на что она рѣшится; это чувство было уже отрадно ей. Она сходила посмотрѣть на заснувшаго больного своего отца,

воротилась въ свою комнату, легла и спокойно заснула. На другой день поутру Софья Николавна проснулась безъ всякаго волненія; она подумала нѣсколько минутъ, бросила взглядъ на вчерашнія свои колебанія и смущенія и спокойно осталась при своемъ намѣреніи поговорить сначала съ женихомъ и потомъ уже рѣшить дѣло окончательно, смотря по тому впечатлѣнію, какое произведетъ на нее разговоръ съ Алексѣемъ Степанычемъ.

Алексѣй Степанычъ, желая какъ можно скорѣе узнать рѣшеніе судьбы своей, позвалъ доктора и умолялъ вылѣчить его поскорѣе. Докторъ обѣщалъ и на этотъ разъ сдержалъ обѣщаніе. Черезъ недѣлю Алексѣй Степанычъ, правду сказать, худой, блѣдный и слабый, сидѣлъ уже въ гостиной у Софьи Николавны. Взглянувъ на тощую фигуру молодого человѣка, прежде цвѣтущаго румянцемъ здоровья, она почувствовала жалость и многое сказала не такъ рѣзко, не такъ строго, какъ хотѣла. Въ сущности невѣста сказала жениху все то же, что говорила Алакаевой, но прибавила, что она, вопервыхъ, не разстанется съ отцомъ, пока онъ живъ, а вовторыхъ, что она не будетъ жить въ деревнѣ, а желаетъ жить въ городѣ, именно въ Уфѣ, гдѣ имѣетъ много знакомыхъ, достойныхъ и образованныхъ людей, въ обществѣ которыхъ должна жить съ мужемъ. Въ заключеніе она прибавила, что очень бы желала, чтобъ ея мужъ служилъ и занималъ въ городѣ, хотя не блестящее, но благородное и почетное мѣсто. На всѣ такія предварительныя условія и предъявленія будущихъ правъ жены Алексѣй Степанычъ отвѣчалъ съ подобострастіемъ, что „всѣ желанія Софьи Николавны для него законъ, и что его счастіе будетъ состоять въ исполненіи ея воли...“ и этотъ отвѣтъ, недостойный мужчины, вѣрный признакъ, что на любовь такого человѣка нельзя положиться, что онъ не можетъ составить счастія женщины, — могъ понравиться такой умной дѣвушкѣ. Поневолѣ должно признать, что въ основаніи ея ха-

рактера уже лежали сѣмена властолюбія и что въ настоящее время, освобожденныя изъ подъ тяжкаго гнета жестокой мачехи, они дали сильные ростки; что безъ вѣдома самой Софьи Николавны любовь къ власти была тайною причиною ея рѣшимости. Софья Николавна захотѣла сама прочесть письмо, въ которомъ Алексѣй Степанычъ получилъ позволеніе своихъ родителей искать ея руки. Письмо было въ карманѣ у жениха, и онъ показалъ его. Софья Николавна прочла и убѣдилась, что ея догадки о первоначальномъ несогласіи родителей были совершенно справедливы. Молодой человѣкъ не умѣлъ притворяться и притомъ такъ былъ влюбленъ, что не могъ противиться ласковому взгляду или слову обожаемой красавицы; когда Софья Николавна потребовала полной откровенности, онъ высказалъ ей всю подноготную безъ утайки, и, кажеться, эта откровенность окончательно рѣшила дѣло въ его пользу. Мысль воспитать по своему, образовать добродушнаго молодого человѣка, скромнаго, чистосердечнаго, неиспорченнаго свѣтомъ, забралась въ умную, но всетаки женскую голову Софьи Николавны. Ей представилась плѣнительная картина постепеннаго пробужденія и воспитанія дикаря, у котораго не было недостатка ни въ умѣ, ни въ чувствахъ, погруженныхъ въ непробудный сонъ, — который будетъ еще болѣе любить ее, если это возможно, въ благодарность за свое образованіе. Эта мысль овладѣла пылкимъ воображеніемъ Софьи Николавны, и она очень милостиво отпустила своего хвораго обожателя, обѣщала поговорить съ отцомъ и передать отвѣтъ черезъ Алакаеву. Алексѣй Степанычъ утопалъ въ восторгѣ, по тогдашнему выраженію. Вечеромъ Софья Николавна опять прибѣгла къ молитвѣ; опять молилась долго, восторженно, напряженно; она заснула очень утомленная и ночью видѣла сонъ, который растолковала, какъ слѣдуетъ, въ подтвержденіе своего рѣшенія. Умъ человѣческій все растолкуетъ такъ, какъ ему хочется. Я забылъ этотъ сонъ, но помню, что его

можно было растолковать въ противоположную сторону, съ гораздо большимъ основаніемъ и гораздо меньшими натяжками. На слѣдующее утро Софья Николавна немедленно сообщила своему почти умирающему отцу о предложеніи Алексѣя Степаныча. Хотя Николай Ѳедоровичъ почти не зналъ жениха, но у старика какъ то составилось понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ самомъ ничтожномъ. При всемъ пламенномъ желаніи пристроить Сонечку при своей жизни этотъ женихъ (первый, надобно замѣтить) ему не нравился. Но Софья Николавна, съ обыкновенною пылкостью своего ума и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, доказала старику, что не должно пропускать такой партіи. Она высказала ему все, что мы уже знаемъ въ пользу этого брака, и главное, что не только не разлучится съ нимъ, но и останется жить въ одномъ домѣ. Она такъ живо представила свое безпомощное состояніе, когда Богу будетъ угодно оставить ее сиротой, что Николай Ѳедоровичъ прослезился и сказалъ: „Другъ мой, умница моя Сонечка! дѣлай, что тебѣ угодно: я на все согласенъ. Представь же мнѣ поскорѣе своего будущаго жениха; я хочу познакомиться съ нимъ поближе и также хочу непремѣнно, чтобъ его родители сдѣлали намъ письменное предложеніе“.

Софья Николавна написала записку Алакаевой и просила передать Алексѣю Степанычу, что Николай Ѳедоровичъ приглашаетъ его къ себѣ въ такомъ то часу.

Алексѣй Степанычъ продолжалъ утопать въ блаженствѣ, раздѣляя его только съ покровительницей своей Маврой Павловной; но приглашеніе къ Николаю Ѳедоровичу въ назначенный часъ, — приглашеніе, котораго онъ никакъ не ожидалъ, считая старика слишкомъ больнымъ и слабымъ, очень его смутило. Николай Ѳедоровичъ, за отсутствіемъ намѣстника первое лицо, первая власть въ цѣломъ Уфимскомъ краѣ, Николай Ѳедоровичъ, къ которому онъ и прежде приближался съ благоговѣніемъ, — теперь казался ему чѣмъ то особенно

страшнымъ. Ну, если ему не понравилось намѣреніе чиновника верхняго земскаго суда 14-го класса жениться на его дочкѣ? Если онъ сочтетъ дерзостью такое предложеніе да крикнетъ: „Какъ ты осмѣлился подумать о моей дочери? По тебѣ ли она невѣста? Посадить его подъ караулъ, отдать подъ судъ!“ . . . Какъ ни дики кажутся такія мысли, но онѣ дѣйствительно пришли тогда въ голову молодому человѣку, о чемъ онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи. Собравшись съ духомъ, ободряемый словами Алакаевой, Алексѣй Степанычъ напялилъ мундиръ, или, вѣрнѣе сказать, надѣлъ его на себя, какъ на вѣшалку, потому что очень похудѣлъ, и отправился къ товарищу намѣстника. Съ треугольной шляпой подъ мышкой, придерживая дрожащей рукой непослушную шпагу, вошелъ онъ, едва переводя духъ отъ робости, въ кабинетъ больного старика, нѣкогда умнаго, живого и бодраго, но теперь почти недвижимаго, изсохшаго какъ скелетъ, лежащаго уже на смертной постели. Алексѣй Степанычъ отвѣсилъ низкій поклонъ и сталъ у дверного косяка. Уже одинъ этотъ пріемъ заставилъ поморщиться больного хозяина. „Подойдите ко мнѣ поближе, господинъ Багровъ, сядьте возлѣ моей постели. Я слабъ, не могу говорить громко“. Алексѣй Степанычъ со многими поклонами присѣлъ на кресло, стоявшее у самой кровати. „Вы ищете руки моей дочери?“ продолжалъ старикъ . . . Женихъ вскочилъ съ креселъ и поклонился, и сказалъ, что точно такъ, что онъ осмѣливается искать этого счастія . . . Я могъ бы передать весь разговоръ подробно, потому что много разъ слыхалъ, какъ пересказывалъ его изъ слова въ слово Алексѣй Степанычъ; но въ немъ отчасти есть повтореніе того, что мы уже знаемъ, и я боюсь наскучить читателямъ. Сущность дѣла состояла въ томъ, что Николай Ѳедоровичъ разспросилъ молодого человѣка объ его семействѣ, объ его состояніи, объ его намѣреніяхъ относительно службы и мѣста постояннаго жительства; сказалъ ему, что Софья Ни-

колавна ничего не имѣетъ, кромѣ приданаго въ 10 тысячъ рублей, двухъ семей людей и трехъ тысячъ наличныхъ денегъ для первоначальнаго обзаведенія; въ заключеніе онъ прибавилъ, что хотя совершенно увѣренъ, что Алексѣй Степанычъ, какъ почтительный сынъ, безъ согласія отца и матери не сдѣлалъ бы предложенія, но что родители его могли передумать и что приличіе требуетъ, чтобы они сами написали объ этомъ прямо къ нему, и что до полученія такого письма онъ не можетъ дать рѣшительнаго отвѣта. Алексѣй Степанычъ привставалъ, кланялся, садился, во всемъ соглашался и обѣщалъ завтра же написать къ отцу и къ матери. Черезъ полчаса старикъ сказалъ, что усталъ (это была совершенная правда), и отпустилъ молодого человѣка довольно сухо. По выходѣ его Софья Николавна въ ту же минуту вошла въ кабинетъ къ отцу; онъ лежалъ съ закрытыми глазами, лицо его выражало утомленіе и вмѣстѣ душевное страданіе. Услыхавъ приближеніе дочери, онъ бросилъ на нее умоляющій взглядъ, сжалъ руки на груди и воскликнулъ: „Сонечка, неужели ты пойдешь за него?“ — Софья Николавна знала напередъ, какое дѣйствіе произведетъ это свиданіе, и приготовилась даже къ худшему впечатлѣнію. „Я предупреждала васъ, батюшка“, — сказала она тихо, кротко, но съ твердостью, — „что по совершенному незнанію свѣтскаго обращенія, по неловкости и робости, Алексѣй Степанычъ съ перваго раза долженъ показаться вамъ дурачкомъ; но я видѣлась съ нимъ много разъ, говорила долго, узнала его коротко и ручаюсь вамъ, что онъ никого не глупѣе, а многихъ гораздо умнѣе. Я прошу васъ поговорить съ нимъ еще раза два и увѣрена, что вы согласитесь со мною“. Старикъ долго, пристально, проницательно посмотрѣлъ на свою дочь, какъ будто хотѣлъ прочесть что то сокровенное въ ея душѣ, глубоко вздохнулъ и согласился вызвать къ себѣ на дняхъ и поговоритъ побольше съ молодымъ человѣкомъ.

Алексѣй Степанычъ съ первою почтою написалъ самое нѣжное, самое почтительное письмо къ своимъ родителямъ. Онъ благодарилъ ихъ за то, что они вновь даровали ему жизнь, и униженно просилъ, чтобы они написали поскорѣе письмо къ Николаю Ѳедоровичу Зубину и просили у него руки его дочери для своего сына, прибавляя, что это всегда такъ водится и что Николай Ѳедоровичъ безъ ихъ письма не даетъ рѣшительнаго отвѣта. Исполненіе просьбы столь обыкновенной затруднило стариковъ: они были не сочинители, въ подобныхъ оказіяхъ не бывали и не умѣли приступить къ дѣлу; осрамиться же въ глазахъ товарища намѣстника и будущаго свата, вѣрно, ученаго дѣльца и писаки, крѣпко имъ не хотѣлось. Цѣлую недѣлю сочиняли письмо; наконецъ коекакъ написали и послали его къ Алексѣю Степанычу. Письмо точно было написано неловко, безъ всякихъ вѣжливостей и любезностей, необходимыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Покуда Алексѣй Степанычъ дожидался отвѣта изъ деревни, Николай Ѳедоровичъ пригласилъ его къ себѣ еще два раза. Второе посѣщеніе не поправило невыгоднаго впечатлѣнія, произведеннаго первымъ; но при третьемъ свиданіи присутствовала Софья Николавна, которая, какъ будто не зная, что женихъ сидитъ у отца, вошла къ нему въ кабинетъ, неожиданно воротясь изъ гостей ранѣе обыкновеннаго. Ея присутствіе все перемѣнило; она умѣла заставить говорить Алексѣя Степаныча, знала, о чемъ онъ можетъ говорить и въ чемъ можетъ высказаться съ выгодной стороны его природный здравый смыслъ, чистота нравовъ, честность и мягкая доброта. Николай Ѳедоровичъ, видимо, былъ доволенъ, обласкалъ молодого человѣка и пригласилъ его пріѣзжать какъ можно чаще. Когда Алексѣй Степанычъ ушелъ, старикъ обнялъ свою Сонечку со слезами и, осыпая ее ласковыми и нѣжными именами, назвалъ, между прочимъ, чародѣйкой, которая силою волшебства умѣетъ вызывать изъ души человѣческой прекрасныя ея

качества, такъ глубоко скрытыя, что никто и не подозрѣвалъ ихъ существованія. Софья Николавна была также очень довольна, потому что и сама не смѣла надѣяться, чтобъ Алексѣй Степанычъ могъ такъ хорошо поддержать ея доброе мнѣніе и оправдать выгодные о немъ отзывы.

Наконецъ письмо съ формальнымъ предложеніемъ стариковъ было получено, и Алексѣй Степанычъ лично вручилъ его Николаю Ѳедоровичу. Увы! безъ волшебнаго присутствія и помощи Софьи Николавны женихъ опять попрежнему не понравился будущему тестю, да и письмомъ остался онъ очень недоволенъ. На слѣдующій день онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ своею дочерью, въ которомъ представлялъ ей всѣ невыгоды имѣть мужа ниже себя по уму, по образованію и характеру; онъ сказалъ, что мужнино семейство не полюбитъ ее, даже возненавидитъ, какъ грубое и злое невѣжество всегда ненавидитъ образованность; онъ предостерегалъ, чтобы она не полагалась на обѣщанія жениха, которыя обыкновенно рѣдко исполняются и которыхъ Алексѣй Степанычъ не въ силахъ будетъ исполнить, хотя бы и желалъ. На такія справедливыя замѣчанія и совѣты, почерпнутые прямо изъ жизни, Софья Николавна умѣла возражать съ удивительной ловкостью и въ то же время умѣла такъ убѣдительно и живо представить хорошую сторону замужества съ человѣкомъ, хотя не бойкимъ и не образованнымъ, но добрымъ, честнымъ, любящимъ и не глупымъ, что Николай Ѳедоровичъ былъ увлеченъ ея плѣнительными надеждами и далъ полное согласіе. Софья Николавна съ горячностью обняла отца, поцѣловала его изсохшія руки, подала ему образъ, стала на колѣни у кровати и, проливая ручьи горячихъ слезъ, приняла его благословеніе. „Батюшка!“ — воскликнула съ увлеченіемъ восторженная дѣвушка, — „я надѣюсь съ Божьею помощью, что чрезъ годъ вы не узнаете Алексѣя Степаныча. Чтеніе хорошихъ книгъ, общество умныхъ людей, безпрестанные разговоры со

мною вознаградятъ недостатокъ воспитанія; застѣнчивость пройдетъ и умѣнье держать себя въ свѣтѣ придетъ само собою". — „Дай Богъ," — отвѣчалъ старикъ, — „пошли за священникомъ, я хочу помолиться о твоемъ счастьѣ вмѣстѣ съ тобою".

Въ тотъ же день вечеромъ пригласили Алакаеву съ женихомъ, старинныхъ Зубинскихъ знакомыхъ, Аничкова и Мисайловыхъ, и дали Алексѣю Степанычу слово. Нѣтъ выраженій для описанія блаженства молодого человѣка! Софья Николавна до глубокой старости вспоминала объ этихъ счастливыхъ для него минутахъ. Алексѣй Степанычъ бросился въ ноги Николаю Ѳедоровичу, цѣловалъ его руки, плакалъ, рыдалъ какъ дитя, едва не упалъ въ обморокъ отъ избытка счастія, которое до послѣдней минуты казалось ему недоступнымъ. Невѣста сама была глубоко тронута такимъ искреннимъ выраженіемъ пламенной, безграничной любви.

Чрезъ два дня назначили офиціальную помолвку и пригласили весь городъ. Городъ былъ удивленъ, потому что многіе не вѣрили слухамъ, будто Софья Николавна Зубина идетъ за Алексѣя Степаныча Багрова. Наконецъ всѣ повѣрили и съѣхались: поздравляли, желали всякаго благополучія и всѣхъ возможныхъ благъ. Женихъ былъ радостенъ и свѣтелъ: онъ не замѣчалъ никакихъ двусмысленностей въ поздравленіяхъ, никакихъ насмѣшливыхъ улыбокъ и взглядовъ; но Софья Николавна все видѣла, все замѣтила, все слышала и понимала, хотя, говоря съ нею, были всѣ осторожны и почтительны. Она знала напередъ, какъ встрѣтитъ общество ея поступокъ, но внутренно не могла не огорчаться выраженіемъ мнѣнія этого общества, чего, конечно, никто не замѣтилъ. Она была весела, ласкова со всѣми, особенно съ женихомъ, и казалась совершенно счастливою и довольною своимъ выборомъ. Вскорѣ жениха съ невѣстою пригласили въ кабинетъ къ Николаю Ѳедоровичу и обручили тамъ при немногихъ свидѣтеляхъ. Старикъ плакалъ во все время, когда священникъ читалъ

молитвы. По окончаніи обряда онъ приказалъ жениху съ невѣстою поцѣловаться, обнялъ ихъ горячо и сильно, сколько могъ, и, поглядѣвъ пристально въ лицо Алексѣю Степанычу, сказалъ: „Люби ее и всегда такъ, какъ любишь теперь, Богъ даетъ тебѣ такое сокровище.“ Онъ не могъ договорить. Обрученные женихъ и невѣста вышли опять къ гостямъ въ сопровожденіи присутствовавшихъ при обрученіи. Всѣ мужчины обнимали жениха и цѣловали руку у невѣсты; всѣ дамы обнимали невѣсту и у всѣхъ перецѣловалъ ручки женихъ. Наконецъ, когда кончилась эта суматоха, обрученныхъ посадили рядомъ на диванъ, упросили вновь поцѣловаться и съ бокалами въ рукахъ осыпали ихъ вторичными поздравленіями и добрыми желаніями. Между мужчинами хозяйничалъ С. И. Аничковъ, а между дамами — Алакаева. Алексѣй Степанычъ сроду не пивалъ ничего, кромѣ воды, но его уговорили выпить бокалъ какого то вина, которое сильно подѣйствовало на его непривычный организмъ, разстроенный недавнею болѣзнью и постояннымъ волненіемъ души. Онъ сдѣлался необыкновенно живъ, смѣялся, плакалъ и много нагоровилъ для потѣхи общества и для огорченія невѣсты. Гости развеселились. За однимъ бокаломъ послѣдовалъ другой, за другимъ — третій; подали богатую закуску; всѣ плотно покушали, еще выпили и разъѣхались шумно и весело. У жениха закружилась и заболѣла голова, и Алакаева увезла его домой.

Николай Ѳедоровичъ чувствовалъ себя очень плохо и хотѣлъ какъ можно скорѣй сыграть свадьбу; но какъ въ то же время онъ желалъ, чтобъ приданое было устроено богато и пышно, то принуждены были отложить свадьбу на нѣсколько мѣсяцевъ. Старинные материнскіе брильянты и жемчуги надобно было передѣлать и перенизать по новому фасону въ Москвѣ и оттуда же выписать серебро и нѣкоторые наряды и подарки; остальныя же платья, занавѣсь парадной кровати и даже богатый чернобурый салопъ, мѣхъ котораго давно

уже былъ купленъ за 500 рублей и котораго теперь не купишь за 5000, — все это было сшито въ Казани; столоваго бѣлья и голландскихъ полотенъ было запасено много. Десять тысячъ, назначенныя на приданое, составляли тогда большую сумму; и какъ много дорогого было припасено заранѣе, то роспись приданаго выходила такъ роскошна и великолѣпна, что, читая ее теперь, трудно повѣрить дешевизнѣ восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія.

Первымъ дѣломъ послѣ обрученія и помолвки были рекомендательныя письма ко всѣмъ роднымъ жениха и невѣсты. Софья Николавна, владѣвшая, между прочимъ, особеннымъ дарованіемъ писать краснорѣчиво, написала такое письмо къ будущему свекру и свекрови, что Степанъ Михайловичъ, хотя былъ не сочинитель и не писака, но весьма оцѣнилъ письмо будущей своей невѣстки. Выслушавъ его съ большимъ вниманіемъ, онъ взялъ его изъ рукъ Танюши и, съ удовольствіемъ замѣтивъ четкость руки невѣсты, самъ прочелъ письмо два раза и сказалъ: „Ну, умница и должно быть горячая душа!“ Вся семья злилась и молчала; одна Александра Степановна не вытерпѣла и, сверкая круглыми, выкатившимися отъ бѣшенства зрачками, сказала: „Что и говорить, батюшка, книжница; мягко стелетъ, да каково то будетъ спать“. Но старикъ грозно взглянулъ на нее и зловѣщимъ голосомъ сказалъ: „А почемъ ты знаешь? Ничего не видя, ужъ ты коришь! Смотри! держи языкъ за зубами и другихъ у меня не мути“. Послѣ такихъ словъ всѣ пришипились и, разумѣется, еще болѣе возненавидѣли Софью Николавну. Степанъ Михайловичъ подъ вліяніемъ теплаго и ласковаго письма взялъ самъ перо въ руки и, вопреки всякимъ церемоніямъ, написалъ слѣдующее:

„Милая моя, дорогая и разумная будущая невѣстушка!

Если ты насъ, стариковъ, такъ заочно полюбила и уважаешь, то и мы тебя полюбили; а при свиданьи, Богъ дастъ,

и еще больше полюбимъ, и будешь ты намъ, какъ родная дочь, и будемъ мы радоваться счастію нашего сына Алексѣя".

Софья Николавна также по достоинству оцѣнила простую рѣчь старика; она уже прежде, по однимъ разсказамъ, полюбила его заочно. Родныхъ у невѣсты не было и писать ея жениху было не къ кому. Но она захотѣла, чтобъ Алексѣй Степанычъ написалъ рекомендательное письмо къ ея заочному другу и покровителю ея братьевъ, А. Ѳ. Аничкову; разумѣется, женихъ съ радостью согласился исполнить ея желаніе. Софья Николавна не слишкомъ надѣялась на умѣнье Алексѣя Степаныча объясняться письменно и пожелала предварительно взглянуть на письмо. Боже мой, что прочла она въ этомъ письмѣ! Алексѣй Степанычъ, много наслышавшись объ Аничковѣ, вздумалъ написать витіевато, позаимствовался изъ какого нибудь тогдашняго романа и написалъ двѣ страницы такихъ фразъ, отъ которыхъ, при другихъ обстоятельствахъ, Софья Николавна расхохоталась бы, но теперь . . . кровь бросилась ей въ голову, и потомъ слезы хлынули изъ ея глазъ. Успокоившись, она сначала не знала, какъ ей быть, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія. Впрочемъ, она думала недолго, написала черновое письмо отъ жениха къ Аничкову и сказала Алексѣю Степанычу, что, по непривычкѣ къ перепискѣ съ незнакомыми людьми, онъ написалъ такое письмо, которое могло бы не понравиться Аничкову, и потому она написала черновое и проситъ его переписать и послать по адресу. Ей было совѣстно и больно, и оскорбительно за своего жениха, голосъ ея слегка дрожалъ, и она едва владѣла собою; но женихъ чрезвычайно обрадовался такому предложенію; выслушавъ письмо, восхищался имъ, удивлялся сочинительницѣ и покрывалъ поцѣлуями ея руки. Тяжелъ первый шагъ къ неуваженію будущаго своего супруга и къ осуществленію мысли повелѣвать имъ по произволу . . .

Зная, что у стариковъ мало денегъ и что они поневолѣ скупы на нихъ, Алексѣй Степанычъ написалъ просительное письмо къ своимъ родителямъ съ самымъ умѣреннымъ требованіемъ денегъ и для подкрѣпленія своихъ словъ упросилъ Алакаеву, чтобы она написала къ Степану Михайловичу и удостовѣрила въ справедливой просьбѣ сына и въ необходимости издержекъ для предназначенной свадьбы: онъ просилъ всего 800 рублей, но Алакаева требовала 1500 рублей. Старики отвѣчали сыну, что у нихъ такихъ денегъ нѣтъ и что они посылаютъ ему послѣдніе 300 рублей, а 500 рублей, если они ужъ необходимы, предоставляли ему у кого нибудь занять: но прибавляли, что пришлютъ ему четверку лошадей, кучера, форейтора и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. На Алакаеву же старики разсердились за требованіе такой огромной суммы и не отвѣчали ей. Дѣлать было нечего: Алексѣй Степанычъ поблагодарилъ за милости своихъ родителей и занялъ 500 рублей, но какъ этихъ денегъ недостало, то Алакаева дала ему еще своихъ 500 рублей тайно отъ его стариковъ.

Между тѣмъ свиданія жениха съ невѣстой становились чаще, продолжительнѣе, а разговоры откровеннѣе. Тутъ только увидала Софья Николавна, какъ много будетъ ей работы въ будущемъ, тутъ только она вполнѣ разглядѣла своего жениха! Она не ошиблась въ томъ, что онъ имѣлъ отъ природы хорошій умъ, предоброе сердце и строгія правила честности и служебнаго безкорыстія, но зато во всемъ другомъ нашла она такую ограниченность понятій, такую мелочность интересовъ, такое отсутствіе самолюбія и самостоятельности, что неробкая душа ея и твердость въ исполненіи дѣла, на которое она уже рѣшилась, не одинъ разъ сильно колебались; не одинъ разъ приходила она въ отчаяніе, снимала съ руки обручальное кольцо, клала его передъ образомъ Смоленскія Божьей Матери и долго молилась, обливаясь жаркими слезами, прося просвѣтить ея слабый умъ. Такъ поступала она, что мы уже

знаемъ, во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Послѣ молитвы Софья Николавна чувствовала себя какъ то бодрѣе и спокойнѣе, принимала это чувство за указаніе свыше, надѣвала обручальное кольцо и выходила въ гостиную къ своему жениху спокойная и веселая. Больной ея отецъ чувствовалъ себя часъ отъ часу хуже и слабѣе; дочь умѣла его увѣрить, что она съ каждымъ днемъ открываетъ новыя достоинства въ своемъ женихѣ, что она совершенно довольна и надѣется быть счастливою замужемъ. Тяжкій недугъ уже омрачалъ ясность взгляда Николая Ѳедоровича; онъ не только вѣрилъ искренности своей дочери, но и самъ убѣждался, что его Сонечка будетъ счастлива и часто говорилъ: „Слава Богу, теперь мнѣ легко умереть“.

Приближалось время свадьбы. Все приданое было готово. Женихъ также приготовился, благодаря совѣтамъ Алакаевой, которая совершенно взяла его въ руки. Умная старуха сама не подозрѣвала, до какой степени Алексѣй Степанычъ не зналъ и не понималъ приличій въ общественной жизни. Безъ нея онъ надѣлалъ бы такихъ промаховъ, отъ которыхъ невѣста не разъ сгорѣла бы со стыда. Напримѣръ, онъ хотѣлъ подарить ей въ день именинъ такой матеріи на платье, какую можно подарить только ея горничной; онъ думалъ ѣхать къ вѣнцу въ какой то старинной повозкѣ на пазахъ, которая возбудила бы смѣхъ въ цѣломъ городѣ и пр., и пр. Оно въ сущности ничего не значитъ, но видѣть своего жениха посмѣшищемъ уфимскаго моднаго свѣта было бы слишкомъ тяжело для Софьи Николавны. Разумѣется, все это было поправлено Алакаевой или, лучше сказать, самой невѣстой, потому что старуха обо всемъ совѣтовалась съ нею. Софья Николавна заранѣе объявила жениху, чтобъ онъ и не думалъ дарить ее въ именины, потому что она терпѣть не можетъ именинныхъ подарковъ. Для свадьбы же приказала купить аглицкую новенькую карету, только что привезенную изъ

Петербурга однимъ уфимскимъ помѣщикомъ, Мурзахановымъ, успѣвшимъ промотаться и проиграться въ нѣсколько мѣсяцевъ. За карету было заплачено 350 рублей ассигнаціями. Софья Николавна отдала за нее свои деньги и прислала въ подарокъ жениху отъ имени своего отца, запретивъ ему безпокоить своей благодарностью умирающаго старика. Такъ улаживались и другія затрудненія. Алексѣй Степанычъ и Софья Николавна написали отъ себя и отъ имени Николая Ѳедоровича письмо къ Степану Михайловичу и Аринѣ Васильевнѣ, убѣдительно прося ихъ осчастливить своимъ пріѣздомъ на свадьбу. Зажившіеся въ деревнѣ и одичавшіе старики, разумѣется, не поѣхали: городъ и городское общество представлялись имъ чѣмъ то чуждымъ и страшнымъ. Изъ дочерей также никто не хотѣлъ ѣхать: но Степану Михайловичу показалось это неловкимъ, и онъ приказалъ отправиться на свадьбу Елизаветѣ и Александрѣ Степановнамъ. Ерлыкинъ находился на службѣ въ Оренбургѣ, а Иванъ Петровичъ Каратаевъ сопровождалъ свою супругу въ Уфу. Прибытіе этихъ незванныхъ и неожиданныхъ гостей надѣлало много огорченій Софьѣ Николавнѣ. Будущія ея золовки, отъ природы очень умныя и хитрыя, расположенныя враждебно, держали себя съ нею холодно, непріязненно и даже неучтиво. Хотя Софья Николавна слишкомъ хорошо угадывала, какого расположенія можно ей было ждать отъ сестеръ своего жениха, тѣмъ не менѣе, она сочла за долгъ быть сначала съ ними ласковою и даже предупредительною, но увидя, наконецъ, что всѣ ея старанія напрасны и что чѣмъ лучше она была съ ними, тѣмъ хуже онѣ становились съ нею, — она отдалилась и держала себя въ границахъ свѣтской холодной учтивости, которая не защищала ее, однако, отъ этихъ подлыхъ намековъ и обиняковъ, которыхъ нельзя не понять, которыми нельзя не оскорбляться и которые понимать, и которыми оскорбляться въ то же время неловко, потому что сейчасъ скажутъ: „на ворѣ шапка горитъ“. Отвра-

тительное оружіе намековъ и обиняковъ, выгнанное образованностью въ общество мѣщанъ, горничныхъ и лакеевъ, было тогда оружіемъ страшнымъ и общеупотребительнымъ въ домахъ деревенскихъ помѣщиковъ, по большей части весьма близкихъ съ своей прислугой и нравами, и образованіемъ. Да еще нравду ли я сказалъ, что оно выгнано? Не живетъ ли оно и теперь въ насъ, сокрытое подъ другими, болѣе приличными, болѣе искусственными формами? Разумѣется, всему уфимскому обществу показались сестрицы жениха деревенскими чучелами. Что касается до Ивана Петровича, уже довольно обашкирившагося и всегда начинавшаго съ восьми часовъ утра тянуть желудочный травникъ, то онъ при первой рекомендаціи чмокнулъ три раза ручку у Софьи Николавны и съ одушевленіемъ истиннаго башкирца воскликнулъ: „Ну, какую кралечку подцѣпилъ братъ Алексѣй“. Много переглотала Софья Николавна слезъ отъ злобныхъ выходокъ будущихъ своихъ золовокъ и грубыхъ шутокъ и любезностей будущаго свояка. Всего прискорбнѣе было то, что Алексѣй Степанычъ ничего не примѣчалъ и, казалось, былъ очень доволенъ обращеніемъ своихъ сестеръ съ Софьей Николавной, и, конечно, это ее не только огорчало въ настоящемъ, но и пугало въ будущемъ. Ядовитыя эти змѣи, остановясь у брата въ домѣ, съ первой же минуты начали вливать свой ядъ въ его простую душу и дѣлали это такъ искусно, что Алексѣй Степанычъ не подозрѣвалъ ихъ ухищреній. Тысячи намековъ на гордость его невѣсты, на ея нищенство, прикрывающееся золотомъ и парчею, на его подчиненность волѣ и прихотямъ Софьи Николавны, безпрестанно раздавались въ его ушахъ: многаго онъ не замѣчалъ, не понималъ, но многое попадало прямо въ цѣль, смущало его умъ и безсознательно заставляло задумываться. Всѣ эти уловки, а иногда и открытыя нападенія, прикрывались видомъ участія и родственной любви. „Что это, братецъ, какъ ты худъ?“ — говорила Елизавета Степа-

новна, — „Ты совсѣмъ измучился, исполняя приказанія Софьи Николавны. Вотъ теперь, ты только что воротился изъ Голубиной слободки[1]), усталъ, проголодался и, ничего не покушавши, скачешь опять на дежурство къ невѣстѣ. Вѣдь мы тебѣ родныя: вѣдь намъ тебя жалко“..., и притворныя слезы или, по крайней мѣрѣ, морганье глазами и утиранье ихъ платкомъ, довершали вкрадчивую рѣчь. „Нѣтъ“, — бѣшено врывалась въ разговоръ Александра Степановна, — „не могу утерпѣть. Я знаю ты осердишься, братецъ, а можетъ быть, и разлюбишь насъ: такъ видно угодно Богу; но я скажу тебѣ всю правду: ты совсѣмъ перемѣнился: ты насъ стыдишься, ты насъ совсѣмъ забылъ; у тебя только и на умѣ, какъ бы лизать ручки у Софьи Николавны, да какъ бы не проштрафиться передъ нею. Вѣдь ты сдѣлался ея слугой, крѣпостнымъ слугой! Каково намъ видѣть, что ужъ и старая вѣдьма Алакаева помыкаетъ тобой, какъ холопомъ: поѣзжай туда, то-то привези, объ этомъ то справься... да приказываетъ еще все дѣлать проворнѣе, да еще изволитъ выговоры давать; а насъ и въ грошъ не ставитъ, ни о чемъ съ нами и посовѣтоваться не хочетъ... Алексѣй Степанычъ не находилъ словъ для возраженія и говорилъ только, что онъ сестрицъ своихъ любитъ и всегда будетъ любить и что ему пора ѣхать къ Софьѣ Николавнѣ, послѣ чего бралъ шляпу и поспѣшно уходилъ. „Да, бѣги, бѣги поскорѣе“, — кричала ему вслѣдъ бѣшеная Александра Степановна, — „а то прогнѣвается, да еще ручки не пожалуетъ“. Подобныя явленія повторялись не одинъ разъ и, конечно, производили свое впечатлѣніе. Софья Николавна не могла не замѣтить, что пріѣздъ сестрицъ Алексѣя Степаныча произвелъ въ немъ нѣкоторую перемѣну. Онъ казался смущеннымъ, не съ такою точностью исполнялъ свои обѣщанія и даже менѣе проводилъ съ ней времени.

---

[1]) Отдаленная улица въ Уфѣ.

Софья Николавна очень хорошо понимала настоящую причину: къ тому же Алакаева, съ которою вошла она въ короткія и дружескія отношенія и которая знала все, что дѣлается на квартирѣ у Алексѣя Степаныча, не оставляла ее снабжать подробными свѣдѣніями. Софья Николавна, по своей пылкой и страстной природѣ, не любила откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Она справедливо разсуждала, что не должно давать время и свободу укореняться вредному вліянію сестрицъ, что необходимо открыть глаза ея жениху и сдѣлать рѣшительное испытаніе его характеру и привязанности, и что если и то, и другое окажется слишкомъ слабымъ, то лучше разойтись передъ вѣнцомъ, нежели соединить судьбу свою съ такимъ ничтожнымъ существомъ, которое, по ея собственному выраженію, „отъ солнышка не защита и отъ дождя не епанча“. Рано утромъ она вызвала къ себѣ жениха, затворилась съ нимъ въ гостиной, не приказала никого принимать и обратилась къ испуганному и поблѣднѣвшему Алексѣю Степанычу съ слѣдующими словами: „ Послушайте, я хочу объясниться съ вами откровенно, сказать вамъ все, что у меня лежитъ на сердцѣ, и отъ васъ требую того же. Сестрицы ваши меня терпѣть не могутъ и употребили всѣ старанія, чтобы возстановить противъ меня вашихъ родителей. Я знаю все это отъ васъ самихъ. Ваша любовь ко мнѣ преодолѣла всѣ препятствія: родители дали вамъ свое благословеніе, и я рѣшилась за васъ выйти, не побоявшись ненависти цѣлой семьи. Я надѣялась найти себѣ защиту въ вашей ко мнѣ любви и въ моемъ стараніи доказать вашимъ родителямъ, что я не заслуживаю ихъ непріязни. Я вижу теперь, что я ошиблась. Вы сами видѣли, какъ я приняла вашихъ сестрицъ, какъ я ласкалась, какъ я старалась угодить имъ. Онѣ заставили меня удалиться своими грубостями, но я ни разу не сдѣлала имъ ни малѣйшей невѣжливости. Что же изъ этого вышло? Прошла только одна недѣля, какъ пріѣхали ваши сестрицы, и вы уже

много перемѣнились ко мнѣ: вы забываете или не смѣете иногда исполнять того, что мнѣ обѣщали, вы менѣе проводите со мной времени, вы смущены, встревожены, вы даже не такъ ласковы ко мнѣ, какъ было прежде. Не оправдывайтесь, не запирайтесь, это было бы нечестно съ вашей стороны. Я знаю, что вы меня не разлюбили; но вы боитесь показывать мнѣ свою любовь, боитесь вашихъ сестеръ и потому смущаетесь и даже избѣгаете случаевъ оставаться со мной наединѣ. Это все совершенная правда, вы сами это знаете. Итакъ скажите, какую надежду могу я имѣть на твердость вашей любви? Да и что это за любовь, которая струсила и прячется отъ того, что невѣста ваша не нравится вашимъ сестрицамъ, о чемъ вы давно знаете? Что же будетъ, если я не понравлюсь вашимъ родителямъ и если они косо на меня посмотрятъ? Да вы разлюбите меня въ самомъ дѣлѣ! Нѣтъ, Алексѣй Степанычъ, благородные люди не такъ любятъ и не такъ поступаютъ. Зная, что меня терпѣть не могутъ ваши родные, вы должны были удвоить при нихъ ваше вниманіе, нѣжность и уваженіе ко мнѣ — тогда они не осмѣлились бы и рта разинуть; а вы допустили ихъ говорить вамъ въ глаза оскорбительныя слова. Я все знаю, что онѣ говорятъ вамъ. Я заключаю изъ всего этого, что любовь ваша пустое нѣжничанье, что на васъ нельзя положиться и что намъ лучше разстаться теперь, нежели быть несчастными на всю жизнь. Подумайте хорошенько о моихъ словахъ. Я даю вамъ два дня, чтобы ихъ обдумать. Продолжайте ѣздить къ намъ, но два дня я не буду видѣться съ вами наединѣ и не стану поминать объ этомъ разговорѣ: потомъ спрошу васъ по совѣсти, какъ честнаго человѣка: имѣете ли вы довольно твердости, чтобы быть моимъ защитникомъ противъ вашихъ родныхъ и всѣхъ, кто вздумалъ бы оскорблять меня? Можете ли вы заставить вашихъ сестеръ не обижать меня ни заочно, ни въ вашемъ присутствіи, ни однимъ словомъ, ни однимъ оскорбительнымъ

намекомъ? Хотя разрывъ за недѣлю до свадьбы для всякой благовоспитанной дѣвушки большое несчастіе, но лучше перенести его разомъ, нежели мучиться всю жизнь. Вы знаете, что я не влюблена въ васъ, но я начинала любить васъ и, конечно, полюбила бы сильнѣе и постояннѣе, чѣмъ вы. Прощайте! сегодня и завтра — мы чужіе". Алексѣй Степанычъ, давно заливавшійся слезами и нѣсколько разъ порывавшійся что то сказать, не успѣлъ разинуть рта, какъ невѣста ушла и заперла за собою дверь. Какъ громомъ пораженный, Алексѣй Степанычъ не вдругъ пришелъ въ себя. Наконецъ мысль потерять обожаемую Софью Николавну представилась ему съ поразительною ясностью, ужаснула его и вызвала то мужество, ту энергію, къ которой бываютъ способны на короткое время люди самаго слабаго, самаго кроткаго нрава. Онъ поспѣшно отправился домой, и когда его сестрицы, нисколько не сжалившись надъ огорченнымъ и разстроеннымъ видомъ братца, встрѣтили его обычными злобными шуточками, — Алексѣй Степанычъ пришелъ въ изступленіе и задалъ имъ такую выпалку, что онѣ перепугались. Человѣкъ добрый, тихій и терпѣливый бываетъ страшенъ въ гнѣвѣ. Алексѣй Степанычъ сказалъ, между прочимъ, своимъ сестрамъ, что „если онѣ осмѣлятся еще сказать при немъ хотя одно оскорбительное слово объ его невѣстѣ или насчетъ его самого, то онъ въ ту же минуту переѣдетъ на другую квартиру, не велитъ ихъ пускать ни къ себѣ, ни къ невѣстѣ и обо всемъ напишетъ къ батюшкѣ". Этого было довольно. Александра Степановна твердо помнила слова отца: „держи языкъ за зубами и другихъ у меня не мути". Она очень хорошо знала, какая грозная туча взмыла бы отъ жалобы братца и какихъ страшныхъ послѣдствій могла она ожидать. Обѣ сестры кинулись на шею Алексѣя Степаныча, просили прощенья, плакали, крестились и божились, что впредь этого никогда не будетъ, что онѣ сами смерть какъ любятъ Софью Николавну и что только изъ

жалости къ его здоровью, для того, чтобы онъ меньше хлопоталъ, онѣ позволяли себѣ такія глупыя шутки. Въ тотъ же день поѣхали онѣ къ Софьѣ Николавнѣ, лебезили передъ ней и ласкались самымъ униженнымъ образомъ. Она очень хорошо поняла, что это значитъ, и — торжествовала. Положеніе несчастнаго жениха было поистинѣ достойно сожалѣнія. Его любовь, нѣсколько успокоившаяся, пріутихшая отъ частыхъ свиданій и простого, ласковаго обращенія Софьи Николавны, отъ увѣренности въ близости свадьбы, нѣсколько запуганная и какъ будто пристыженная насмѣшками сестеръ, вспыхнула съ такою яростью, что въ настоящую минуту онъ былъ способенъ на всякое самоотверженіе, на всякій отчаянный поступокъ, пожалуй, на геройство. Все это ярко выражалось на его молодомъ и прекрасномъ лицѣ, и съ такимъ то лицомъ нѣсколько разъ являлся онъ передъ Софьей Николавной впродолженіе этихъ безконечныхъ двухъ дней. Тяжело было ей смотрѣть на него, но она имѣла твердость выдержать назначенный искусъ. Она сама не ожидала того сердечнаго волненія и тоскливой жалости, которыя испытала въ это время. Она почувствовала, что уже любитъ этого смиреннаго, простого молодого человѣка, безгранично ей праднаго, который не задумался бы прекратить свою жизнь, если бы она рѣшилась отказать ему!... Наконецъ прошли и эти долгіе два дня. На третій, рано поутру, Алексѣй Степанычъ дожидался своей невѣсты въ гостиной; тихо отворилась дверь, и явилась Софья Николавна прекраснѣе, очаровательнѣе, чѣмъ когда нибудь, съ легкою улыбкою и съ выраженіемъ въ глазахъ такого нѣжнаго чувства, что, взглянувъ на нее и увидя ласково протянутую руку, Алексѣй Степанычъ отъ избытка сильнаго чувства обезумѣлъ, на мгновеніе потерялъ употребленіе языка... но вдругъ опомнившись, не принимая руки, онъ упалъ къ ногамъ своей невѣсты, и потокъ горячаго сердечнаго краснорѣчія, сопровождаемый слезами, полился

изъ его груди. Софья Николавна не дала ему кончить, она подняла его, сказала ему, что она видитъ, чувствуетъ и раздѣляетъ любовь его, вѣритъ всѣмъ его обѣщаніямъ и безъ страха вручаетъ ему свою судьбу. Она приласкала его такъ, какъ никогда не ласкала, и сказала нѣсколько такихъ нѣжныхъ словъ, какихъ никогда не говорила...

Только пять дней оставалось до свадьбы. Всѣ приготовленія были совершенно кончены, и женихъ и невѣста, свободные отъ хлопотъ, почти не разставались. Уже пять мѣсяцевъ Софья Николавна была невѣстой Алексѣя Степаныча, и во все это время, вѣрная своему намѣренію перевоспитать своего жениха, невѣста не теряла ни одной удобной минуты и старалась своими разговорами сообщать ему тѣ нравственныя понятія, которыхъ у него недоставало, уяснять и развивать то, что онъ чувствовалъ и понималъ темно, безсознательно, и уничтожать такія мысли, которыя забрались ему въ голову отъ окружающихъ его людей; она даже заставляла его читать книги и потомъ, разговаривая съ нимъ о прочитанномъ, съ большимъ искусствомъ объясняла все, смутно или превратно понятое, утверждая все шаткое и примѣняя вымышленное къ дѣйствительной жизни. Но едва ли во всѣ эти пять хлопотливыхъ мѣсяцевъ успѣла Софья Николавна высказать такъ много новаго, какъ въ эти пять дней: по случаю же недавняго, сейчасъ мною разсказаннаго происшествія, поднявшаго, изощрившаго, такъ сказать, душу жениха, все было принято Алексѣемъ Степанычемъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Каковъ вообще былъ успѣхъ этого курса нравственной педагогики — я рѣшить на себя не беру. Трудно судить, до какой степени были справедливы мнѣнія обѣихъ особъ, о которыхъ я говорю, но онѣ впослѣдствіи согласно утверждали, ссылаясь на отзывъ постороннихъ людей, что въ Алексѣѣ Степанычѣ произошла великая перемѣна, что онъ точно переродился. Я охотно готовъ этому вѣрить; но имѣю доказательство, что въ

знаніи свѣтскихъ приличій успѣхи Алексѣя Степаныча были не такъ велики, Я знаю, что онъ разсердилъ свою невѣсту наканунѣ свадьбы, и что ея вспыльчивость произвела сильное и болѣзненное впечатлѣніе на кроткую его душу. Вотъ какъ это происходило: у Софьи Николавны сидѣли двѣ знакомыя уфимскія дамы; вдругъ входитъ лакей съ какимъ то бумажнымъ сверткомъ, подаетъ Софьѣ Николавнѣ и докладываетъ, что Алексѣй Степанычъ прислалъ это съ кучеромъ и приказалъ, „чтобы вы поскорѣе сдѣлали чепецъ для Александры Степановны“. Не предупрежденная ни однимъ словомъ жениха, который только за полчаса съ нею разстался, Софья Николавна вспыхнула отъ досады. Значительныя дамы, будто бы подумавшія сначала, что этотъ свертокъ — подарокъ отъ жениха, не хотѣли скрыть своихъ улыбокъ, и невѣста, не совладѣвъ съ собою, приказала отнести посылку назадъ и сказать Алексѣю Степанычу: „чтобы онъ обратился къ чепечницѣ, и, вѣрно, по ошибкѣ принесли къ ней эту работу“. Дѣло происходило весьма просто: женихъ, воротясь домой нашелъ свою сестру въ большомъ затрудненіи, потому что мастерица, которая взялась сдѣлать ей для свадьбы парадный чепчикъ, вдругъ захворала и прислала назадъ весь матеріалъ. Алексѣй Степанычъ, видѣвшій своими глазами, какъ искусно его невѣста дѣлала головные уборы, вызвался пособить сестриному горю и приказалъ Никаноркѣ отнесть къ Софьѣ Николавнѣ вышеупомянутый свертокъ и покорнѣйше просить ее, чтобы она сдѣлала чепчикъ для Александры Степановны. Никанорка не пошелъ самъ за недосугомъ и послалъ кучера, а кучеръ вмѣсто покорнѣйшей просьбы передалъ приказаніе. Алексѣй Степанычъ поспѣшилъ къ невѣстѣ для объясненія и взялъ съ собою опять тотъ же несчастный свертокъ. Софья Николавна, не простывшая еще отъ первой вспышки, увидя жениха, входящаго съ знакомымъ ей сверткомъ бумаги, вспылила еще больше и наговорила много лишнихъ, горячихъ и

оскорбительныхъ словъ. Женихъ смутился, растерялся, оправдывался очень плохо, но сердечно огорчился. Софья Николавна отослала матеріалъ для чепчика къ какой то извѣстной ей женщинѣ и, раскаявшись въ своей горячности, старалась ее поправить; но, къ удивленію своему, Алексѣй Степанычъ не могъ забыть оскорбленія, смѣшаннаго съ какимъ то страхомъ; онъ сдѣлался очень печаленъ, и напрасно старалась невѣста успокоить и развеселить его.

Наступило 10-ое мая 1788 года, день, назначенный для свадьбы. Женихъ пріѣхалъ къ невѣстѣ поутру, и Софья Николавна, уже встревоженная наканунѣ, къ огорченію своему увидѣла, что вчерашнее грустное выраженіе не сошло съ лица Алексѣя Степаныча. Она сама, въ свою очередь, огорчилась и даже оскорбилась. Она привыкла думать, что Алексѣй Степанычъ не будетъ помнить себя отъ радости въ тотъ день, когда поведетъ ее къ вѣнцу; а онъ является невеселымъ и даже грустнымъ! Она сказала это своему жениху и тѣмъ смутила его еще больше. Разумѣется, онъ старался увѣрить ее, что считаетъ себя блаженнѣйшемъ изъ смертныхъ и проч., но надутыя и пошлыя слова, произносимыя и прежде много разъ и выслушиваемыя съ удовольствіемъ, теперь, не проникнутыя смысломъ внутренняго одушевленія, непріятно отозвались въ слухѣ невѣсты. Черезъ нѣсколько времени они разстались съ тѣмъ, чтобы увидѣться уже въ церкви, гдѣ въ шесть часовъ вечера женихъ долженъ былъ ожидать невѣсту.

Страшное сомнѣніе возникло въ душѣ Софьи Николавны: будетъ ли счастлива она замужемъ? Много темныхъ пророческихъ мыслей пробѣжало въ ея пылкомъ умѣ. Она обвиняла себя за горячность, за рѣзкія выраженія; сознавалась, что причина была ничтожна, что она должна была предвидѣть множество подобныхъ промаховъ своего жениха и принимать ихъ спокойно. Они уже и случались не одинъ разъ, но тутъ несчастное стеченіе обстоятельствъ, присутствіе постороннихъ

дамъ, съ которыми она была въ непріязненныхъ отношеніяхъ, укололо ея самолюбіе и раздражило ея природную вспыльчивость. Она чувствовала, что испугала Алексѣя Степаныча, каялась въ своей винѣ и въ то же время сознавалась въ глубинѣ своей души, что способна провиниться опять. Тутъ снова представилась ей вся трудность взятаго на себя подвига: перевоспитаніе, пересозданіе уже двадцатисемилѣтняго человѣка. Цѣлая жизнь, долгая жизнь съ мужемъ неровней, котораго она при всей любви не можетъ вполнѣ уважать, безпрестанное столкновеніе совсѣмъ различныхъ понятій, противоположныхъ свойствъ, наконецъ, частое непониманіе другъ друга . . . и сомнѣніе въ успѣхѣ, сомнѣніе въ собственныхъ силахъ, въ спокойной твердости, столько чуждой ея праву, впервые представилось ей въ своей поразительной истинѣ и ужаснуло бѣдную дѣвушку! . . . Но что же дѣлать? Неужели разорвать свадьбу предъ самымъ вѣнцомъ, поразить своего умирающаго отца, привыкшаго къ успокоительной мысли, что его Сонечка будетъ счастлива за добрымъ человѣкомъ? Неужели потѣшить всѣхъ своихъ недоброжелателей, особенно значительныхъ дамъ? Сдѣлаться баснею, шуткою города и цѣлаго края, можетъ быть, подвергнуться клеветамъ? Наконецъ убить, въ настоящемъ значеніи слова убить, страстно любящаго ее жениха? и все это изъ одного опасенія, это у ней недостанетъ твердости къ выполненію давно обдуманнаго плана, который начиналъ уже блистательно осуществляться? „Нѣтъ, не бывать тому! Богъ поможетъ мнѣ, Смоленская Божія Матерь будетъ моей заступницей и подастъ мнѣ силы обуздать мой вспыльчивый нравъ“ . . . такъ думала и такъ рѣшила Софья Николавна. Слезы и молитва возвратили ей твердость.

Церковь Успенія Божіей Матери находилась очень близко отъ дома невѣсты и стояла тогда на пустырѣ. Задолго до шести часовъ она окружена была толпою любопытнаго народа.

Высокій крыльцъ Зубинскаго дома, выходившій на улицу, обставился экипажами тѣхъ особъ, которыя были приглашены провожать невѣсту; остальное общество съѣзжалось прямо въ церковь. Невѣсту одѣвали къ вѣнцу. Маленькій братъ, трехлѣтній Николенька, котораго рожденіе стоило жизни его матери, обувалъ Софью Николавну по принятому обычаю, разумѣется, съ помощью горничныхъ. Въ исходѣ шестого часа невѣста уже была готова и, принявъ благословеніе отца, вышла въ гостиную. Богатый подвѣнечный нарядъ придавалъ еще болѣе блеску ея красотѣ. Дорога отъ дома жениха въ церковь лежала мимо самыхъ оконъ гостиной, и Софья Николавна видѣла, какъ онъ проѣхалъ туда въ англійской Мурзахановской каретѣ на четверкѣ славныхъ доморощенныхъ лошадей: она даже улыбнулась и ласково кивнула головой Алексѣю Степанычу, который, высунувшись изъ кареты, глядѣлъ въ растворенныя окна дома. Проѣхали также сестры жениха, Алакаева и всѣ мужчины, провожавшіе его въ церковь. Невѣста не хотѣла, чтобы женихъ дожидался, и хотя ее останавливали, но она настояла, чтобы ѣхали немедленно. Софья Николавна спокойно и твердо вошла въ церковь; ласково и весело подала руку своему жениху, но смутилась, увидѣвъ на его лицѣ то же грустное выраженіе, и всѣ замѣтили, что женихъ и невѣста были невеселы подъ вѣнцомъ. Церковь была ярко освѣщена и полна народа; архіерейскіе пѣвчіе не щадили своихъ голосовъ. Свадьба во всѣхъ отношеніяхъ была парадна и великолѣпна. По окончаніи обряда сестры, весь поѣздъ съ обѣихъ сторонъ и также лучшая уфимская публика сопровождали молодыхъ въ домъ къ Николаю Ѳедоровичу. Тамъ немедленно начались и продолжались танцы до богатаго, но ранняго ужина. Всѣ гости, имѣвшіе право входить къ Николаю Ѳедоровичу въ кабинетъ, перебывали у него и поздравили со вступленіемъ въ бракъ его дочери. На другой и слѣдующіе дни происходило все то, что обыкновенно при

такихъ случаяхъ бываетъ, то есть, обѣдъ, балъ, визиты, опять обѣдъ и опять балъ: однимъ словомъ, все точно такъ, какъ водится и теперь, даже въ столицахъ.

Грустная тѣнь давно слетѣла съ лица молодыхъ. Они были совершенно счастливы. Добрые люди не могли смотрѣть на нихъ безъ удовольствія и часто повторялись слова: „какая прекрасная пара!“ Черезъ недѣлю молодые собирались ѣхать въ Багрово, куда сестры Алексѣя Степаныча уѣхали черезъ три дня послѣ свадьбы. Софья Николавна написала съ ними ласковое письмо къ старикамъ.

Сестры Алексѣя Степаныча, послѣ неожиданной вспышки братца, держали себя въ послѣднее время осторожно, не позволяли при немъ себѣ никакихъ намековъ, ужимокъ и улыбокъ, а передъ Софьей Николавной были даже искательны: но, разумѣется, этимъ нисколько ее не обманули; зато братецъ повѣрилъ отъ души ихъ искреннему расположенію къ невѣстѣ. На свадьбѣ и на праздникахъ послѣ свадьбы, разумѣется, онѣ играли жалкія роли, а потому поспѣшили уѣхать. Воротясь домой, то есть, къ Степану Михайловичу, онѣ рѣшились дѣйствовать осторожно и не показывать передъ старикомъ своей враждебности къ Софьѣ Николавнѣ, но зато Аринѣ Васильевнѣ и двумъ своимъ сестрамъ расписали онѣ такими красками свадьбу и все тамъ происходившее, что поселили въ нихъ сильное предубѣжденіе и неблагорасположеніе къ невѣсткѣ. Онѣ не забыли разсказать объ изступленномъ гнѣвѣ и угрозахъ Алексѣя Степаныча за ихъ выходки противъ Софьи Николавны, и всѣ уговорились держать себя съ нею при Степанѣ Михайловичѣ ласково и не говорить ему прямо дурного насчетъ невѣстки, но въ то же время не пропускать благопріятныхъ случаевъ, незамѣтно для старика, возстановлять его противъ ненавистной имъ Софьи Николавны. Поступать надобно было очень искусно. Не довѣряя этого дѣла другимъ, взяли его на себя Елизавета и Александра

Степановны. Дѣдушка подробно разспрашивалъ о свадьбѣ, о томъ, кого онѣ видѣли, о состояніи здоровья старика Зубина и вообще обо всемъ, тамъ происходившемъ. Онѣ все хвалили; но въ похвалахъ этихъ слышенъ былъ запахъ и вкусъ яда, и не удалось имъ провести Степана Михайловича. Онъ обратился такъ, ради шутки, а можетъ быть и для соображенія, къ Ивану Петровичу Каратаеву и спросилъ его: „Ну, что, братъ Иванъ, что ты мнѣ скажешь о нашей невѣстушкѣ? Ихъ дѣло бабье, а ты мужчина и лучше можешь судить объ этомъ“. Иванъ Петровичъ, несмотря на миганье своей супруги, отвѣчалъ съ увлеченіемъ: „Да вотъ что, батюшка, я вамъ скажу: что такой кралечки (безъ этого живописнаго слова онъ не умѣлъ похвалить красоту), какую подцѣпилъ братъ Алексѣй, другой не отыщешь въ цѣломъ свѣтѣ. Что взглянетъ, то рублемъ подаритъ. А ужъ что за умница, такъ ужъ и говорить нечего. Одно доложу вамъ, батюшка: горда; пошутить нельзя; только вздумаешь подпустить турусы на колесахъ — такъ взглянетъ, что языкъ прикусишь“. — „Вижу, братъ, что она тебѣ врать не позволяла,“ — сказалъ старикъ съ веселымъ лицомъ, разсмѣялся и прибавилъ: — „ну, это еще небольшая бѣда“. Степанъ Михайловичъ, по всѣмъ разсказамъ, по письмамъ Софьи Николавны и по отвѣту Ивана Петровича Каратаева составилъ въ своемъ умѣ весьма благопріятное мнѣніе о Софьѣ Николавнѣ.

Извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ молодыхъ произвело тревогу и суету въ тихомъ, слишкомъ простомъ домѣ деревенскихъ помѣщиковъ. Надобно было почиститься, пріодѣться, принарядиться. Невѣстка, городская модница, привыкла жить по барски, даромъ что бѣдная: осудитъ, осмѣетъ — такъ думали и говорили всѣ, кромѣ старика. Особыхъ и свободныхъ комнатъ въ домѣ не было, надобно было вывести Танюшу изъ ея горницы, выходившей угломъ въ садъ, на прозрачный Бугурусланъ съ его зелеными кустами и голосистыми

соловьями. Танюшѣ очень не хотѣлось перейти въ передбанникъ, но другого мѣста не было: всѣ сестры жили въ домѣ, а Каратаевъ и Ерлыкинъ спали на сѣнникѣ. За день до пріѣзда молодыхъ привезли кровать, штофный занавѣсъ, гардины; пріѣхалъ и человѣкъ, умѣющій все это уставить и приладить. Танюшину комнату отдѣлали въ нѣсколько часовъ. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ, полюбовался, а женщины кусали отъ зависти губы. Наконецъ прискакалъ передовой съ извѣстіемъ, что молодые остановились въ мордовской деревнѣ Нойкино, въ восьми верстахъ отъ Багрова, гдѣ они переодѣнутся и часа черезъ два пріѣдутъ. Все пришло въ движеніе. Хотя старикъ еще съ утра послалъ за священникомъ, но какъ онъ еще не пріѣзжалъ, то послали гонца верхомъ поторопить его. Между тѣмъ въ Нойкинѣ происходила также забавная суматоха. Молодые ѣхали на перемѣнныхъ по проселочной дорогѣ, и потому надобно было посылать передового для заготовленія лошадей отъ деревни до деревни. Въ Нойкинѣ всѣ знали Алексѣя Степановича еще дитятей, а Степана Михайловича считали отцомъ и благодѣтелемъ. Вся деревня отъ мала до велика, душъ 600 мужеска и женска пола, сбѣжалась къ той избѣ, гдѣ должны были остановиться молодые. Софья Николавна едва ли видала вблизи мордву, и потому одежда мордовокъ и необыкновенно рослыхъ и здоровыхъ дѣвокъ, ихъ вышитыя красною шерстью бѣлыя рубахи, ихъ черные шерстяные лояса или хвосты, грудь и спина, и головные уборы, обвѣшанные серебряными деньгами и колокольчиками, очень ее заняли. Но когда она услыхала простыя, глупыя, но искреннія восклицанія всей толпы на изломанномъ нѣсколько русскомъ языкѣ, то радостныя привѣтствія, то похвалы и добрыя желанія, — она и смѣялась, и даже плакала: „Ай, ай, Алеша, какой жена тебѣ Богъ давалъ! Ай, ай, хороша!“ — говорили старики и старухи. — „А отца наша, Степанъ Михайловычъ, то-то рада будетъ! Ну, дай

вамъ Богъ, дай Богъ!“ Когда же молодая, переодѣвшись въ пышное городское платье, вышла садиться въ карету, то въ народѣ поднялся такой гулъ восторга и радостныхъ похвалъ, что даже лошади перепугались. Молодые, подаривъ десять рублей на вино всему міру, отправились въ дорогу.

Позади господскаго гумна, стоящаго на высокой горѣ, показался высокій экипажъ. „Ѣдутъ, ѣдутъ!“ раздалось по всему дому, и вся дворня, а вскорѣ и всѣ крестьяне сбѣжались на широкій господскій дворъ, а молодежь и ребятишки побѣжали навстрѣчу. Старики Багровы со всѣмъ семействомъ вышли на крыльцо; Арина Васильевна въ шелковомъ шушунѣ и юбкѣ, въ шелковомъ гарнитуровомъ съ золотыми травочками платкѣ на головѣ, а Степанъ Михайловичъ въ какомъ то стародавнемъ сюртукѣ, выбритый и съ платкомъ на шеѣ, стояли на верхней ступенькѣ крыльца: одинъ держалъ образъ Знаменія Божьей Матери, а другая — каравай хлѣба съ серебряной солонкой. Золовки и два зятя стояли около нихъ. Экипажъ подкатилъ къ крыльцу, молодые вышли, упали старикамъ въ ноги, приняли ихъ благословеніе и расцѣловались съ ними и со всѣми ихъ окружающими: едва кончила молодая церемонію и обратилась опять къ свекру, какъ онъ схватилъ ее за руку, поглядѣлъ ей пристально въ глаза, изъ которыхъ катились слезы, самъ заплакалъ, крѣпко обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ: „Слава Богу! Пойдемъ же благодарить Его“. Онъ взялъ невѣстку за руку, провелъ въ залу сквозь тѣсную толпу, поставилъ возлѣ себя, — и священникъ, ожидавшій ихъ въ полномъ облаченіи, возгласилъ: „Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“.

Четвертый отрывокъ изъ Семейной хроники.

Молодые въ Багровѣ.

Послѣ молебна, за которымъ горячо молились свекоръ и невѣстка, всѣ приложились ко кресту; священникъ окропилъ молодыхъ и всѣхъ присутствующихъ святой водой: начались вновь цѣлованья и обычныя въ такихъ случаяхъ рѣчи: „Просимъ насъ полюбить, принять въ свое родственное расположеніе“ и проч. Разумѣется, это говорили тѣ, съ которыми молодая еще не была знакома. Степанъ Михайловичъ молчалъ; онъ только смотрѣлъ съ любовью въ заплаканные глаза и на пылающія щеки Софьи Николавны, внимательно слушалъ каждое ея слово и замѣчалъ каждое движеніе. Наконецъ взялъ невѣстку за руку, повелъ въ гостиную, сѣлъ на канапе и посадилъ возлѣ себя молодыхъ. Арина Васильевна помѣстилась на другомъ концѣ канапе, рядомъ съ сыномъ; кругомъ сѣли сестры съ мужьями. Надобно сказать, что Степанъ Михайловичъ никогда не сидѣлъ въ гостиной и входилъ въ нее только при самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ, и то на самое короткое время: въ цѣломъ домѣ онъ зналъ свою особую горницу и крылечко, весьма незатѣйливо сложенное изъ деревянныхъ брусьевъ и досокъ; онъ такъ привыкъ къ нимъ, что въ гостиной былъ какъ то не дома, и ему становилось неловко. Но на этотъ разъ онъ преодолѣлъ себя и повелъ ласковыя рѣчи съ Софьей Николавной: прежде всего разспросилъ о здоровьи любезнаго свата, Николая Ѳедоровича; искренно пожалѣлъ, узнавъ, что онъ слабѣетъ часъ

отъ часу, и прибавилъ, что „не станетъ долго задерживать въ Багровѣ дорогихъ своихъ гостей“. Нечего и говорить, что молодая не ходила за словомъ въ карманъ, и была не только вѣжлива, но предупредительна, даже искательна. Арина Васильевна, женщина отъ природы добродушная, подлаживалась къ своему супругу, какъ умѣла и насколько хватало у ней смѣлости не слушаться своихъ дочерей. Аксинья Степановна искренно полюбила невѣстку съ перваго взгляда и была съ ней ласкова; но прочія молчали, и нетрудно было угадать по ихъ взглядамъ, что происходило у нихъ въ душѣ. Черезъ полчаса молодая пошептала что то на ухо своему мужу, который поспѣшно всталъ и вышелъ въ приготовленную для нихъ спальню, находившуюся возлѣ гостиной. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ; но Софья Николавна заняла его такимъ воодушевленнымъ разговоромъ, что онъ развлекся и очень удивился, когда черезъ нѣсколько времени растворились обѣ половинки дверей въ спальню, и Алексѣй Степанычъ вошелъ, держа въ рукахъ огромный серебряный подносъ, нагруженный свадебными подарками, подъ тяжестью которыхъ подносъ даже гнулся. Софья Николавна встала съ живостью, взяла съ подноса и поднесла свекру кусокъ аглицкаго тончайшаго сукна и камзолъ изъ серебрянаго глазета, весь богато расшитый по картѣ [1]) золотою канителью, битью и блестками, прибавя, что все сработано ея собственными руками: это была совершенная правда. Степанъ Михайловичъ, хотя косился на стоящаго съ подносомъ сына, но принялъ подарки милостиво и поцѣловалъ невѣстку. Аринѣ Васильевнѣ былъ поднесенъ шелковый головной платокъ, сплошь затканный золотомъ, и цѣльная штука превосходной шелковой китайской матеріи, считавшейся и тогда рѣдкостью;

[1]) Шитье по картѣ значило, вѣроятно, значитъ и теперь, что узоры рисовались на картѣ, потомъ вырѣзывались, наклеивались на матерію и вышивались золотомъ.

золовкамъ — также по куску шелковой дорогой матеріи, а зятьямъ — по куску аглицкаго же сукна; разумѣется, подарки золовкамъ и зятьямъ были нѣсколько низшаго достоинства. Всѣ вставали, цѣловались, цѣловали ручки, кланялись и благодарили. Двери изъ залы трещали отъ напора любопытныхъ зрителей и зрительницъ, а изъ дверей спальни робко выглядывали однѣ масляныя головы деревенскихъ горничныхъ, потому что *избная* дворня не смѣла вломиться въ богато убранную комнату молодыхъ. Въ залѣ послышался шумъ: лакеи не могли выгнать посѣтителей, которые мѣшали имъ накрывать столъ. Степанъ Михайловичъ догадался, въ чемъ дѣло, всталъ, выглянулъ въ дверь и однимъ взглядомъ и тихо произнесеннымъ словомъ „вонъ“ . . . очистилъ залу.

Обѣдъ происходилъ обыкновеннымъ порядкомъ; молодые сидѣли рядомъ между свекромъ и свекровью; блюдъ было множество, одно другого жирнѣе, одно другого тяжелѣе; поваръ Степанъ не пожалѣлъ корицы, гвоздики, перцу и всего болѣе масла. Свекоръ ласково потчевалъ молодую, и молодая ѣла, творя молитву, чтобъ не умереть на другой день. Разговоровъ было мало, сколько оттого, что у всѣхъ были *рты на барщинѣ*, какъ говаривалъ Степанъ Михайловичъ, столько же и оттого, что говорить не умѣли, да и всѣ смущались, каждый по своему; къ тому же Ерлыкинъ въ трезвомъ состояніи, когда онъ пилъ только одну воду, былъ крайне скупъ на слова, за что и считался отмѣнно умнымъ человѣкомъ; Каратаевъ же безъ спроса не смѣлъ разинуть рта при Степанѣ Михайловичѣ и ограничивался только повтореніемъ послѣднихъ словъ, какъ напримѣръ: „сѣнокосъ былъ бы хорошъ, если-бъ не захватило ненастье“. — „Если бы не захватило ненастье“, повторялъ Каратаевъ. „Рожь сильно цвѣла, да неожиданно хватилъ морозъ“. — „Неожиданно хватилъ морозъ“, подхватывалъ Каратаевъ, и т. д. Такія подхватыванья случались иногда невпопадъ. Старики не догадались запастись

въ Уфѣ шипучимъ виномъ и здоровье новобрачныхъ пили трехлѣтней, на три ягоды налитой клубниковкой, густой, какъ масло, разливающей вокругъ себя чудный запахъ полевой клубники. Ванька Мазанъ, обутый въ сапоги, вонявшіе дегтемъ, въ сюртукѣ, сидѣвшемъ на немъ, какъ рогожный куль на медвѣдѣ, подавалъ всѣмъ одинъ бокалъ съ бѣлыми узорами и синеватою струйкой, которая извивалась внутри стеклянной ножки. Когда пришлось молодымъ благодарить за поздравленіе, Софьѣ Николавнѣ, конечно, было непріятно, пить изъ бокала, только что вышедшаго изъ жирныхъ губъ Каратаева; но она не поморщилась и хотѣла даже выпить цѣлый бокалъ. Свекорь остановилъ ее и сказалъ: „Не кушай всего, милая невѣстынька; головка заболитъ, наливка вкусна и сладка, но крѣпка: ты къ этому непривычна“. Софья Николавна увѣряла, что такое чудесное питье не можетъ быть вредно, и просила позволенія еще прихлебнуть немножко, и свекоръ изъ своихъ рукъ далъ ей выпить одинъ глотокъ.

Для всей семьи было ясно, что Степанъ Михайловичъ доволенъ невѣсткой и что всѣ ея рѣчи ему нравились. Видѣла это и сама Софья Николавна, хотя и замѣтила съ удивленіемъ, что два раза свекоръ на минуту былъ чѣмъ то недоволенъ. Впродолженіе стола не одинъ разъ она встрѣчала его выразительный взглядъ, привѣтливо на нее устремленный. Наконецъ кончился долгій и утомительный, впрочемъ для одной Софьи Николавны, деревенскій праздничный обѣдъ, который старалась она оживить, по возможности, веселыми разговорами. Встали изъ за стола; сынъ и дочери поцѣловали у отца руку, что хотѣла было сдѣлать и Софья Николавна, но старикъ не далъ руки, обнялъ и расцѣловалъ свою невѣстку. Это недаванье руки случилось уже въ другой разъ, и, слѣдуя пылкой своей природѣ, Софья Николавна съ живостью и нѣжностью сказала: „Отчего же, батюшка, вы не даете мнѣ руки? Я также ваша дочь и также съ любовью

и почтеніемъ желаю поцѣловать вашу руку". Пристально и какъ то глубоко посмотрѣлъ старикъ на свою невѣстку и ласково отвѣчалъ: „Любить то я тебя люблю; но только роднымъ дѣтямъ надо цѣловать руку у отца. Вѣдь я не попъ".

Опять пошли въ гостиную и разсѣлись попрежнему. Аксютка принесла *кофь*[1]), котораго старикъ не пилъ, который подавался въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ и до котораго вся семья была очень лакома. Послѣ кофе Степанъ Михайловичъ всталъ и, сказавъ: „Теперь надо хорошенько уснуть, да и молодымъ съ дороги тоже бы отдохнуть не мѣшало", пошелъ въ свою горницу, куда проводили его сынъ и невѣстка. „Вотъ мой уголъ, невѣстынька," — весело сказалъ старикъ; — „садись, такъ будешь гостья. Я только для перваго разу посидѣлъ со всѣми вами въ гостиной, да еще въ этомъ хомутѣ (онъ указалъ на галстукъ). Алеша это знаетъ; теперь же, если кто хочетъ со мной сидѣть, такъ милости прошу ко мнѣ". Онъ поцѣловалъ невѣстку, далъ поцѣловать руку сыну и отпустилъ ихъ, а самъ раздѣлся и легъ успокоиться отъ необыкновенныхъ своихъ тѣлесныхъ подвиговъ и душевнаго движенья. Крѣпкій сонъ не замедлилъ овладѣть имъ, и скоро раздался здоровый храпъ, отъ котораго мѣрно шевелился пологъ, опущенный Мазаномъ на стараго барина.

Примѣру хозяина послѣдовали и другіе. Зятья, по лицамъ которыхъ не трудно было догадаться, что они хорошо покушали, а Каратаевъ даже и выпилъ, отправились спать на сѣнникъ въ конюшню. Дочери собрались въ горницу къ матери, которая спала особо отъ старика; тамъ начались такія шептанія и шушуканья, суды и пересуды, что никто изъ нихъ въ этотъ день и спать не ложился. Досталось на орѣхи бѣдной Софьѣ Николавнѣ! Расцыганили ее золовушки! Очевидная благосклонность свекра къ невѣсткѣ выводила изъ

---

1) Такъ произносилось это слово въ семействѣ Багровыхъ.

себя озлобленную семью. Нашлась, однако, одна добрая душа, вдова Аксинья Степановна, по второму мужу Нагаткина, которая заступилась за Софью Николаевну; но на нее такъ прогнѣвались, что выгнали изъ комнаты и окончательно исключили изъ семейнаго совѣта; и тутъ же получила она, вдобавокъ къ прежнему прозвищу „простоты сердечной“, новое оскорбительное прозвище, которое и сохранилось при ней до глубокой старости; но добрая душа осталась, однако, навсегда благорасположенною къ невѣсткѣ и гонимою за то въ семьѣ.

Молодые отправились въ свою парадно убранную спальню. Софья Николавна, съ помощью горничной своей дѣдушки, черномазой и бойкой Параши, разобрала дорожные сундуки и баулы, которыхъ было необыкновенно много въ англійской мурзахановской каретѣ. Параша знала уже наперечетъ всю дворню, всѣхъ старухъ и стариковъ въ крестьянахъ, которыхъ особенно слѣдовало подарить, и Софья Николавна, привезшая съ собой богатый запасъ разныхъ мелкихъ вещей, всѣмъ назначила подарки, располагая ихъ по лѣтамъ, заслугамъ и почету, которымъ пользовались эти люди у своихъ господъ. Молодые супруги не чувствовали усталости и надобности отдохнуть. Софья Николавна переодѣлась въ другое платье, менѣе пышное и, оставя Парашу окончательно раскладываться и устраиваться въ спальнѣ, пошла, несмотря на жаръ, гулять съ молодымъ своимъ мужемъ, которому очень хотѣлось показать ей свои любимыя мѣста: березовую рощу, островъ, обсаженный только что распустившимися липами, и прозрачныя воды огибающей его рѣки. И какъ хорошо было тамъ въ эту пору, когда свѣжесть весны соединяется съ лѣтнею теплотою! Алексѣй Степанычъ, страстно любящій, еще не привыкшій къ счастію быть мужемъ обожаемой женщины, былъ какъ то непріятно изумленъ, что Софья Николавна не восхитилась ни рощей, ни островомъ, даже мало обратила на нихъ вниманія и, усѣвшись въ тѣни на берегу быстро теку-

щей рѣки, поспѣшила заговорить съ мужемъ объ его семействѣ, о томъ, какъ ихъ встрѣтили, какъ полюбила она свекра, какъ съ перваго взгляда замѣтила, что она ему понравилась, но, можетъ быть, и матушкѣ свекрови также бы она понравилась, но что Арина Васильевна какъ будто не смѣла приласкать ее, что всѣхъ добрѣе кажется Аксинья Степановна, но что и она чего то опасается . . . „Я все вижу и понимаю,“ — прибавила она: — „вижу я, откуда сыръ боръ горитъ. Я не пропустила ни одного слова, ни одного взгляда; вижу, чего я должна ожидать. Богъ судья твоимъ сестрамъ, Елисаветѣ и Александрѣ Степановнѣ“ . . . Но разсѣянно слушалъ Алексѣй Степанычъ; освѣжительная тѣнь, зелень наклонившихся вѣтвей надъ рѣкою, тихій ропотъ бѣгущей воды, рыба, мелькавшая въ ней, наконецъ, обожаемая Софья Николавна, его жена, сидящая подлѣ и обнявшая его одной рукой . . . Боже мой, да развѣ тутъ можно что нибудь замѣчать, кого нибудь обвинять, чѣмъ нибудь быть недовольнымъ? Да тутъ нельзя слышать и понять, что услышишь, — и Алексѣй Степанычъ рѣшительно не слыхалъ и не понялъ, что говорила его молодая жена; ему было такъ хорошо, такъ сладко, что одно только забвеніе всего окружающаго и молчаніе могло служить полнымъ выраженіемъ его упоительнаго блаженства. Софья Николавна продолжала говорить, говорила много, съ жаромъ, съ чувствомъ — и, наконецъ, замѣтила, что мужъ ея не слушаетъ, чуть ли не дремлетъ. Она быстро встала, и тутъ послѣдовало одно изъ тѣхъ явленій, тѣхъ столкновеній взаимнаго непониманія другъ друга, которое хотя и проглядывало уже не одинъ разъ, но такъ ярко еще никогда не обозначалось. Все было высказано вновь, и въ потокѣ горячихъ рѣчей вырвались слезы и упреки въ невниманіи и равнодушіи. Изумленный, даже встревоженный Алексѣй Степанычъ, какъ будто упавшій съ неба, какъ будто разбуженный отъ сладкаго сна, думая успокоить жену, увѣрялъ съ совершен-

ною искренностью, что все прекрасно и все безподобно, что это все ея одно воображеніе, что ее всѣ любятъ, и что развѣ можетъ кто нибудь ее не любить? . . . Несмотря на простоту и ясность чистосердечнаго убѣжденія, на безграничную любовь, которая выражалась въ глазахъ, въ лицѣ и въ голосѣ Алексѣя Степаныча, Софья Николавна при всемъ ея умѣ и живой чувствительности не поняла своего мужа и въ его словахъ нашла новое доказательство того же равнодушія, того же невниманія. Объясненія и толкованія продолжались съ возрастающимъ жаромъ, и не знаю, до чего бы дошли, если-бъ Алексѣй Степанычъ, издали увидя бѣгущую къ нимъ по высокимъ мосткамъ горничную дѣвушку сестры Татьяны Степановны и догадавшись, что батюшка проснулся, и что ихъ ищутъ, не сообщилъ поспѣшно своихъ опасеній Софьѣ Николавнѣ, которая въ одну минуту очнулась, овладѣла собой и, схвативъ мужа за руку, поспѣшила съ нимъ домой; но невесело шелъ за ней Алексѣй Степанычъ.

Въ Багровѣ заранѣе были сдѣланы распоряженія, чтобы въ день пріѣзда молодыхъ угостить дворню, всѣхъ своихъ и даже сосѣднихъ крестьянъ, если кто захочетъ прійти или пріѣхать. Заранѣе сварили нѣсколько *печей* корчажнаго пива, *насидѣли* десятокъ другой ведеръ крѣпкаго домашняго вина и приготовили всякой нужной посудины. Ложась отдохнуть послѣ обѣда, Степанъ Михайловичъ спросилъ: „А что, нойкинскихъ и кивацкихъ много?“ и Мазанъ отвѣчалъ, что всѣ здѣсь: и старики, и старухи, и ребятишки. Степанъ Михайловичъ улыбнулся и сказалъ: „Ну, такъ мы ихъ угостимъ. Скажи же ключницѣ Ѳедосьѣ и ключнику Петру, чтобъ все было готово“. Степанъ Михайловичъ спалъ недолго, но проснулся еще веселѣе, чѣмъ легъ. Первое слово его было: „Все ли готово?“ Отвѣчали, что давно готово. Старикъ поспѣшно одѣлся, ужъ не въ парадный сюртукъ, а въ свой любимый халатъ изъ тонкой армячины, и вышелъ на кры-

лечко, чтобъ лично распорядиться угощеніемъ. На широкомъ зеленомъ дворѣ, не отгороженномъ отъ улицы, были утверждены на подставкахъ доски, на которыхъ стояли лагуны съ пивомъ, боченки съ виномъ и лежали грудами для закуски разрѣзанные надвое пироги. Пирогами назывались и теперь называются въ Оренбургской губерніи небольшіе продолговатые хлѣбные каравai изъ пшеничной муки. Кучка дворовыхъ стояла особо и ближе всѣхъ; подальше находилась большая толпа крестьянъ и крестьянокъ, а еще подалѣ — уже огромная толпа мордвы обоего пола. Степанъ Михайловичъ окинулъ все бѣглымъ взглядомъ, увидѣлъ, что все въ порядкѣ, и воротился на свое крылечко. Только что хотѣлъ онъ спросить у своей семьи, которая вся уже собралась: а гдѣ же молодые? — какъ явилась Софья Николавна съ Алексѣемъ Степанычемъ. Свекоръ встрѣтилъ невѣстку еще ласковѣе и обошелся съ нею уже такъ просто, какъ съ дочерью. „Ну, Алеша,“ — сказалъ онъ, — „бери жену за руку и веди ее поздороваться съ дворовыми и крестьянами: вѣдь всѣ хотятъ видѣть и поцѣловать ручку у своей молодой барыни... Пойдемте!“ Онъ пошелъ впередъ; за нимъ слѣдовалъ Алексѣй Степанычъ съ женою, рука въ руку: въ нѣкоторомъ отдаленіи шла Арина Васильевна съ дочерьми и зятьями. Съ трудомъ удерживали свою досаду золовки (исключая Аксиньи Степановны). Возрастающія ласки Степана Михайловича, торжественное вступленіе ненавистной Софьи Николавны въ званіе молодой хозяйки, ея красота и щегольской нарядъ, ловкость, бойкость ея языка, почтительная и увлекательная ласковость къ свекору, — все это раздражало, язвило ихъ завистливыя души. Онѣ вдругъ почуствовали свое паденіе въ домѣ отца. „Объ насъ ужъ что говорить, мы ужъ отрѣзанные ломти,“ — шептала Александра Степановна, — „а вотъ на Танюшу не могу смотрѣть безъ слезъ. Что она теперь въ домѣ? Холопка Софьи Николавны; да и васъ, матушка, теперь никто почи-

тать не станетъ. Всѣ будутъ смотрѣть изъ ея рукъ“ . . . Голосъ ея дрожалъ, и слезы навертывались на круглыхъ вертящихся глазахъ. Между тѣмъ, подошелъ къ дворовымъ Степанъ Михайловичъ, подозвалъ и своихъ крестьянъ, говоря: „Что же вы не вмѣстѣ стоите? Развѣ вы не одной матки дѣтки? Ну, вотъ вамъ,“ — продолжалъ онъ, — „молодая госпожа, а молодого барина вы давно знаете; служите имъ, когда придетъ время, такъ же вѣрно и усердно, какъ намъ съ Ариной Васильевной; а они будутъ васъ за то любить да жаловать“. Всѣ поклонились въ ноги. Молодая была изумлена, не знала, куда дѣваться и что начать: она не привыкла къ такимъ явленіямъ. Видя ея смущеніе, свекоръ сказалъ: „Ничего! поклониться — голова не отвалится. Ну, цѣлуйте же у молодой барыни ручку, да и погуляйте за ея здоровье“. Всѣ встали и начали подходить къ Софьѣ Николавнѣ. Она оглянулась: ловкая Параша и приданый лакей Ѳедоръ стояли въ сторонѣ съ подарками. По знаку госпожи своей, они проворно подали ей цѣлый узелъ и ящикъ съ разными вещами. Еще не привыкшая протягивать ручку для поцѣлуевъ и въ то же время стоять неподвижно, какъ статуя, — Софья Николавна принялась было сама цѣловаться со всѣми, что повторялось при полученіи изъ рукъ ея подарка; но Степанъ Михайловичъ вмѣшался въ дѣло: онъ смекнулъ, что эдакъ придется ему не пить чаю до ужина. „Гдѣ же тебѣ, невѣстынька, перецѣловать всѣхъ, да еще по два раза?“ — сказалъ онъ: — „ихъ много; вотъ со стариками, со старухами — другое дѣло, а съ тѣхъ будетъ и ручки“. Несмотря, однако, на облегченіе и ускореніе этой довольно скучной и тягостной церемоніи, она продолжалась очень долго. Степанъ Михайловичъ по живости своей самъ иногда задерживалъ ходъ дѣла, называя нѣкоторыхъ дворовыхъ и крестьянъ по именамъ и сопровождая эти имена одобрительными отзывами. Многіе старики или старухи говорили простыя слова усердія

и любви, иные даже плакали, и всѣ вообще смотрѣли на молодую радостно и привѣтно. Софья Николавна была глубоко потрясена. „За что эти добрые люди готовы полюбить меня, а нѣкоторые уже любятъ?“ — думала она: — „чѣмъ я заслужила ихъ любовь?“ . . . Наконецъ, когда всѣ, отъ стараго до малаго, перецѣловали ручку у молодой барыни, и нѣкоторые были перецѣлованы ею, когда всѣ получили щедрые подарки, Степанъ Михайловичъ взялъ за руку Софью Николавну и подошелъ съ ней къ толпѣ мордвы. „Здорово, сосѣди!“ — сказалъ онъ весело и привѣтливо. — „Спасибо, что пріѣхали. Вотъ вамъ молодая сосѣдка. Полюбите ее. Милости просимъ и васъ вышить и закусить, чѣмъ Богъ послалъ“. Радостныя и шумныя восклицанія понеслись изъ толпы. „Ай, спасибо, спасибо, Степанъ Михайловичъ! Слава Богъ! какой Онъ жена то давалъ твой Лексѣй! Ай, ай, хорошъ! За то, Степанъ Михайловичъ, что ты больно добрый человѣкъ!“

Началась покойка. Степанъ Михайловичъ съ молодыми и со всей своей семьей поспѣшилъ къ любимому своему крылечку. Онъ чувствовалъ, что давно прошла пора для вечерняго чая, который неизмѣнно подавался въ шесть часовъ, а теперь было давно семь. Уже длинная тѣнь отъ дома покосилась на югъ и легла своими краями на кладовую и конюшню; давно на большомъ столѣ, у самаго крыльца, кипѣлъ самоваръ и дожидалась Аксютка. Всѣ разсѣлись вокругъ стола, но Степанъ Михайловичъ не разстался со своимъ крылечкомъ и сѣлъ на любимомъ своимъ мѣстѣ, подостлавъ подъ себя неизмѣнный войлочный потникъ. Вечерній чай разливала Танюша, и Аксютка только ей прислуживала. Софья Николавна попросила позволенія у свекра сѣсть возлѣ него на крылечкѣ, на что старикъ съ видимымъ удовольствіемъ согласился. Невѣстка проворно выскочила изъ за стола и, съ недопитой своей чашкой чая, въ одну минуту очутилась уже подлѣ свекра.

Онъ приласкалъ ее и, заботясь, чтобъ она не вымарала платья, приказалъ и ей постлать войлокъ. У нихъ пошелъ живой и веселый разговоръ; а за чайнымъ столомъ злобно переглядывалась и даже перешептывалась семья, несмотря на присутствіе молодого мужа; онъ не могъ этого не замѣтить, и ему, и безъ того не веселому, становилось какъ то грустно и неловко. Вдругъ раздался громкій голосъ старика: „Ступай къ намъ, Алеша, у насъ веселѣе“. Алеша встрепенулся, пересѣлъ къ отцу и какъ будто сталъ повеселѣе. Послѣ чая, оставшись на тѣхъ же мѣстахъ, продолжали разговаривать до ужина, который также былъ поданъ позже обыкновеннаго, т. е. послѣ 9-ти часовъ. Во все это время звучныя пѣсни и веселый смѣхъ подгулявшаго народа далеко оглашали постепенно темнѣвшую окрестность. Послѣ ужина сейчасъ разошлись по своимъ мѣстамъ или *по своимъ норамъ*, какъ говорилъ Степанъ Михайловичъ. Прощаясь, невѣстка попросила свекра благословить и перекрестить ее на сонъ глядущій, и свекоръ охотно перекрестилъ ее и поцѣловалъ съ отеческимъ чувствомъ.

Свекровь и старшая золовка Нагаткина сопровождали молодыхъ въ спальню и нѣсколько минутъ посидѣли у нихъ. Алексѣй Степанычъ, въ свою очередь, пошелъ проводить мать и сестру. Софья Николавна поспѣшно отпустила свою горничную и сѣла у одного изъ растворенныхъ оконъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, густо обросшей вербой и тальникомъ. Ночь была великолѣпна; заря какъ будто не гасла, медленно готовясь перейти изъ вечерней въ утреннюю. Свѣжесть отъ воды и запахъ молодыхъ древесныхъ листьевъ вмѣстѣ въ раскатами и свистами соловьевъ неслись въ растворенныя окна. Но о другомъ думала Софья Николавна. Какъ умная женщина, знавшая напередъ, что ожидало ее въ семействѣ мужа, она, конечно, заранѣе составила планъ своихъ дѣйствій. Не выѣзжая никогда изъ города, она не имѣла никакого понятія о

жизни деревенскихъ небогатыхъ помѣщиковъ, разсѣянныхъ по разнымъ захолустьямъ обширнаго края. Она, конечно, не представляла себѣ ничего пріятнаго, но дѣйствительность была гораздо хуже. Все ей не нравилось, все было противно: и домъ, и садъ, и роща, и островъ. Она привыкла любоваться великолѣпными видами съ нагорнаго берега рѣки Бѣлой въ окрестностяхъ Уфы, а потому деревушка въ долинѣ, съ бревенчатымъ, потемнѣвшимъ отъ времени и ненастья домомъ, съ прудомъ, окруженнымъ болотами, и съ вѣчнымъ стукомъ толчеи, показались ей даже отвратительными. Люди также не могли ей понравиться, начиная съ семьи до крестьянскихъ ребятишекъ, кромѣ Степана Михайловича. Если-бъ не было его, она пришла бы въ отчаянье. Она составила себѣ о немъ предварительно выгодное понятіе: грубоватая наружность свекра съ перваго взгляда испугала ее, но скоро она прочла въ его разумныхъ глазахъ и добродушной улыбкѣ, услыхала въ голосѣ, что у этого старика много чувства, что онъ сердечно расположенъ къ ней, что онъ готовъ полюбить, что онъ полюбитъ ее. Зная и прежде, что у него вся надежда на свекра, она тогда же приняла твердое намѣреніе непремѣнно снискать его любовь: но теперь она сама его полюбила, и расчетъ ума соединился съ сердечнымъ влеченіемъ. Въ этомъ отношеніи Софья Николавна была довольна собой: она сама видѣла, что шла быстро къ цѣли, и смущало ее только то, что она въ горячности оскорбила своего добраго мужа: она нетерпѣливо ждала его, но онъ, какъ нарочно, не возвращался. Софья Николавна давно бы побѣжала отыскать его, если бы знала, гдѣ найти . . . Такъ ей хотѣлось броситься къ нему на шею, заплакать, сказать: „прости меня“ и потокомъ горячихъ ласкъ и словъ уничтожить въ душѣ его послѣднюю тѣнь неудовольствія . . . Но Алексѣй Степанычъ не возвращался. Благодатныя мгновенія раскаянья, восторженной любви, желанья исправить свою вину — проходили даромъ. Порывъ не можетъ

продолжаться долго, и черезъ нѣсколько минутъ Софьѣ Николавнѣ стало страшно, а потомъ и досадно, что такъ долго не возвращался ея мужъ. Наконецъ онъ пришелъ, нѣсколько разстроенный, смущенный, и вмѣсто того, чтобъ броситься къ нему на шею и сказать: „прости меня“, Софья Николавна взволнованнымъ и нѣсколько раздраженнымъ голосомъ спросила Алексѣя Степаныча, едва переступившаго порогъ: „Помилуй, гдѣ ты былъ? Отчего ты бросилъ меня одну? Я измучилась, дожидаясь тебя битыхъ два часа“. — „Я посидѣлъ у матушки съ сестрами какихъ нибудь четверть часа“, отвѣчалъ тихо и печально Алексѣй Степанычъ. „И онѣ успѣли тебѣ нажаловаться, выдумали, наклеветали на меня, и ты имъ повѣрилъ. Отчего ты такъ огорченъ, такъ печаленъ?“ На лицѣ Софьи Николавны выразилось сильное волненіе, и прекрасные глаза наполнились слезами. Молодой мужъ встревожился и даже испугался (слезы начинали пугать его). „Сонечка,“ — сказалъ онъ, — „успокойся: никто на тебя не жаловался, да и за что! ты ни передъ кѣмъ не виновата“. Алексѣй Степанычъ сказалъ не совсѣмъ правду. Открыто никто не жаловался, прямо никто не обвинялъ; но обиняками и намеками дали ему почувствовать, что жена его безсовѣстно ластится къ одному свекру для того, чтобы наплевать на всю остальную семью, что хитрости ея понимаютъ, и пойметъ со временемъ и самъ Алексѣй Степанычъ, когда очутится ея холопомъ. Алексѣй Степанычъ не повѣрилъ такимъ намекамъ; но грустное состояніе, въ которомъ онъ находился послѣ разговоровъ на островѣ, какъ то усилилось и легло свинцомъ на его доброе сердце. Онъ сказалъ только два слова Аринѣ Васильевнѣ: „Напрасно, матушка!“ и поспѣшно ушелъ; но не вдругъ воротился въ спальню, а нѣсколько времени походилъ одинъ по залѣ, уже пустой, темной, посмотрѣлъ въ отворенныя семь оконъ на спящую во мракѣ грачевую рощу, на темнѣвшую вдали урему, поприще его дѣтскихъ забавъ и охотъ, вслушался

въ шумъ мельницы, въ соловьиные свисты, въ крики ночныхъ птицъ . . . Легче стало у него на сердцѣ, и пошелъ онъ въ спальню, никакъ не воображая встрѣчи, которая его ожидала. Софья Николавна скоро одумалась, вновь раскаянье заговорило въ ней, хотя уже не съ прежней силой; она перемѣнила тонъ, съ искреннимъ чувствомъ любви и сожалѣнія она обратилась къ мужу, ласкала его, просила прощенья, съ неподдѣльнымъ жаромъ говорила о томъ, какъ она счастлива, видя любовь къ себѣ въ батюшкѣ Степанѣ Михайловичѣ, умоляла быть съ ней совершенно откровеннымъ, краснорѣчиво доказала необходимость откровенности, — и мягкое сердце мужа разнѣжилось, успокоилось, и высказалъ онъ ей все, чего рѣшился было ни подъ какимъ видомъ не сказывать, не желая ссорить жену съ семьей. Успокоившись, онъ легъ и сейчасъ заснулъ; но Софья Николавна долго не спала и думала свою крѣпкую думу. Наконецъ, вспомнивъ, что ей надо рано встать, что она имѣла намѣреніе прійти къ своему свекру на его крылечко вмѣстѣ съ восходомъ солнышка, задолго до прихода семьи, чтобъ утѣшить старика и высказаться на просторѣ, — она постаралась заснуть и хотя не скоро, хоть съ большимъ усиліемъ, но заснула.

Съ первыми лучами солнца проснулась Софья Николавна. Немного спала она, но встала бодрою и живою. Проворно одѣлась, поцѣловала мужа, сказала ему, что идетъ къ батюшкѣ, что онъ можетъ еще уснуть часъ-другой, и поспѣшила къ свекру. Степанъ Михайловичъ проспалъ долѣе обыкновеннаго и только что умылся и вышелъ на крылечко. Утро, праздничное, великолѣпное майское утро, со всею прелестью полной весны, съ ея свѣжестью и роскошью тепла, съ хоромъ радостныхъ голосовъ всей живущей твари, съ утренними, длинными тѣнями, гдѣ таилась еще и прохлада, и влажность, убѣгающія отъ солнечныхъ, торжествующихъ лучей, — обхватило Софью Николавну и подѣйствовало на нее живительно, хотя

она не привыкла сочувствовать красотамъ деревенской природы. Появленіе невѣстки удивило свекра и обрадовало. Ея свѣжее лицо, блестящіе глаза, уборъ волосъ и щегольское утреннее платье не показывало, чтобы невѣстку разбудили, чтобы она вскочила со сна и, не выспавшись, не прибравшись, неряхой прибѣжала къ своему свекру. Степанъ Михайловичъ любилъ живыхъ, бодрыхъ и умныхъ людей; все это находилъ онъ въ Софьѣ Николавнѣ, и все это очень ему нравилось. „Что это ты такъ рано вскочила?“ — весело сказалъ онъ, обнимая невѣстку: — „Вѣдь ты не выспалась! Вѣдь ты не привыкла рано вставать! Вѣдь головка будетъ болѣть!“ — „Нѣтъ, батюшка,“ — отвѣчала Софья Николавна, обнимая старика съ искренней нѣжностью, — „я привыкла рано вставать; съ самаго дѣтства у меня было много дѣла и много заботъ. Цѣлая семья и больной отецъ были у меня на рукахъ. Послѣднее время я избаловалась, стала позднѣе вставать. Но сегодня я проснулась рано; Алексѣй мнѣ сказалъ (старикъ поморщился), что вы уже давно встали, и я пришла къ вамъ въ надеждѣ, что вы меня не прогоните и позволите мнѣ напоить васъ чаемъ“. Въ этихъ обыкновенныхъ словахъ было такъ много внутренняго чувства, такъ они были сказаны отъ души, что старикъ былъ растроганъ, поцѣловалъ Софью Николавну въ лобъ и сказалъ: „Ну, если такъ, то спасибо, милая невѣстынька. Мы поговоримъ, поболтаемъ съ тобой на просторѣ, и ты напоишь меня чаемъ“. Аксютка ставила уже самоваръ на столъ. Степанъ Михайловичъ не приказалъ никого будить, и Софья Николавна начала распоряжаться чаемъ. Все она дѣлала проворно, ловко, какъ будто цѣлый вѣкъ ничего другого не дѣлала. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ старикъ на эту прекрасную молодую женщину, не похожую на все его окружающее, у которой дѣло такъ и кипѣло въ рукахъ. Чай былъ сдѣланъ крѣпкій, точно такъ, какъ онъ любилъ, то есть: чайникъ, накрытый салфеткой, былъ поставленъ на самоваръ,

чашка налита полнехонько наравнѣ съ краями, и Софья Николавна подала ее, не проливъ ни одной капли на блюдечко; ароматный напитокъ былъ такъ горячъ, что жегъ губы. „Да ты колдунья,“ — съ пріятнымъ изумленіемъ сказалъ старикъ, принявъ чашку и отвѣдавъ чай: — „ты знаешь всѣ мои причуды; ну, если ты будешь такъ угождать мужу, то хорошо ему будетъ жить“. Старикъ обыкновенно пилъ чай одинъ, и когда самъ накушивался, тогда начинала пить семья; но тутъ, принявъ вторую чашку, приказалъ невѣсткѣ, чтобъ она налила чашечку себѣ, сѣла подлѣ него и вмѣстѣ съ нимъ кушала чай. „Никогда не пивалъ больше двухъ, а теперь выпью третью,“ — сказалъ онъ самымъ ласковымъ голосомъ: — „какъ то чай кажется лучше“. Въ самомъ дѣлѣ, Софья Николавна все дѣлала съ такимъ удовольствіемъ, что оно просвѣчивалось на ея выразительномъ лицѣ и не могло не сообщиться воспріимчивой природѣ Степана Михайловича, и стало у него необыкновенно весело на душѣ. Онъ заставилъ выпить невѣстку другую чашку и даже съѣсть домашній крендель, печеньемъ которыхъ долго славились багровскія печи. Чай убрали; начались разговоры, самые живые, одушевленные, искренніе и дружелюбные. Софья Николавна дала полную волю своимъ пылкимъ чувствамъ, своему увлекательному краснорѣчію — и окончательно понравилась старику. Посреди такой пріятной бесѣды вдругъ онъ спросилъ. „А что мужъ? спитъ?“ — „Алексѣй просыпался, когда я уходила; но я велѣла ему еще соснуть“, съ живостью отвѣчала Софья Николавна. Старикъ сильно наморщился и на минуту замолчалъ. „Послушай, милая моя невѣстушка“, — сказалъ онъ подумавши, безъ гнѣва, но съ важностью: — „ты такая умница, что я скажу тебѣ правду безъ обиняковъ. Я не люблю ничего держать на душѣ. Послушаешь — ладно, не послушаешь — какъ хочешь: ты мнѣ не родная дочь. Мнѣ не по нутру, что ты называешь мужа Алексѣй, у него есть отчество. Ты ему не мать, не отецъ.

Вѣдъ ты и слугу стала бы звать Алексѣй. Жена должна обходиться съ мужемъ съ уваженьемъ; тогда и другіе станутъ его уважать. Не понравилось мнѣ тоже, что ты вчера за подарками его посылала и что онъ стоялъ съ подносомъ, какъ лакей. Вотъ и сейчасъ ты сказала, что *велѣла* ему соснуть. Повелѣвать женѣ не приходится, а то будетъ худо. Можетъ, это у васъ такъ въ городѣ ведется; но по нашему, по старинному, по деревенскому, — все это никуда не годится". Съ почтеньемъ слушала Софья Николавна. „Благодарю васъ, батюшка," — сказала онъ такъ искренно, съ такимъ внутреннимъ чувствомъ, что каждое слово доходило до сердца старика, — „благодарю васъ, что вы не потаили отъ меня того, что вамъ было непріятно. Я не только съ радостью исполню волю вашу, я и сама понимаю теперь, что это точно нехорошо. Я еще молода, батюшка. Меня некому было поучить; отецъ мой шестой годъ лежитъ въ постели. Я переняла такое обращенье съ мужемъ у другихъ. Впредь этого никогда не будетъ, не только при васъ, но и безъ васъ." „Батюшка," — продолжала она, и крупныя слезы закапали изъ ея глазъ: — „я полюбила васъ, какъ родного отца: поступайте со мной всегда, какъ съ родной дочерью; остановите, побраните меня, если я провинюсь въ чемъ нибудь, и простите, но не оставляйте на сердцѣ неудовольствія. По молодости, по горячности моей, я могу провиниться на каждомъ шагу; вспомните, что я въ чужой семьѣ, что я никого не знаю и что никто не знаетъ меня, не оставьте меня"... Она бросилась на шею къ свекру, у котораго также глаза были полны слезъ, она обняла его, точно какъ родная дочь, и цѣловала его грудь, даже руки. Свекоръ не отнялъ ихъ и сказалъ: „Ну, такъ ладно!" У Степана Михайловича была чуткая природа; мы уже знаемъ это: онъ безошибочно угадывалъ зло и безошибочно привлекался къ добру. Съ перваго взгляда понравилась ему невѣстка, а теперь онъ понялъ, оцѣнилъ и вполнѣ ее полюбилъ навсегда.

Многимъ опытамъ была впослѣдствіи подвергнута эта любовь, всякій бы другой поколебался; но онъ устоялъ до послѣдняго своего вздоха.

Вскорѣ явился Алексѣй Степанычъ, а вслѣдъ за нимъ и вся семья. Дочери давно посылали Арину Васильевну, но она не смѣла прійти, потому что слова Степана Михайловича: „никого не будить“ — равнялись запрещенью приходить. Она и теперь пришла только потому, что старикъ приказалъ Мазану позвать всѣхъ. Не видно было слѣдовъ слезъ на лицѣ Софьи Николавны, и она встрѣтила свекровь и золовокъ съ особенною ласкою и предупредительностью. Въ Степанѣ Михайловичѣ ничего необыкновеннаго также не было замѣтно: но живость и веселость невѣстки, которую она не умѣла скрыть, была сейчасъ замѣчена двумя золовками, и онѣ съ ужасомъ разгадали сущность дѣла. — Степанъ Михайловичъ рѣшилъ, что молодымъ надо объѣздить родныхъ по старшинству, и потому было положено, что завтра молодые поѣдутъ къ Аксиньѣ Степановнѣ Нагаткиной, которая и отправилась домой въ тотъ же день послѣ обѣда: съ ней поѣхала и Елизавета Степановна, чтобъ помочь въ хлопотахъ по хозяйству для пріема молодыхъ къ обѣду. До деревни Нагаткиной считалось пятьдесятъ верстъ. Для добрыхъ багровскихъ коней такое разстояніе не требовало отдыха, и выѣздъ назначенъ былъ въ шесть часовъ утра.

Степанъ Михайловичъ нисколько не скрывалъ своего расположенія къ невѣсткѣ. Онъ не разлучался съ нею и безпрестанно разговаривалъ: то разспрашивалъ о семейныхъ ея обстоятельствахъ; то заставлялъ разсказывать про ея городскую жизнь; слушалъ съ вниманіемъ и участіемъ, нерѣдко умными и мѣткими словами обсуживая дѣло. Софья Николавна съ жаромъ хваталась за его дѣльныя замѣчанія и ясно доказывала, что съ ея стороны это было не угодливое поддакиванье образу мыслей старика, но полное пониманіе и убѣжденіе

въ справедливости его словъ. Въ свою очередь, и Степанъ Михайловичъ знакомилъ невѣстку съ прошедшею и настоящею жизнью новаго для нея семейства; онъ разсказывалъ все такъ правдиво, такъ просто, такъ искренно и такъ живо, что Софья Николавна, одна способная оцѣнить его вполнѣ, приходила въ восхищенье. Она не встрѣчала подобнаго человѣка; ея отецъ былъ старикъ умный, нѣжный, страстный и безкорыстный, но въ то же время слабый, подчиненный тогдашнимъ формамъ приличія, носившій на себѣ печать уклончиваго, искательнаго чиновника, который, начавъ съ канцелярскаго писца, дослужился до званія товарища намѣстника; здѣсь же стоялъ передъ ней старецъ необразованный, грубый по наружности, по слухамъ даже жестокій въ гнѣвѣ, но разумный, добрый, правдивый, непреклонный въ своемъ свѣтломъ взглядѣ и честномъ судѣ, — человѣкъ, который не только поступалъ всегда прямо, но и говорилъ всегда правду. Величавый образъ духовной высоты вставалъ передъ пылкой, умной женщиной и заслонялъ все прошлое, открывая передъ нею какой то новый нравственный міръ. И какое счастье: этотъ человѣкъ — ея свекоръ! Отъ него зависитъ ея спокойствіе въ семьѣ мужа и, можетъ быть, даже благополучіе въ супружеской жизни!

Обѣдъ прошелъ гораздо живѣе и веселѣе вчерашняго; невѣстка сидѣла попрежнему между свекромъ и своимъ мужемъ, но Арина Васильевна пересѣла на обыкновенное свое мѣсто, насупротивъ Степана Михайловича. Сейчасъ послѣ обѣда уѣхали въ Нагаткино Аксинья и Елизавета Степановны. Ложась уснуть по обыкновенію, старикъ сказалъ: „Ну Ариша, кажись, Богъ далъ намъ славную невѣстку: ее грѣшно не полюбить“. — „Подлинно такъ, Степанъ Михайловичъ“, — отвѣчала Арина Васильевна: — „ужъ если тебѣ Софья Николавна угодна, такъ мнѣ и подавно“. Старикъ покосился, но смолчалъ. Старуха ушла скорѣе, чтобъ не обмолвиться и чтобъ сообщить своимъ дочерямъ знаменательныя слова Степана Михайловича,

которыя приняты были, какъ законъ, къ точному исполненію, по крайней мѣрѣ по наружности.

Хотя мало спала Софья Николавна въ послѣднюю ночь, но не могла заснуть послѣ обѣда. Она опять ходила гулять съ своимъ мужемъ, по его желанію, въ старую березовую грачевую рощу и внизъ по рѣкѣ. Тутъ не было уже никакихъ непріятныхъ столкновеній. Торжествующая, увлеченная и восхищенная своимъ свекромъ, Софья Николавна старалась передать Алексѣю Степанычу пылкія ощущенія, которыми была переполнена ея воспріимчивая душа. Подобно всѣмъ страстнымъ, восторженнымъ людямъ, она перенесла нѣкоторую часть качествъ, плѣнившихъ ее въ свекрѣ, на своего молодого прекраснаго друга и любила его въ то время больше, чѣмъ когда нибудь. Съ радостнымъ изумленіемъ слушалъ одушевленныя рѣчи своей красавицы-жены Алексѣй Степанычъ и думалъ про себя: „Слава Богу, что они съ батюшкой такъ понравились другъ другу: теперь все будетъ хорошо“. Онъ цѣловалъ руки Софьи Николавны, говорилъ ей, „что онъ счастливѣйшій человѣкъ во всей вселенной и что она такое божество, которому нѣтъ равнаго на свѣтѣ и которому должны всѣ поклоняться“. Онъ не могъ понимать вполнѣ своей жены, не могъ чувствовать высказанной глубокой и тонкой оцѣнки высокихъ качествъ Степана Михайловича и попрежнему оставался только совершенно убѣжденнымъ, что отецъ его такой человѣкъ, котораго всѣ должны почитать и даже бояться. Въ этотъ разъ Софья Николавна ничего не замѣчала; она чувствовала и говорила за него сама: она хвалила и березовую кочковатую рощу, и глубокую рѣку; даже о золовкахъ своихъ отзывалась очень благосклонно.

Проснувшись послѣ обѣда, Степанъ Михайловичъ немедленно позвалъ къ себѣ невѣстку съ мужемъ и всю свою семью. Давно не видали его такимъ ласковымъ и свѣтлымъ. Хорошо ли онъ выспался, или на сердцѣ у него было хоро-

шо, — только всякій видѣлъ, что старый баринъ чѣмъ то очень доволенъ и веселъ. Послѣ отзыва Степана Михайловича Александра и Елизавета Степановны себя припудили, а Танюша (всѣ ее такъ звали) и Арина Васильевна очень охотно стали ласковѣе и разговорчивѣе; Каратаеву мигнула Александра Степановна, — и онъ смѣлѣе сталъ повторять послѣднія слова говорящаго, хотя бы и не съ нимъ говорили; но мрачный генералъ продолжалъ молчать и смотрѣть значительно. Семейная бесѣда сдѣлалась необыкновенно жива и одушевленна. Старику захотѣлось поранѣе накушаться чаю, разумѣется, въ тѣни подлѣ крылечка, и невѣстка получила исключительное право разливать вечерній чай. Танюша охотно уступила ей свою должность. Послѣ чая Степанъ Михайловичъ приказалъ заложить двое дрогъ, посадилъ съ собою невѣстку и въ сопровожденіи всей семьи поѣхалъ на мельницу. Надобно сказять, что старикъ былъ охотникъ до мельничнаго дѣла и самъ занимался имъ. Жернова мололи и толчея толкла отлично, хотя амбаръ былъ невзраченъ и неопрятно покрытъ камышомъ. Хозяинъ любилъ похвастаться устройствомъ своей мельницы и принялся подробно показывать все невѣсткѣ; онъ любовался ея совершеннымъ невѣдѣніемъ, ея любопытствомъ, а иногда и страхомъ, когда онъ вдругъ пускалъ сильную воду на всѣ четыре постава, когда снасти начинали пошевеливаться, покачиваться и постукивать, а жернова быстро вертѣться, пѣть и гудѣть, когда въ хлѣбной пыли начиналъ трястись и вздрагивать полъ подъ ногами и весь мельничный амбаръ. Для Софьи Николавны это была совершенная новость, которая нисколько ей не нравилась; но изъ угожденія свекру она всему дивилась, обо всемъ разспрашивала, всѣмъ любовалась. Свекоръ былъ очень доволенъ, долго продержалъ невѣстку на мелницѣ и, когда вышелъ съ нею на плотину, гдѣ молодой мужъ и двѣ золовки удили рыбу, то былъ встрѣченъ общимъ смѣхомъ: старикъ и невѣстка были покрыты мукою.

Для Степана Михайловича это дѣло было обыкновенное; онъ же, выходя, немножко отряхнулся по привычкѣ и утерся, а Софья Николавна не подозрѣвала, что такъ искусно и сильно напудрена; и самъ свекоръ расхохотался, глядя на свою невѣстку; она же смѣялась больше всѣхъ, шутила очень забавно и жалѣла только о томъ, что нѣтъ зеркала и что не во что ей посмотрѣться, хорошо ли она убрана на балъ. Видя, что всѣ очень заняты рыбной ловлей, старикъ повезъ свою молодую мельничиху (такъ звалъ онъ ее весь этотъ вечеръ) вокругъ пруда, чрезъ мостъ и, обогнувъ все верховье, всѣ разливы, воротился уже по плотинѣ къ тому каузу, около котораго удили рыбаки и гдѣ спокойно сидѣла и смотрѣла на нихъ тучная Арина Васильевна. Вездѣ, гдѣ проѣзжали свекоръ съ невѣсткой, была грязь, топь; по скверному мостишку едва можно было переѣхать черезъ рѣку и еще труднѣе было пробраться по навозной и топкой плотинѣ; все было не по вкусу Софьѣ Николавнѣ; но, конечно, не могъ этого замѣтить Степанъ Михайловичъ, который не видалъ ни грязи, ни топи, не слыхалъ противнаго запаха отъ стоячей воды или навозной плотины. Все было имъ самимъ заведено, устроено и все было ему пріятно. Солнце садилось, становилось сыро; всѣ весело отправились домой: рыбаки повезли съ собой добычу — славныхъ окуней, красноперокъ и небольшихъ язей. У крыльца ожидалъ хозяина староста, старикъ занялся хозяйственными распоряженіями, молодая привела въ порядокъ свой нарядъ; рыбу между тѣмъ сварили, изжарили на сковородѣ въ сметанѣ, а самыхъ крупныхъ окуней испекли въ кожѣ и чешуѣ, и все это за ужиномъ нашли очень вкуснымъ.

Такъ прошелъ другой день; разошлись поранѣе, чтобъ молодымъ завтра пораньше встать и ѣхать въ гости. Александра Степановна, оставшись наединѣ съ матерью и меньшою сестрою, сбросивъ съ себя тяжкое принужденье, дала волю своему бѣшеному нраву и злому языку. Она видѣла, что

все погибло, что свекоръ горячо полюбилъ невѣстку, что сбылись ея предсказанія, что приворотила старика городская прощалыга, и что теперь нечего другого дѣлать, какъ спровадить молодыхъ въ Уфу и безъ нихъ приняться уже за какую нибудь хитрую работу. Досталось и Аринѣ Васильевнѣ, и Танюшѣ за то, что онѣ были уже слишкомъ ласковы, и что если-бъ не она, то заворожила бы и ихъ эта модница, эта нищая казачья внучка.

На другой день, точно въ шесть часовъ утра, отправились молодые въ Нагаткино, на шестеркѣ славныхъ домороценныхъ лошадей, въ аглицкой своей каретѣ. Невѣстка успѣла напоить чаемъ свекра и поѣхала обласканная имъ; онъ даже перекрестилъ ее на дорогу, потому что молодые должны были ночевать въ гостяхъ. Дорога шла сначала внизъ по рѣкѣ, а потомъ, перерѣзавъ ее и поднявшись въ гору, достигала уѣзднаго городка Бугуруслана. Не останавливаясь въ немъ, путешественники наши переѣхали по мосту рѣку Большой Кинель, и луговою его стороною, ровною и покрытой густой травой, по степной, колеистой, лѣтней дорогѣ, не заѣзжая ни въ одно селенье, — кони бѣжали шибкой рысью, верстъ по десяти въ часъ. Алексѣй Степанычъ давно не бывалъ за Кинелемъ; зеленая, цвѣтущая, душистая степь приводила его въ восхищенье; то и дѣло стрепета поднимались съ дороги и кроншнепы постоянно провожали экипажъ, кружась надъ нимъ и залетая впередъ, садясь по вѣхамъ и оглашая воздухъ своими звонкими трелями. Алексѣй Степанычъ очень жалѣлъ, что съ нимъ не было ружья... Полная звуковъ, голосовъ и жизни степь, богатая тогда всѣми породами полевой дичи, такъ сильно его развлекала или, правду сказать, такъ поглощала все его вниманіе, что онъ безъ участія слушалъ, а отчасти и вовсе не слыхалъ умныхъ и живыхъ разговоровъ Софьи Николавны. Она скоро замѣтила невниманіе мужа и призадумалась; потомъ изъ веселой сдѣлалась недовольною и, на-

конецъ, принялась разговаривать съ своей Парашей, которая сидѣла съ ними въ каретѣ. Переваливъ плоскую возвышенность, какъ разъ къ двѣнадцати часамъ подкатила карета къ деревенскому, небольшому дому Аксиньи Степановны, еще менѣе Багровскаго похожему на городскіе дома. Домъ стоялъ на плоскомъ берегу Малаго Кинеля и отдѣлялся отъ него однимъ только огородомъ съ молодыми овощами, съ грядками, изрѣшеченными бѣлыми лутошками для завивки побѣговъ сахарнаго гороха, и съ нѣсколькими подсолнечниками. Неравнодушно вспоминая и теперь эту простую, бѣдную мѣстность, которую увидѣлъ я въ первый разъ лѣтъ десять позднѣе, я понимаю, что она нравилась Алексѣю Степанычу и что должна была не понравиться Софьѣ Николавнѣ. Мѣсто голое, пустое, на припекѣ, на плоскомъ берегу; кругомъ ровная степь съ сурчинами, ни деревца, ни кустика, рѣка тихая, омутистая, обросшая камышомъ и палочникомъ... Кому же все это понравится? Ничего казистаго, великолѣпнаго, живописнаго; но Алексѣй Степанычъ такъ любилъ это мѣсто, что даже предпочиталъ его Багрову. Я не согласенъ съ нимъ, но также очень полюбилъ тихій домикъ на берегу Кинеля, его прозрачныя воды, его движущіеся теченіемъ рѣки камыши, зеленую степь вокругъ и плотъ, ходившій почти отъ самаго крыльца и перевозившій черезъ Кинель еще болѣе въ степную, ковылистую, казалось, безграничную даль, прямо на югъ!...

Хозяйка съ двумя маленькими сыновьями и двухлѣтней дочерью, съ Елизаветой Степановной и ея мужемъ встрѣтила дорогихъ гостей на крыльцѣ. Несмотря, однако, на невыгодную наружность деревенскихъ хоромъ, въ комнатахъ было все чисто и опрятно, и даже гораздо чище и опрятнѣе, чѣмъ у Степана Михайловича. Вообще у „сердечной простоты“, такъ ее называли сестрицы, несмотря на ея вдовье положеніе, несмотря на присутствіе маленькихъ дѣтей, замѣчался въ домѣ какой то приборъ и порядокъ, обличавшій исключительно женскую по-

печительность. Я уже сказалъ, что Аксинья Степановна была добрая женщина, что она полюбила невѣстку, и потому очень естественно, что она, въ качествѣ гостепріимной хозяйки, приняла и чествовала молодыхъ съ полнымъ радушіемъ. Это предвидѣли въ Багровѣ и нарочно отправили Елизавету Степановну, чтобъ она, по превосходству своего ума и положенія въ обществѣ (она была генеральша), могла воздерживать порывы дружелюбія простодушной Аксиньи Степановны; но простая душа не поддалась умной и хитрой генеральшѣ и на всѣ ея настойчивые совѣты отвѣчала коротко и ясно: „Вы себѣ тамъ, какъ хотите; не любите и браните Софью Николавну, а я ею очень довольна; я, кромѣ ласки и уваженія, ничего отъ нея не видала, потому и хочу, чтобъ она и братъ были у меня въ домѣ мною также довольны“... и все это исполняла на дѣлѣ съ искренней любовью и удовольствіемъ: заботилась, ухаживала за невѣсткой и потчевала молодыхъ напропалую. Зато гордая Елизавета Степановна и даже ея мужъ, впрочемъ, такъ натянувшійся къ ночи, что его заперли въ пустую баню, держали себя гораздо холоднѣе и дальше, чѣмъ въ Багровѣ. Софья Николавна не обращала на нихъ вниманія и была увлекательно любезна съ хозяйкой и ея маленькими дѣтьми. Послѣ обѣда немного отдохнули, потомъ гуляли по Кинелю, перевозились на ту сторону, потомъ пили чай на берегу рѣки; предлагали гостьѣ поудить рыбу, но она отказалась, говоря, что терпѣть не можетъ этой забавы и что ей очень пріятно проводить время съ сестрицами. Алексѣй же Степанычъ, обрадованный взаимнымъ дружескимъ обращеніемъ старшей сестры и жены, съ увлеченіемъ занялся удочками, которыми вся прислуга потѣшалась и тѣшила своихъ молодыхъ господъ. Онъ до самаго ужина просидѣлъ на берегу Кинеля, забившись въ густой камышъ, и выудилъ нѣсколько крупныхъ лещей, которыми изобиловали кинельскія тихія воды. Отъѣздъ былъ назначенъ также въ шесть часовъ слѣдующаго утра; даже хо-

тѣли выѣхать поранѣе, чтобы не заставить Степана Михайловича дожидаться молодыхъ къ обѣду; хозяйка же съ своей сестрицей-генеральшей положили выѣхать къ вечеру, чтобъ ночевать въ Бугурусланѣ, выкормить хорошенько лошадей и на другой уже день пріѣхать въ Багрово. Софья Николавна продолжала быть нѣсколько недовольною своимъ мужемъ. Несмотря на необыкновенный умъ, она не могла понять, какъ могъ человѣкъ, страстно ее любящій, любить въ то же время свое сырое Багрово, его кочковатыя рощи, навозную плотину и загнившія воды; какъ могъ онъ заглядываться на скучную степь съ глупыми куликами и, наконецъ, какъ онъ могъ нѣсколько часовъ не видать своей жены, занимаясь противной удочкой и лещами, отъ которыхъ воняло отвратительной сыростью. Не могла понять и потому, когда Алексѣй Степанычъ спѣшилъ дѣлиться съ нею сладкими впечатлѣніями природы и охоты, она почти обижалась. Впрочемъ, на этотъ разъ въ ней нашлось столько благоразумія, что она не заводила объясненій, не дѣлала упрековъ: сцена на островѣ была у ней еще въ свѣжей памяти.

Алексѣй Степанычъ и Софья Николавна проспали спокойно ночь въ собственной спальнѣ Аксиньи Степановны, которую она имъ уступила, устроивъ наилучшимъ образомъ, какъ могла и какъ умѣла, не обративъ никакого вниманія на ѣдкія замѣчанія сестрицы-генеральши. Рано поутру молодые уѣхали получасомъ даже ранѣе назначеннаго срока. На возвратномъ пути ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что Алексѣй Степанычъ нѣсколько менѣе развлекался степью и куликами и не такъ уже ахалъ, когда стрепета взлетали съ дороги, и потому внимательнѣе слушалъ и нѣжнѣе смотрѣлъ на свою обожаемую жену. Они пріѣхали въ Багрово ранѣе, чѣмъ ихъ ожидали. Столъ, однако же, накрывали; Александра Степановна успѣла уже указать, что „придется батюшкѣ сегодня попозднѣе обѣдать, что гдѣ же городскимъ

людямъ нѣсколько дней сряду такъ рано вставать". Старикъ хорошо понималъ музыку этихъ словъ и къ общему изумленію весело отвѣчалъ: „Ну, такъ что-жъ? Мы и подождемъ дорогихъ гостей". Всѣ были поражены этими словами. Надобно сказать, что Степанъ Михайловичъ во всю свою жизнь позже двѣнадцати часовъ не садился за столъ, а если чувствовалъ особенный аппетитъ, то приказывалъ подавать кушанье и раньше и, при малѣйшей медленности или задержкѣ, онъ начиналъ сильно гнѣваться. „Такъ вотъ какова Софья Николавна," — шептала въ уши матери и меньшой сестрѣ Александра Степановна, — „для нея можно и подождать съ удовольствіемъ! Ну, если бы вы, матушка, когда нибудь опоздали къ обѣду, возвращаясь изъ Неклюдова, такъ досталось бы и вамъ, и всѣмъ намъ" ... Не успѣла она кончить свое злобное шептанье, сидя съ матерью въ сосѣдней комнатѣ, какъ подлетѣла уже карета къ крыльцу, фыркали усталые кони, и цѣловалъ свою невѣстку свекоръ, хваля молодыхъ, что они не опоздали, и звучно раздавался его голосъ: „Мазанъ, Танайченокъ, кушанье подавать!"

День пошелъ прежнимъ порядкомъ. Послѣ вечерняго чая Степанъ Михайловичъ, благоволеніе къ невѣсткѣ котораго часъ отъ часу увеличивалось, приказалъ пригнать со степи табунъ лошадей, чтобы показать его Софьѣ Николавнѣ, которая какъ то между словъ сказала, что не имѣетъ понятія о табунѣ и желала бы его видѣть. Табунъ пригнали на дворъ, и старикъ самъ водилъ невѣстку по двору, показывалъ ей лучшихъ матокъ съ жеребятами-сосунками, стригановъ, лонщаковъ[1]) и молодыхъ мериновъ, которые въ продолженіе лѣта всѣ ходили въ табунѣ на сытномъ и здоровомъ подножномъ корму. Онъ подарилъ ей двухъ отличныхъ жеребыхъ кобылъ,

[1]) Стриганами называютъ годовалыхъ жеребятъ, потому что имъ подстригаютъ гривы, чтобъ онѣ ровнѣе и лучше расли. Лонщакъ — двухлѣтній жеребенокъ, третьякъ.

говоря, что поведетъ отъ нихъ заводъ на ея счастье. Маленькіе жеребята очень понравились Софьѣ Николавнѣ, она съ удовольствіемъ смотрѣла на ихъ прыжки и ласки къ матерямъ; за подарокъ же, разумѣется, очень благодарила. „Смотри же, Спирька,“ — строго наказывалъ Степанъ Михайловичъ своему главному конюху, — „чтобъ кобылы Софьи Николавны были сбережены сохранно, а на жеребятъ положимъ особыя примѣты: ушко распоремъ пониже, а со временемъ и тавро сдѣлаемъ съ именемъ молодой барыни. — Хоть бы ты была охотница до лошадей, невѣстынька,“ — продолжалъ онъ, обращаясь къ Софьѣ Николавнѣ, — „а вотъ Алексѣй вовсе не охотникъ!“ Старикъ очень любилъ лошадей и неусыпными трудами, при небольшихъ его денежныхъ средствахъ, имѣлъ уже многочисленный заводъ и вывелъ такую породу добротѣзжихъ коней, которой удивлялись охотники и знатоки. Степанъ Михайловичъ обрадовался участію Софьи Николавны къ конному его заводу, изъявленному ею, конечно, изъ одного желанія угодить свекру, принялъ ея слова за чистыя деньги и повелъ ее посмотрѣть, какъ кормятъ ѣзжалыхъ лошадей и своихъ, и гостиныхъ, которыхъ иногда скоплялось немало.

Боясь наскучить моимъ читателямъ такимъ подробнымъ описаніемъ пребыванія молодыхъ Багровыхъ у свекра, я скажу только, что слѣдующій, то есть пятый день, былъ проведенъ такъ же, какъ и предыдущій. По старшинству слѣдовало бы теперь молодымъ сдѣлать свадебный визитъ къ Ерлыкинымъ: но деревушка ихъ находилась въ 170 верстахъ отъ Багрова, гораздо ближе къ Уфѣ, итакъ положено было, чтобъ молодые заѣхали къ нимъ на возвратномъ пути въ Уфу. Къ тому же супругъ Елизаветы Степановны, мрачный и молчаливый генералъ Ерлыкинъ, напившись пьянъ въ Нагаткинѣ, запилъ запоемъ, который обыкновенно продолжался не менѣе недѣли, такъ что жена принуждена была оставить его въ Бугурусланѣ, подъ видомъ болѣзни, у какихъ то своихъ знакомыхъ. Итакъ,

черезъ день назначено было ѣхать къ Александрѣ Степановнѣ, и она съ своимъ башкиролюбивымъ супругомъ отправилась наканунѣ въ свою Каратаевку и пригласила, съ позволенія отца, старшую и младшую сестру; а Елизавета Степановна осталась дома, подъ предлогомъ, что у ней больной мужъ лежитъ въ Бугурусланѣ, а собственно для назидательныхъ бесѣдъ съ стариками. Дорога къ Каратаевымъ, которые жили почти въ такомъ же разстояніи отъ Багрова, какъ и Нагаткина, то есть немного болѣе пятидесяти верстъ, шла совершенно въ противоположную сторону, прямо на сѣверъ. Съ половины пути мѣстность дѣлалась гористою и лѣсною. Молодые отправились послѣ ранняго завтрака, и какъ дорога была не ѣздовита и тяжела, то на полдорогѣ, между Новой и Старой Мертовщины [1]) (куда на возвратномъ пути имъ надо было заѣхать), они покормили въ полѣ часа два и къ вечернему чаю пріѣхали въ Каратаевку. Домишко у любителя башкирцевъ былъ несравненно хуже нагаткинскаго дома: маленькія темныя окна прежде всего бросались въ глаза, полы были неровны, съ множествомъ дыръ, проѣденныхъ крысами, и такъ грязны, что ихъ и домыться не могли. Съ какимъ то страхомъ и отвращеніемъ вступила Софья Николавна въ это негостепріимное и противное жилье. Александра Степановна вела себя надменно, безпрестанно оговариваясь и отпуская разныя колкости, какъ напримѣръ: „Мы рады, рады дорогимъ гостямъ, милости просимъ; братецъ, конечно, не осудитъ, да только я ужъ и не знаю, какъ сестрицѣ Софьѣ Николавнѣ и войти въ нашу лачужку послѣ городскихъ палатъ у своего батюшки. Мы вѣдь люди бѣдные, нечиновные и живемъ по своему состоянію; вѣдь у насъ жалованья и доходовъ нѣтъ“. Софья Николавна не оставалась въ долгу и отвѣчала, что всякій живетъ не столько по своему состоянію, сколько по своему

[1]) Названіе деревень.

вкусу и что, впрочемъ, для нея все равно, гдѣ бы ни жили и какъ бы ни жили родные Алексѣя Степаныча. Послѣ ужина молодымъ отвели для спальни такъ называемую гостиную, гдѣ, какъ только погасили свѣчку, началась возня, стукъ, прыганье, и они были атакованы крысами съ такою наглостью, что бѣдная Софья Николавна не спала всю ночь, дрожа отъ страха и отвращенья. Алексѣй Степанычъ принужденъ былъ зажечь свѣчу и, вооружась подоконной подстановкой, защищать свою кровать, на которую даже вспрыгивали крысы, покуда не была зажжена свѣча[1]). Впрочемъ, Алексѣй Степанычъ не чувствовалъ ни страха, ни отвращенія; для него это была не новость и сначала его даже забавляли и стукъ, и возня, и дерзкіе прыжки этихъ противныхъ животныхъ, а потомъ онъ даже заснулъ съ подстановкой въ рукахъ, лежа поперекъ кровати; но Софья Николавна безпрестанно его будила, и только по восхожденіи солнца, когда непріятель скрылся въ свои траншеи, заснула бѣдная женщина. Она встала съ головною болью, а хозяйка только подсмѣивалась тому, „какъ негодныя крысы напугали Софью Николавну“, прибавляя, что онѣ нападаютъ только на новенькихъ и что хозяева къ нимъ уже привыкли. Аксинья Степановна и Танюша, которая также боялась крысъ, не могли, однако, безъ сожалѣнія смотрѣть на жалкое, больное лицо своей невѣстки и изъявляли ей свое участіе. Нагаткина даже попеняла Александрѣ Степановнѣ, зачѣмъ она не приказала взять обыкновенныхъ предосторожностей, то есть, поставить кровать посреди горницы, привязать пологъ и подтыкать кругомъ подъ пуховикъ; но хозяйка злобно смѣялась и говорила: „Жаль, что крысы дорогой гостьѣ носа не откусили“. „Смотри,“ — отвѣчала ей Аксинья Степановна, — „чтобъ не дошло до батюшки и чтобъ тебѣ не досталось“.

[1]) Невѣроятное множество крысъ продолжало водиться въ Каратаевкѣ лѣтъ сорокъ. Я самъ испыталъ ихъ наглыя ночныя нападенія.

Деревня Каратаевка была поселена вдоль по скату на небольшой, изъ родниковъ состоящей рѣчкѣ, запруженной въ концѣ селенья и поднимавшей мельницу на одинъ поставъ. Мѣстоположеніе было бы недурно, но хозяева и весь бытъ ихъ были такъ противны, что и сама мѣстность никому не нравилась. Каратаевъ, который въ Багровѣ боялся Степана Михайловича, а дома боялся жены, иногда и хотѣлъ бы полюбезничать съ Софьей Николавной, да не смѣлъ и только, пользуясь отсутствіемъ супруги, просилъ иногда у молодой позволенія поцѣловать ея ручку, прибавляя по обыкновенію, что такой писаной красавицы нигдѣ не отыщешь. При повтореніи такой просьбы — позволенія онъ уже не получилъ. — Каратаевъ велъ жизнь самобытную: большую часть лѣта проводилъ онъ, разъѣзжая въ гости по башкирскимъ кочевьямъ и каждый день напиваясь допьяна кумысомъ; по башкирски говорилъ, какъ башкирецъ, сидѣлъ верхомъ на лошади и не слѣзалъ съ нея по цѣлымъ днямъ, какъ башкирецъ; даже ноги у него были колесомъ, какъ у башкирца; стрѣлялъ изъ лука, разбивая стрѣлой яйцо на дальнемъ разстояніи, какъ истинный башкирецъ; остальное время года жилъ онъ въ какомъ то чуланѣ съ печью, прямо изъ сѣней, цѣлый день глядѣлъ, высунувшись въ поднятое окошко, даже зимой въ жестокіе морозы, прикрытый ергакомъ, насвистывая башкирскія пѣсни и попивая отъ времени до времени цѣлительный травникъ или ставленый башкирскій медъ. Зачѣмъ смотрѣлъ Каратаевъ въ окошко, передъ которымъ лежало пустое пространство двора, пересѣкаемое вкось неторной тропинкой, что видѣлъ, что замѣчалъ, о чемъ думала эта голова на богатырскомъ туловищѣ, — не разгадаетъ никакой психологъ. Нарушалось, правда, иногда созерцаніе философа: проходила козыремъ по дорожкѣ изъ людской въ скотную избу полногрудая баба или дѣвка, кивалъ и мигалъ ей Каратаевъ и получалъ въ отвѣтъ коротко знакомыя киванья и миганья . . . но жен-

скій образъ исчезалъ на поворотѣ, какъ привракъ, и снова глядѣлъ Каратаевъ въ пустую даль.

Софья Николавна не знала, какъ вырваться изъ этой берлоги, и послѣ ранняго обѣда, въ продолженіе котораго стояли уже лошади у крыльца, молодые сейчасъ распростились и уѣхали. На прощанье хозяйка, цѣлуясь съ золовкой въ обѣ щеки и въ плечи, выразительно благодарила за пріятное посѣщеніе, и не менѣе выразительно благодарила невѣстка за пріятнѣйшее угощеніе.

Оставшись въ каретѣ съ мужемъ, Софья Николавна дала волю своей досадѣ. Простодушная Аксинья Степановна безъ намѣренія выболтала ей, что хозяйка съ умысломъ не взяла предосторожностей отъ крысъ, и молодая женщина, удержавшись отъ вспышки въ домѣ своей недоброхотки, не совладѣла съ своей вспыльчивой природой: она позабыла, что въ каретѣ сидитъ Параша, позабыла, что Александра Степановна родная сестра Алексѣю Степанычу, и не поскупилась на оскорбительныя выраженія. Алексѣй Степанычъ, по добротѣ своего сердца и прямодушію, не могъ повѣрить умыслу со стороны своей сестры, видѣлъ въ этомъ одну недогадливость и обидѣлся выраженіями Софьи Николавны, которыхъ, сказать по правдѣ, нельзя было извинить ни въ какомъ случаѣ. Молодой мужъ въ первый разъ осердился на свою молодую жену, сказалъ, что ей стыдно такъ говорить, отвернулся и замолчалъ. Въ такомъ расположеніи духа пріѣхали они въ Старую Мертовщину, гдѣ жила въ то время замѣчательно умная старуха, Марья Михайловна Мертвая[1]), дочь которой, Катерина Борисовна (большая пріятельница Софьи Николавны), недавно вышедшая замужъ за сосланнаго въ Уфу правительствомъ и овдовѣвшаго тамъ П. И. Чичагова, совершенно неожиданно для молодыхъ Багровыхъ, находилась

[1]) Впослѣдствіи правительство позволило измѣнить это страшное слово, и сыновья ея стали называться Мертваго. *Примѣч. автора.*

тутъ же съ своимъ мужемъ. Софья Николавна, которая любила Чичагова не меньше, чѣмъ свою пріятельницу, была такъ обрадована этой нечаянностью, что позабыла всю свою досаду и сдѣлалась очень жива и весела; но Алексѣй Степанычъ остался печаленъ и молчаливъ, что было замѣчено всѣми.

Исторія и вторичная женитьба Чичагова цѣлый — романъ, и я разскажу его какъ можно короче: разскажу потому, что мы впослѣдствіи будемъ встрѣчаться съ этимъ семействомъ, и особенно потому, что оно имѣло нѣкоторое вліяніе на жизнь молодыхъ Багровыхъ. П. И. Чичаговъ былъ необыкновенно умный или, справедливѣе сказать, необыкновенно остроумный человѣкъ; онъ получилъ по тогдашнему блестящее и многостороннее образованіе, зналъ нѣсколько языковъ, рисовалъ, чертилъ (т. е. зналъ архитектуру), писалъ и прозой, и стихами. Въ порѣ пылкой молодости влюбился онъ въ Москвѣ въ дѣвицу Римско-Корсакову, и для полученія ея руки рѣшился на какой то рѣшительный обманъ, который открылся уже послѣ брака, за что и былъ Чичаговъ сосланъ на жительство въ Уфу. Жена его скоро умерла; онъ черезъ годъ утѣшился, влюбился въ Катерину Борисовну и увлекъ ее своей любезностью, веселостью, образованностью и умомъ; наружность же его была очень некрасива, влюбиться въ него было невозможно. Катерина Борисовна была дѣвушка взрослая и съ твердымъ характеромъ; мать и братья не могли съ ней сладить и выдали за Чичагова, который впослѣдствіи былъ прощенъ, но не имѣлъ права выѣзжать изъ Уфимской губерніи. Софья Николавна любила его вдвойнѣ: за то, что онъ былъ мужемъ, страстно любимымъ, ея пріятельницы и, вѣроятно, еще болѣе за то, что онъ былъ уменъ и образованъ. Старуха Марья Михайловна задумала переѣхать на житье въ деревню, и Чичаговъ съ женой пріѣхали именно за тѣмъ, чтобы помогать ей строить домъ и церковь. Софья Николавна, уже съ недѣлю прогостившая въ семействѣ своего

мужа и его сестеръ, обрадовалась Чичаговымъ, какъ свѣтлому празднику; пахнуло на нее свѣжимъ воздухомъ, отдохнула ея душа и живой умъ, и она проговорила съ друзьями чуть не до полночи. Алексѣй Степанычъ просидѣлъ бы въ безмолвномъ уединеніи, если-бъ разумная старуха хозяйка не смекнула дѣломъ и не заняла гостя приличными разговорами; послѣ ужина онъ простился, однако, съ хозяевами и ушелъ спать въ отведенную для гостей комнату. Софья Николавна нашла уже его крѣпко спящимъ, а на другой день рано поутру, не безпокоя хозяевъ, они уѣхали въ Багрово.

Дорогой Алексѣй Степанычъ продолжалъ дуться и молчать; даже на всѣ прямые вопросы Софья Николавны онъ отвѣчалъ такъ холодно и односложно, что она перестала говорить съ нимъ. По ея живому и нетерпѣливому нраву это ей было очень тяжело, а какъ она не хотѣла заводить объясненій при Парашѣ и рѣшилась отложить ихъ до послѣобѣденнаго отдыха, когда она останется одна съ мужемъ, то и завела она разговоры съ своей горничной, вспоминая про уфимское житье. Алексѣй Степанычъ забился въ уголъ кареты и заснулъ или притворился спящимъ. Такъ пріѣхали они въ Багрово часа за два до обѣда. Степанъ Михайловичъ, видимо, обрадовался невѣсткѣ и даже сказалъ, что соскучился по ней. „Нѣтъ,“ — прибавилъ онъ, — „не надо вамъ съ Алешей долго здѣсь оставаться, а то я привыкну къ тебѣ, невѣстынька, да, пожалуй, еще и скучать стану“. Степанъ Михайловичъ заставилъ Софью Николавну разсказать все подробно о ея поѣздкѣ. Онъ зналъ Марью Михайловну, очень хвалилъ и сказалъ, что завтра пошлетъ звать ее съ зятемъ и дочерью откушать хлѣба и соли у молодыхъ, для чего и назначилъ слѣдующее воскресенье, до котораго оставалось четыре дня. „Послѣзавтра съѣздите вы къ Калминскимъ и Луневскимъ,“ — говорилъ старикъ, — „и также позовете ихъ въ воскресенье, а тамъ, дня черезъ три, и Богъ съ вами! поѣзжайте въ Уфу

къ своимъ мѣстамъ. Сватъ Николай Ѳедоровичъ никогда не разставался съ тобой (тутъ онъ обратился къ невѣсткѣ) и, чай, больно по тебѣ соскучился, а ты, чай, и подавно стосковалась по больномъ старикѣ".

Степанъ Михайловичъ скоро догадался, что въ эту поѣздку произошло что нибудь непріятное. Продолжая разговаривать, онъ спросилъ: „Ну, что, рады ли вамъ были хозяева въ Каратаевкѣ?" Разумѣется, отвѣчали, что были очень рады; но Софья Николавна между словъ упомянула, что не спала тамъ всю ночь отъ крысъ. Старикъ удивился. Онъ всего одинъ разъ и то очень давно былъ въ Каратаевкѣ и ничего подобнаго не слыхалъ. „Такъ, такъ, батюшка Степанъ Михайлычъ!" простодушно воскликнула Арина Васильевна. Напрасны были запретительные знаки Елизаветы Степановны: старуха не успѣла замѣтить ихъ, за что ей потомъ крѣпко досталось отъ дочекъ. „Тамъ такія крысы," — продолжала она, — „что ужасть, безъ полога и спать нельзя". — „А вы спали безъ полога?" спросилъ старикъ измѣнившимся и какимъ то зловѣщимъ голосомъ. Должны были отвѣчать, что спали безъ полога. „Хороша хозяйка!" сказалъ онъ и такъ поглядѣлъ на жену и на дочь-генеральшу, что у нихъ морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

Каратаевы и Нагаткина съ Танюшей еще не воротились: онѣ должны были пріѣхать къ вечернему чаю. Обѣдъ прошелъ невесело. Всѣ были смущены, и всякій имѣлъ свои причины. Арина Васильевна съ Елизаветой Степановной чуяли приближающуюся грозу и боялись, что громъ упадетъ и на нихъ. Давно не гнѣвался Степанъ Михайловичъ; тѣмъ страшнѣе казался ожидаемый гнѣвъ, отъ котораго онѣ поотвыкли. Софья Николавна замѣтила, что свекоръ нахмурился. Она была непрочь, если бы онъ припугнулъ свою дочку, которую она терпѣть не могла, какъ явнаго своего врага; но опасалась, чтобъ ей самой тутъ же какъ нибудь не досталось. Она,

конечно, проговорилась о крысахъ, не имѣя никакого дурного намѣренія; она не думала, чтобъ свекоръ обратилъ на это обстоятельство особенное вниманіе и придалъ ему такую важность. Впрочемъ, у Софьи Николавны лежалъ свой камень на сердцѣ: она еще не рѣшилась и не знала, какъ поступить съ мужемъ, который осердился въ первый разъ за обидныя слова объ Александрѣ Степановнѣ: дожидаться ли, чтобъ онъ самъ обратился къ ней, или прекратить тягостное положеніе, испросивъ у него прощенья, и своей любовью, нѣжностью, ласками заставить его позабыть ея проклятую вспыльчивость? И, конечно, она точно бы такъ поступила, потому что любила горячо, пламенно своего молодого, кроткаго, любящаго мужа. Она строго осуждала себя. Она должна была все предвидѣть, ко всему быть готовой. Она знала, что Алексѣй Степанычъ не задумается умереть за нее, но что нѣжнаго, постояннаго вниманія, полнаго пониманія всего, что можетъ огорчить ее, всѣхъ мелочей жизни, отъ него не должно требовать и нельзя ожидать. Но что же ей дѣлать съ своей кипучею кровью, съ своими тонкими, блажными нервами, съ своей живой, увлекающейся головой, съ своей чувствительной, воспріимчивой душою? . . . Такъ думала, такъ чувствовала бѣдная женщина, ходя изъ угла въ уголъ по своей спальнѣ, куда ушла она послѣ обѣда и гдѣ дожидалась мужа, котораго на дорогѣ задержала мать, позвавъ къ себѣ въ комнату. Минуты казались ей часами. Мысль, что Алексѣй Степанычъ нарочно медлитъ, не желая остаться съ ней наединѣ, избѣгая объясненій; мысль, что она, не облегчивъ своего сердца, переполненнаго разными мучительными ощущеніями, не примирившись съ мужемъ, увидится съ нимъ въ присутствіи враждебной семьи и должна будетъ притворяться цѣлый вечеръ, — эта мысль сжимала сердце, бросала ее въ ознобъ и жаръ . . . Вдругъ растворилась дверь, и Алексѣй Степанычъ, уже не робкій и печальный, а смѣлый и даже раздраженный, входитъ рѣшительными

шагами и самъ начинаетъ укорять свою жену, зачѣмъ она пожаловалась батюшкѣ и прогнѣвала его на сестрицу Александру Степановну! . . . „Теперь всѣ дрожать и плачутъ, и Богу только одному извѣстно, что изъ этого выйдетъ,“ — говорилъ Алексѣй Степанычъ, полный тѣмъ, что сейчасъ надули ему въ уши мать и Елизавета Степанова. — „Перемутить да перессорить семью своего мужа не хорошо, грѣшно. Вѣдь я разсказывалъ тебѣ, каковъ бываетъ батюшка въ гнѣвѣ, а ты, все это зная и видя, что онъ тебя полюбилъ, воспользовалась“ . . . Терпѣнье Софьи Николавны лопнуло, голова вспыхнула, любовь замолчала, сожалѣнья, раскаянья — какъ будто никогда не бывало, и увидѣлъ бѣдный мужъ, что не одинъ Степанъ Михайловичъ можетъ приходить въ гнѣвъ . . . Неотразимый потокъ жалобъ, обвиненій, упрековъ хлынулъ на него . . . И Алексѣй Степанычъ былъ смятъ, уничтоженъ, виноватъ безъ оправданья, чуть не злодѣй въ его собственныхъ глазахъ . . . И стоя на колѣняхъ, обливаясь слезами, вымаливалъ онъ прощенья у ногъ Софьи Николавны . . . И не Алексѣй Степанычъ не устоялъ бы противъ этого пламеннаго взрыва ума, чувства, огня, сердечнаго убѣжденья и чуднаго дара говорить! И совершенно правый человѣкъ, гораздо потверже Алексѣя Степаныча на ту минуту призналъ бы себя виноватымъ передъ молодой, прекрасной, любимой женщиной . . . Алексѣй же Степанычъ, конечно, былъ не правъ.

Въ спальнѣ молодыхъ утихла гроза, а на другомъ концѣ дома, въ небольшой горницѣ Степана Михайловича, только что начиналась. Старикъ проснулся. Сонъ не умирилъ его духа, не разгладилъ морщинъ на крутомъ его лбѣ; мраченъ сидѣлъ онъ нѣсколько времени поперекъ своей кровати и вдругъ крикнулъ: „Мазанъ!“ . . . Мазанъ давно лежалъ на двери, смотрѣлъ въ щелку и по обыкновенію сопѣлъ безъ милосердія. Онъ поставленъ былъ дозоромъ, а вся семья въ страхѣ ожиданья сидѣла въ залѣ. Мазанъ, закричавъ во все

горло: „чего изволите!“, точно вломился въ дверь. „Пріѣхала Александра Степановна?“ — „Изволили пріѣхать“. — „Позвать ко мнѣ“. И въ ту же минуту вошла Александра Степановна, потому что мѣшкать въ такихъ случаяхъ было всего опаснѣе. „А какъ это ты, сударыня,“ — началъ старикъ знакомымъ и страшнымъ ей голосомъ, — „брата и невѣстку крысами стравила?“ — „Виновата, батюшка,“ — смиренно отвѣчала Александра Степановна, у которой подогнулись колѣни, и страхъ подавилъ ея собственный бѣшеный нравъ, — „нарочно положила ихъ въ гостиной, да не догадалась полога повѣсить. Въ хлопотахъ да въ радости изъ ума вонъ“ . . . — „Ты съ радости не догадалась! Да развѣ я тебя не знаю? Да какъ ты осмѣлилась сдѣлать это супротивъ брата, супротивъ меня? Какъ осмѣлилась осрамить отца на старости?“ . . . Можетъ быть, дѣло бы тѣмъ и кончилось, то есть, крикомъ, бранью и угрозами или какимъ нибудь тычкомъ, но Александра Степановна не могла перенесть, что ей достается за Софью Николавну, надѣялась, что гроза пройдетъ благополучно, забыла, что всякое возраженіе — новая бѣда, не вытерпѣла и промолвила: „понапрасну терплю за нее“. Новый страшный припадокъ гнѣва овладѣлъ Степаномъ Михайловичемъ, того гнѣва, который не проходилъ даромъ и оканчивался страшными, отвратительными послѣдствіями . . . Уже готово было сорваться съ языка страшное слово . . . Но Арина Васильевна, вдова Нагаткина и Танюша, стоявшія за дверью, видя бѣду, отважились войти въ горницу къ Степану Михайловичу. Онѣ бросились въ ноги старику и завопили голосомъ. Каратаевъ, съ ними же стоявшій, убѣжалъ въ рощу и, схвативъ палку, обивалъ, ломалъ невинные березовые сучья, вымещая на нихъ за свою жену. Елизавета Степановна не осмѣлилась даже войти, чувствуя, что у самой совѣсть не чиста, и зная, что отецъ хорошо это понимаетъ. „Батюшка, Степанъ Михайловичъ,“ — голосила Арина Васильевна, —

„воля твоя свята, дѣлай, что тебѣ угодно, — мы всѣ въ твоей власти, — только не позорь насъ, не срами своего рода передъ невѣсткой; она человѣкъ новый, ты ее до смерти перепугаешь“ . . . Вѣроятно, эти слова образумили старика. Помолчавъ съ минуту, онъ оттолкнулъ ногой Александру Степановну и закричалъ: „Вонъ! и не смѣй показываться на глаза, покуда не позову!“ Никто не дожидался дальнѣйшихъ приказаній; въ одну минуту горница опустѣла, и все стало тихо вокругъ Степана Михайловича, у котораго еще долго темны и мутны были голубые зрачки глазъ, долго тяжело онъ дышалъ, и грудь его высоко подымалась, потому что онъ сдержалъ свое бѣшенство, не удовлетворилъ своему разгорѣвшемуся гнѣву.

Давно кипѣлъ самоваръ на столѣ въ гостиной, но не въ тѣни у крылечка, потому что на дворѣ было сыро: дождь только что пересталъ лить, какъ изъ ведра. Природа точно сочувствовала происходившему въ домѣ Багровыхъ. Съ самаго обѣда двѣ тучи, одна другой чернѣе, сошлись посрединѣ неба и долго стояли на одномъ мѣстѣ, перебрасываясь огнями молній и потрясая воздухъ громовыми ударами. Наконецъ все это разрѣшилось дождевымъ ливнемъ, тучи провалили на востокъ, и яркое солнце открылось на западѣ. Свѣжѣе, ароматнѣе стали луга и лѣса, громче, веселѣе запѣли птицы . . . но не такъ бываетъ послѣ грозы страстей человѣческихъ!

Арина Васильевна съ дочерьми, кромѣ Александры Степановны, которая сказалась больною, и съ зятемъ Каратаевымъ (Ерлыкинъ еще не возвращался подъ предлогомъ болѣзни) собрались въ гостиную. Степанъ Михайловичъ спросилъ чаю къ себѣ въ горницу и приказалъ сказать, чтобъ никто не ходилъ къ нему. У молодыхъ была заперта дверь; но, подождавъ ихъ нѣсколько времени, рѣшились постучаться; они сейчасъ вышли, и хотя Софья Николавна была, повидимому, весела, а Алексѣй Степанычъ въ самомъ дѣлѣ былъ веселѣе,

чѣмъ прежде, но не трудно было догадаться по ихъ лицамъ, что между ними произошло что нибудь необыкновенное. О совершившихся событіяхъ въ горницѣ Степана Михайловича они ничего не знали. Что же касается до Арины Васильевны съ дочерьми, то онѣ похожи были на людей, которыхъ только что вытащили изъ воды или выхватили изъ огня. Жаль, что некому было наблюдать, а то всѣ эти лица, безъ сомнѣнія, представляли богатую и разнообразную мимическую картину. Разговоры не клеились и шли очень вяло. Отсутствіе Степана Михайловича и Александры Степановны было слишкомъ подозрительно, и Софья Николавна подъ какимъ то предлогомъ ушла въ свою спальню, позвала Парашу — и загадка объяснилась. Въ дѣвичьей знали всю подноготную: вопервыхъ, Мазанъ и Танайченокъ слышали всю исторію, а вовторыхъ, и старая барыня, и молодая барышня привыкли все сообщать своимъ прислужницамъ, слѣдовательно, Параша могла сдѣлать своей барынѣ точное и подробное донесенье. Софья Николавна очень перетревожилась. Она никакъ не ожидала такихъ страшныхъ послѣдствій, очень раскаивалась въ томъ, что сказала свекру о проклятыхъ крысахъ, и очень искренно сожалѣла объ Александрѣ Степановнѣ. Воротясь въ гостиную, она просила позволенья у свекрови навѣстить больную сестрицу, но ей отвѣчали, что она спитъ. Покуда уходила Софья Николавна, успѣли разсказать Алексѣю Степанычу обо всемъ. Въ десять часовъ кое-какъ поужинали и сейчасъ разошлись по своимъ угламъ. Оставшись наединѣ съ мужемъ, Софья Николавна въ волненіи и слезахъ бросилась къ нему на шею и съ глубокимъ чувствомъ раскаянья вновь просила у него прощенья, обвиняя себя гораздо болѣе, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ виновата. Алексѣй Степанычъ не понялъ прекраснаго источника этой сердечной муки, этихъ искреннихъ слезъ своей молодой жены. Ему только жалко было смотрѣть, какъ она убивалась по-

напрасну, и онъ старался ее утѣшить, говоря, что слава Богу все кончилось благополучно, и что они къ этому привыкли, что завтра батюшка проснется веселъ, проститъ сестрицу Александру Степановну, что все пойдетъ попрежнему прекрасно. Онъ только упрашивалъ Софью Николавну, чтобъ она ни съ кѣмъ не объяснялась и не просила прощенья въ своей невольной винѣ, что она хотѣла сдѣлать, и совѣтовалъ не ходить къ батюшкѣ завтра поутру до тѣхъ поръ, покуда онъ самъ не позоветъ. Яснѣе, чѣмъ когда нибудь, поняла Софья Николавна своего мужа и огорчилась до глубины души . . . Онъ проспалъ всю ночь преспокойно, — она всю ночь не спала.

Степанъ Михайловичъ тяжело перенесъ припадокъ гнѣва, да и совѣстно ему было противъ невѣстки, которая могла узнать о случившемся. Прямому его сердцу противенъ былъ всякій низкій и злонамѣренный поступокъ, а тутъ въ поступкѣ дочери онъ еще видѣлъ нарушеніе своихъ правъ и власти. Онъ чуть не захворалъ, не ужиналъ, не сидѣлъ на своемъ крылечкѣ, даже старосты не видалъ, а передалъ ему приказанія черезъ слугъ. Благодатный мракъ ночи, уясняющій наше внутреннее зрѣніе, тишина, а потомъ сонъ, раздаватель благъ и умиритель тревогъ, произвели, однако, свое благотворное дѣйствіе. На слѣдующій день, рано поутру, Степанъ Михайловичъ призвалъ Арину Васильевну и велѣлъ ей передать его приказаніе дочерямъ; разумѣется, оно непосредственно относилось къ Александрѣ и отчасти къ Елизаветѣ Степановнѣ, „чтобъ и виду не было никакого неудовольствія, и чтобъ невѣстка ничего замѣтить не могла“. Черезъ нѣсколько времени подали самоваръ, позвали всю семью и молодыхъ. Арина Васильевна, по счастію, успѣла черезъ сына попросить свою невѣстку, чтобъ она развеселила свекра, который, дескать, не совсѣмъ здоровъ и какъ то не веселъ, и невѣстка, несмотря на проведенную ночь безъ сна, несмотря на то, что на сердцѣ у ней было нерадостно, исполнила, какъ нельзя

лучше, желаніе свекрови, которому, конечно, сочувствовали всѣ, и всѣхъ больше сама Софья Николавна.

Софья Николавна была удивительная женщина! Ея живая, воспріимчивая, легко волнуемая природа могла мгновенно увлекаться порывами ума или сердца и мгновенно превращаться изъ одного существа въ другое, совершенно не похожее на первое. Впослѣдствіи называли это свойство притворствомъ и грубо ошибались. Это была какая то артистическая способность вдругъ переселиться въ другую сферу, въ другое положеніе, поддаваться безусловно своей мысли и желанью, вполнѣ искреннему и потому всѣхъ увлекающему. Мысль и желаніе успокоить встревоженнаго свекра, котораго она горячо полюбила, который за нее вступился, за нее встревожился, за нее разстроился въ здоровьи; мысль успокоить мужа и его семью, напуганную и обиженную за нее по милости ея невоздержнаго языка, такъ безгранично овладѣла живымъ воображеніемъ и чувствами Софьи Николавны, что она явилась какимъ то чуднымъ, волшебнымъ существомъ, — и скоро покорилось неотразимому обаянью все, ее окружавшее. Она сама разливала чай; сама успѣвала подавать чашки, сначала свекру, а потомъ свекрови и даже другимъ. Со всѣми успѣвала говорить и такъ ловко, такъ кстати, такъ весело, что свекоръ совершенно повѣрилъ, что она ничего вчерашняго не знала, повѣрилъ — и самъ развеселился. Его веселость также имѣла сообщительное свойство, и черезъ часъ не было уже замѣтно слѣдовъ вчерашней бури.

Прямо изъ за обѣда молодые отправились съ свадебными визитами въ Неклюдово къ Калминскимъ и въ Луневку (въ двухъ верстахъ отъ Неклюдова) къ знакомой намъ Ф. И. Луневской. Въ Неклюдовѣ жилъ Иларіонъ Николаевичъ Калминскій съ женою своею Катериной Ивановной. Это былъ человѣкъ въ своемъ родѣ очень замѣчательный, не получившій никакого научнаго образованія, но очень умный и начи-

танный, вышедшій изъ простолюдиновъ (говорили, что онъ изъ мордвы), дослужившійся до чина надворнаго совѣтника и женившійся по расчету на дочери деревенскаго помѣщика и стариннаго дворянина. Въ настоящее время онъ предался хозяйству и жадно копилъ деньги. Калминскій имѣлъ претензію быть вольнодумцемъ и философомъ; его звали вольтерьянцемъ, разумѣется тѣ, которые слыхали о Вольтерѣ. Въ семействѣ своемъ онъ жилъ уединенно и отдѣльно, предоставляя себѣ полную свободу къ удовлетворенію своихъ нестрогихъ наклонностей и вкусовъ. Софья Николавна слыхала о немъ, но никогда его не видала, потому что онъ служилъ въ Петербургѣ и недавно былъ переведенъ прямо въ Оренбургъ. Она очень удивилась, найдя въ немъ умнаго, по тогдашнему образованнаго человѣка и щеголевато одѣтаго по городской модѣ. Сначала такая неожиданность была для нея пріятна, но скоро кощунство и нравственный цинизмъ въ семейныхъ отношеніяхъ, которыми хозяинъ не замедлилъ пощеголять передъ городской красавицей, поселили въ ней отвращеніе къ нему, сохранившееся навсегда. Супруга его въ нравственныхъ качествахъ ничѣмъ не отличалась отъ своей сестрицы Луневской, но была несравненно ея умнѣе. Посидѣвъ съ часъ времени у Калминскихъ, молодые отправились къ Луневской, гдѣ также пробыли съ часъ. Въ обоихъ домахъ кушали чай и домашнее варенье, приправляемые такими разговорами, которые приводили въ ужасъ Софью Николавну. Оба семейства были приглашены на обѣдъ въ воскресенье. По необъяснимой странности нѣкоторыхъ духовныхъ явленій, иногда поразительныхъ по своей непослѣдовательности, Ф. И. Луневская съ перваго взгляда чрезвычайно полюбила Софью Николавну и, провожая ее, наговорила уже такихъ любезностей, отъ которыхъ надобно было или краснѣть, или хохотать; но тѣмъ не менѣе онѣ выражали горячее сочувствіе и даже увлеченье. За часъ до ужина воротились молодые домой, и были встрѣчены Сте-

паномъ Михайловичемъ на извѣстномъ крылечкѣ съ необыкновеннымъ радушіемъ и удовольствіемъ. Особенно забавляло Степана Михайловича, что Флена Иванова горячо полюбила его невѣстку, безпрестанно ее цѣловала и говорила, что она ей родная по *душенькѣ,* распрелюбезная сестрица. Даже послѣ ужина, вопреки обыкновенію, опять всей семьей перешли на крылечко, посидѣли и весело поболтали съ старикомъ въ ночной прохладѣ, подъ звѣзднымъ небомъ, при слабомъ бѣловатомъ свѣтѣ потухающей зари, что любилъ Степанъ Михайловичъ, самъ не зная почему.

Остальные два дня до воскресенья, то есть до дня торжественнаго свадебнаго обѣда, какого никогда еще не бывало въ Багровѣ, прошли безъ замѣчательныхъ событій. Ерлыкинъ воротился изъ Бугуруслана желтый и больной, какимъ всегда бывалъ послѣ запоя. Степанъ Михайловичъ зналъ несчастную слабость или болѣзнь своего зятя и лѣчилъ его какими то отвратительными настойками, но безуспѣшно. Въ трезвенномъ состояніи Ерлыкинъ имѣлъ сильное отвращеніе отъ хмельного и не могъ поднести ко рту рюмки вина безъ содроганія, но раза четыре въ годъ вдругъ получалъ непредолимое влеченіе ко всему спиртному; пробовали ему не давать, но онъ дѣлался самымъ жалкимъ, несчастнымъ и безъ умолку говорливымъ существомъ, плакалъ, кланялся въ ноги и просилъ вина: если же и это не помогало, то приходилъ въ неистовство, въ бѣшенство, даже посягалъ на свою жизнь. Софьѣ Николавнѣ все это разсказали, она чрезвычайно сожалѣла о немъ, ласково заговорила, стараясь какъ нибудь втянуть его въ дружескую бесѣду; но напрасно: суровый, мрачный и гордый генералъ непреклонно молчалъ. Елизавета Степановна, вмѣсто благодарности, обижалась участьемъ невѣстки къ деверю и съ колкостью давала ей это почувствовать. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и сдѣлалъ строгій выговоръ своей умной дочери, которая за то еще болѣе не взлюбила свою невѣстку.

Два раза возилъ Степанъ Михайловичъ Софью Николавну для прогулки въ ржаныя и яровыя поля, въ заповѣдный лѣсъ, называемый *потаеннымъ колкомъ,* и на свои любимые горные родники. Старику казалось, что все это очень занимало и очень нравилось его дорогой невѣсткѣ, но ей положительно все не нравилось. Одно только поддерживало духовныя силы Софьи Николавны: мысль, что она скоро уѣдетъ и постарается никогда не заглянуть въ Багрово. Если бы кто нибудь сказалъ ей, что она будетъ жить въ немъ постоянно, до старости, и даже кончитъ жизнь, она бы не повѣрила и отвѣчала бы искренно, что лучше согласна умереть... но только къ тому человѣкъ не привыкнетъ и того не перенесетъ, чего Богъ не пошлетъ!

Наступило воскресенье. Начали къ обѣду съѣзжаться гости; пріѣхала изъ Старой Мертовщины Марья Михайловна, и пріѣхали изъ Неклюдовщины и Луневки Калминскіе и Луневскіе, пріѣхали изъ Бугуруслана старый холостякъ-судья и старый же холостякъ-городничій. Пріѣхала и сосѣдка, маленькая, худенькая, говорливая старушонка, Афросинья Андревна (фамиліи не помню, да никто и не называлъ ее по фамиліи) изъ своей деревушки. Это была знаменитая лгунья, которую любилъ по временамъ слушать Степанъ Михайловичъ, какъ слушаетъ иногда съ удовольствіемъ дѣтскія волшебныя сказки и взрослый человѣкъ...

Но Афросинья Андревна стоитъ того, чтобъ съ нею хоть немного познакомиться. Афросинья Андревна жила нѣкогда по тяжебному дѣлу десять лѣтъ въ Петербургѣ: наконецъ выиграла тяжбу и переѣхала въ свою деревушку. Она вывезла изъ Питера множество такихъ диковинныхъ разсказовъ, что, слушая ихъ, Степанъ Михайловичъ смѣялся до слезъ. Между прочимъ она разсказывала, что была знакома на короткой ногѣ съ императрицей Екатериной Алексѣевной, и прибавляла въ поясненіе, что, живя десять лѣтъ въ одномъ городѣ, нельзя

же было не познакомиться. „Стою я одинъ разъ въ церкви,“ — говорила вдохновенная разсказчица, — „обѣдня отошла; государыня проходитъ мимо меня, я низко поклонилась и осмѣлилась поздравить съ праздникомъ: а она, матушка ея величество, и изволила проговорить: „Здравствуй, Афросинья Андревна! что твое дѣло? Что ты не ходишь ко мнѣ по вечерамъ съ чулкомъ? Мы бы съ тобой отъ скуки поговорили“. Съ тѣхъ поръ я и ну ходить всякій день. Познакомилась съ придворными. Всѣ во дворцѣ до единаго человѣка меня знали и любили. Куда, бывало, ни пошлютъ, за какими нибудь покупками что ли, придворный лакей ужъ непремѣнно ко мнѣ заѣдетъ и обо всемъ разскажетъ. Ну, разумѣется, ужъ всегда поднесешь ему рюмку вина: нарочно для этого всегда штофикъ держала. Одинъ разъ сижу я у окошка, эдакъ подъ вечеръ, вижу — скачетъ верховой придворный лакей, весь въ красномъ съ гербами; немного погодя — другой, а тамъ и третій, — я ужъ не вытерпѣла, подняла окошко, да и кричу: „Филиппъ Петровичъ, Филиппъ Петровичъ! что это вы разскакались, да и ко мнѣ не заѣдете?“ — „Некогда, матушка Афросинья Андревна,“ — отвѣчаетъ лакей, — „такая бѣда случилась, свѣчъ во дворцѣ недостало, а скоро понадобятся“. — „Постойте, кричу, да заѣзжайте ко мнѣ, у меня есть въ запасѣ пять фунтиковъ, возьмите“... Обрадовался мой Филиппъ Петровичъ... Сама къ нему и свѣчки вынесла и выручила ихъ изъ бѣды. Ну, такъ какъ же было, батюшка Степанъ Михайловичъ, имъ не любить меня?“

Степанъ Михайловичъ ко многимъ особенностямъ своего нрава присоединялъ и эту странность, что будучи заклятымъ врагомъ, ненавидя всякую намѣренную ложь, даже малѣйшій обманъ, утайку, очень простительную при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, — любилъ слушать безвредное лганье и хвастанье (какъ онъ выражался) людей простодушныхъ, предающихся съ какимъ то увлеченіемъ, съ какой то наивностью, даже съ

вѣрою, небылицамъ своего воображенія. Не только въ веселомъ обществѣ, но даже наединѣ, если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, Степанъ Михайловичъ охотно бесѣдовалъ съ Афросиньей Андревной, которая цѣлые часы съ жаромъ разсказывала исторію десятилѣтняго своего пребыванія въ Петербургѣ, всю составленную въ томъ же духѣ, какъ и приведенный мною маленькій образчикъ.

Теперь обратимся къ съѣхавшимся гостямъ въ Багрово. Что за кафтанъ былъ на судьѣ, что за мундиръ на городничемъ, и вдобавокъ ко всему, между двухъ деревенскихъ чучелъ въ женскомъ платьѣ, то есть между женой и своячиницей, Калминскій во французскомъ шитомъ кафтанѣ, съ двумя часовыми цѣпочками, съ перстенями на пальцахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ золотыми пряжками. Нечего дѣлать, и Степанъ Михайловичъ пріодѣлся, и всѣ родные принарядились. Острый, сатирическій умъ Чичагова потѣшался надъ этой смѣсью костюмовъ и особенно надъ своимъ пріятелемъ Калминскимъ. Ему неловко было это дѣлать, потому что его жена и Софья Николавна, которымъ онъ все это говорилъ, были неразлучны и сидѣли поодаль. Софьѣ Николавнѣ большого труда стоило не смѣяться; она старалась не слушать и убѣдительно просила Чичагова замолчать, а всего лучше заняться разговорами съ достопочтеннымъ Степаномъ Михайловичемъ, что онъ исполнилъ, и въ короткое время очень полюбилъ старика, а старикъ полюбилъ его. Калминскаго хозяинъ не жаловалъ и за то, что онъ „происшедшій“, и за то, что онъ еретикъ и развратникъ.

Можно себѣ представить, что обѣдъ былъ приготовленъ на славу. На этотъ разъ Степанъ Михайловичъ отказался отъ всѣхъ исключительно любимыхъ блюдъ: сычуга, жаренаго свиного хребта (красная часть) и зеленой ржаной каши. Достали гдѣ то другого повара поискуснѣе. О столовыхъ припасахъ нечего и говорить: поеный шестинедѣльный теленокъ,

до уродства откормленная свинья и всякая домашняя птица, жирные бараны — всего было припасено вдоволь. Столъ ломился подъ кушаньями и блюда не умѣщались не немъ, а тогда было обыкновенье: всѣ блюда ставить на столъ предварительно. Исторія началась съ холодныхъ кушаній: съ окорока ветчины и съ буженины, прошпигованной чеснокомъ; затѣмъ слѣдовали горячія: зеленыя щи и раковый супъ, сопровождаемые подовыми пирожками и слоенымъ паштетомъ: непосредственно за тѣмъ подавались ботвинья со льдомъ, съ свѣжепросольной осетриной, съ уральскимъ балыкомъ и цѣлою горою чищеныхъ раковыхъ шеекъ на блюдѣ; соусовъ было только два: съ солеными перепелками на капустѣ и съ фаршированными утками подъ какой то красной слизью съ изюмомъ, черносливомъ, шенталой и урюкомъ. Соусы были уступка модѣ. Степанъ Михайловичъ ихъ не любилъ и называлъ болтушками. Потомъ показались чудовищной величины жирнѣйшій индюкъ и задняя телячья нога, напутствуемые солеными арбузами, дынями, моченными яблоками, солеными груздями и опенками въ уксусѣ; обѣдъ заключился кольцами съ вареньемъ и битымъ или дутымъ яблочнымъ пирогомъ съ густыми сливками. Все это запивалось наливками, домашнимъ мартовскимъ пивомъ, квасомъ со льдомъ и кипучимъ медомъ. И все это кушали, не пропуская ни одного блюда, и все благополучно переносили гомерическіе желудки нашихъ дѣдовъ и бабокъ! Кушали не торопясь, и потому обѣдъ продолжался долго. Кромѣ того, что блюдъ было много, и блюдъ, какъ мы видѣли, основательныхъ, капитальныхъ, лакеи, какъ свои, такъ и гостиные (то есть, пріѣхавшіе съ гостями), служить не умѣли, только суетились и толкались другъ о друга, угрожая безпрестанно облить кого нибудь соусомъ или сокомъ изъ подъ буженины.

Обѣдъ былъ вполнѣ веселый; по правую сторону хозяина сидѣла Марья Михайловна, а по лѣвую — Чичаговъ, который

часъ отъ часу болѣе и болѣе нравился Степану Михайловичу и который одинъ въ состояніи былъ оживить самое скучное общество. Подлѣ Марьи Михайловны сидѣли молодые, подлѣ Софьи Николавны — ея пріятельница Катерина Борисовна, возлѣ которой помѣстился Калминскій и цѣлый обѣдъ любезничалъ съ обѣми молодыми дамами, успѣвая въ то же время перекидываться иногда забавнымъ словцомъ съ Алексѣемъ Степанычемъ и — ѣсть за двоихъ, вознаграждая себя тѣмъ за строгій постъ, который добровольно держалъ дома по своей необыкновенной скупости. Сосѣдомъ Чичагова былъ Ерлыкинъ, который одинъ въ цѣлой компаніи ѣлъ мало, пилъ одну холодную воду, молчалъ, смотрѣлъ мрачно, значительно. Около хозяйки сидѣли племянницы, дочери и прочіе гости. Послѣ обѣда перешли въ гостиную, гдѣ два стола были уставлены сластями. На одномъ столѣ стоялъ круглый китайскаго фарфора *конфетный приборъ* на кругломъ же желѣзномъ подносѣ, раззолоченномъ и раскрашенномъ яркими цвѣтами; приборъ состоялъ изъ какихъ то продолговатыхъ ящиковъ съ крышками, плотно вставляющихся въ фарфоровыя же перегородки: въ каждомъ ящичкѣ было веренье: малиновое, клубничное, вишенное, смородинное трехъ сортовъ и костяничное, а въ серединѣ прибора, въ кругломъ, какъ бы небольшомъ соусникѣ, помѣщался сухой розовый цвѣтъ. Этотъ конфетный сервизъ, который теперь считался бы драгоцѣнной рѣдкостью, прислалъ въ подарокъ свояку Николай Ѳедоровичъ Зубинъ. Другой столъ былъ уставленъ тарелочками съ бѣлымъ и чернымъ кишмишемъ, урюкомъ, шепталой, финиками, винными ягодами и съ разными орѣхами: кедровыми, грецкими, рогатыми, фисташками и миндалемъ въ скорлупѣ. Вставъ изъ за стола, Степанъ Михайловичъ былъ такъ веселъ, что даже не хотѣлъ ложиться спать. Всѣ видѣли, да онъ и хотѣлъ это показать, какъ онъ любитъ и доволенъ своей невѣсткой, и какъ она любитъ и уважаетъ свекра. Онъ часто обращался

къ ней во время обѣда, требуя разныхъ мелкихъ услугъ: то-то мнѣ подай, того то мнѣ налей, выбери мнѣ кусочекъ по своему вкусу, потому что, дескать, у насъ съ невѣсткой одинъ вкусъ; напомни мнѣ, что, бишь, я намедни тебѣ сказалъ; разскажи-ка намъ, что ты мнѣ тогда то говорила, я какъ то запамятовалъ... Наконецъ и послѣ обѣда: то поди прикажи, то поди принеси... и множество тому подобныхъ мелочей, тонкихъ вниманій, ласковыхъ обращеній, которыя, несмотря на ихъ простую, незатѣйливую отдѣлку и грубоватую иногда форму, были произносимы такимъ голосомъ, сопровождались такимъ выраженіемъ внутренняго чувства, что ни въ комъ не осталось сомнѣнія, что свекоръ *души не слышитъ* въ невѣсткѣ. Не нужно и говорить, съ какою любовью и благодарностью отвѣчала Софья Николавна на всѣ малѣйшія, для многихъ неуловимыя, разнообразныя проявленія любви къ ней непреклонно строгаго свекра. Въ порывѣ веселости Степанъ Михайловичъ вытащилъ было на сцену Луневскую и, будто ничего не зная, громко ее спросилъ: „Что, Флена Ивановна, приглянулась ли тебѣ моя невѣстка?“ Флена Ивановна съ восторгомъ, удвоеннымъ пивомъ и наливками, начала увѣрять, божиться и креститься, что она свою дочь Лизаньку такъ не любитъ, какъ полюбила Софью Николавну съ перваго взгляда, и что какое счастье послалъ Богъ братцу Алексѣю Степанычу! „То-то же,“ — сказалъ ей значительно Степанъ Михайловичъ, — „теперь ты другимъ голосомъ поешь; такъ не сбивайся же“... Но въ эту минуту Софья Николавна, можетъ быть, не желавшая, чтобъ такого рода разговоръ продолжалъ развиваться, приступила съ убѣдительными просьбами къ свекру, чтобъ онъ прилегъ отдохнуть, хоть на короткое время, на что онъ согласился. Невѣстка проводила его, даже сама опустила пологъ и, получивъ почетное и лестное ей приказанье, чтобъ всѣ гости были заняты и веселы, поспѣшила къ гостямъ. Кое-кто легли отдохнуть, а всѣ остальные пошли на островъ

и разсѣлись тамъ въ древесной тѣни, надъ свѣтлою рѣкою. Вспомнила Софья Николавна происходившую тутъ недавно неразумную свою вспышку, вспомнила свои несправедливые упреки мужу, вспомнила, что они надолго его огорчили, — и закипѣло у нея сердце, и хотя видѣла она Алексѣя Степаныча теперь совершенно счастливымъ и радостнымъ, громко смѣющимся какому то двусмысленному анекдоту Калминскаго, но она увлекла его въ сторону, бросилась къ нему на шею и со слезами на глазахъ сказала: „Прости меня, мой другъ, и забудь навсегда все, что здѣсь происходило въ день нашего пріѣзда!“ Алексѣй Степанычъ очень былъ не радъ слезамъ, но поцѣловалъ свою жену, поцѣловалъ обѣ ея ручки и, добродушно сказавъ: „Какъ это ты, душа моя, вспомнила такіе пустяки; что тебѣ за охота себя тревожить?“ ... поспѣшилъ дослушать любопытный анекдотъ, очень забавно разсказываемый Калминскимъ. Конечно, въ сущности нечѣмъ было огорчаться, а стало на ту минуту грустно Софьѣ Николавнѣ.

Старикъ скоро проснулся и приказалъ всѣхъ звать къ себѣ передъ крылечко, въ широкую густую тѣнь своего дома, гдѣ кипѣлъ самоваръ; для всѣхъ были разставлены кресла, стулья и столы. Невѣстка разливала чай; явились самыя густыя сливки съ подрумянившимися толстыми пѣнками, сдобныя булки и крендели, и всему этому опять нашлось мѣсто въ желудкахъ нѣкоторыхъ посѣтителей. Послѣ чая Калминскіе и Луневская уѣхали, потому что имъ ѣхать было недалеко, всего 15 верстъ, и потому что ночевать въ домѣ рѣшительно было негдѣ. Бугурусланскіе гости также отправились домой.

На другой день поутру уѣхали Марья Михайловна съ Чичаговыми, а послѣ обѣда отправились Ерлыкины, чтобъ ожидать посѣщенія молодыхъ на возвратномъ пути въ Уфу. Въ этотъ же день вечеромъ безъ церемоній сказалъ Степанъ

Михайловичъ, что пора и *остальнымъ гостямъ ко дворамъ,* и что онъ хочетъ послѣдніе дни провести съ сыномъ и невѣсткой и потолковать съ ними безъ помѣхи. Разумѣется, на другой же день гости разъѣхались. Александра Степановна простилась такъ ласково съ невѣсткой, какъ смогла, а невѣстка простилась съ золовкой съ непритворнымъ чувствомъ удовольствія. Свекоръ точно разгадалъ ея тайное желаніе пожить съ ними нѣсколько дней безъ золовокъ. Она благословляла мысленно догадливаго старика. Съ Аксиньей же Степановной, которую старикъ звалъ *добрухой* и *простухой,* и *майоршей,* когда бывалъ веселъ, Софья Николавна простилась съ искреннимъ чувствомъ благодарности и родственной любви. Все это видѣлъ старикъ насквозь. Свекровь и Танюша были не помѣха, вопервыхъ, потому, что отъ природы были добрѣе и лучше расположены къ невѣсткѣ, а во-вторыхъ, потому, что онѣ часто удалялись и оставляли ихъ наединѣ между собою.

Три дня еще прожили молодые въ Багровѣ въ совершенномъ спокойствіи духа, не наблюдаемые безпрестанно зоркимъ недоброхотствомъ, не смущаемые ни притворными ласками, ни ядовитыми намеками. Утихли легко раздражаемые нервы Софьи Николавны, и она могла съ большимъ безпристрастіемъ обглядѣться вокругъ себя, признать и понять особый міръ, въ которомъ она находилась. Разумнѣе, снисходительнѣе смотрѣла она на чуждыхъ ей во всѣхъ отношеніяхъ свекровь и меньшую золовку; съ меньшимъ увлеченьемъ взглянула на свекра и поняла изъ какой среды вышелъ ея мужъ: поняла отчасти, что онъ не могъ быть другимъ человѣкомъ и что долго, часто, а можетъ быть, всегда станутъ они подчасъ не понимать другъ друга. Послѣдняя мысль слишкомъ легко пролетѣла у ней въ головѣ, и прежнія обольстительныя мечты перевоспитанья, перерожденья Алексѣя Степаныча овладѣли ея пылкимъ умомъ. То, что безпрестанно

случается въ жизни съ большею частью молодыхъ женщинъ, то же происходило и съ Софьей Николавной: сознаніе въ неравенствѣ съ собою, сознаніе въ нѣкоторой ограниченности чувствъ и понятій своего мужа, нисколько не мѣшало ей пламенно и страстно къ нему привязываться — и уже начинала мелькать у нея неясная мысль, что онъ не такъ ее любитъ, какъ можетъ любить, потому что не безгранично преданъ онъ любви своей, потому что не ею одною онъ занятъ, потому что любитъ и прудъ, и островъ, и степь, населенную куликами, и воду съ противною ей рыбою. Чувство ревности еще безъ имени, безъ предмета, уже таилось въ ея горячемъ сердцѣ, и темно, смутно предчувствовала она что то недоброе въ будущемъ. Степанъ Михайловичъ, также до того времени нѣсколько смущаемый собственными постоянными наблюденіями надъ чувствами и поступками своихъ дочерей, съ большимъ спокойствіемъ разглядѣлъ свою невѣстку и даже своего сына. Онъ былъ такъ уменъ, несмотря на то, что не получилъ никакого образованія, такъ тонко понималъ, несмотря на то, что выражался грубо, по топорному, что почувствовалъ все неравенство природы этихъ двухъ существъ, и — крѣпко призадумался. Нельзя сказать, чтобъ онъ нерадостно смотрѣлъ на ихъ теперешнюю взаимную любовь, на эту нѣжную предупредительность, на это ничѣмъ не отвлекаемое, страстное вниманіе Софьи Николавны къ своему мужу, — нѣтъ, онъ веселился, глядя на нихъ, но съ примѣсью какого то опасенья, съ какою то неполнотою вѣры въ прочность и въ продолжительность этого прекраснаго явленія. Онъ много, подолгу бесѣдовалъ съ ними и съ обоими вмѣстѣ, и съ каждымъ порознь. Хотѣлось бы ему что то имъ высказать, на что то указать, дать какіе то полезные совѣты; но когда онъ начиналъ говорить, то неясно понимаемыя имъ чувства и мысли не облекались въ приличное слово, и ограничивался онъ обыкновенными пошлыми выраженіями, тѣмъ не менѣе исполненными

вѣчныхъ нравоучительныхъ истинъ, завѣщанныхъ намъ опытною мудростью давно живущаго человѣчества и подтверждаемыхъ собственнымъ нашимъ опытомъ. Ему было досадно, и онъ откровенно говорилъ о томъ своей умной невѣсткѣ, которая, однако, не могла понять, что вертѣлось на умѣ и таилось въ душѣ у старика. Онъ говорилъ своему сыну: „Жена у тебя больно умна и горяча, можетъ, иногда скажетъ тебѣ и лишнее; не балуй ее, сейчасъ останови и вразуми, что это не годится, пожури, но сейчасъ же прости, не дуйся, не таи на душѣ досады, если чѣмъ недоволенъ; выскажи ей все на прямыя денежки; но вѣрь ей во всемъ; она тебя ни на кого не промѣняетъ". Онъ говорилъ также наединѣ Софьѣ Николавнѣ: „Дорогая невѣстушка, всѣмъ тебя Богъ не обидѣлъ, одно скажу тебѣ, не давай воли своему горячему сердцу; мужъ у тебя добрый и честный человѣкъ; нравъ у него тихій, и ты отъ него никогда терпѣть не будешь никакой обиды; не обижай его сама. Чти его и поступай съ уваженьемъ. Не станешь почитать мужа, — пути не будетъ. Что онъ скажетъ или сдѣлаетъ не такъ, не по твоему, — промолчи, не всяко лыко въ строку, не всяка вина виновата. Больно я тебя полюбилъ, вижу я тебя всю! Ради Бога, не переливай черезъ край; все хорошо вмѣру, даже ласки и угожденья" . . .

Сынъ принималъ отцовскія наставленія съ привычнымъ благоговѣньемъ, невѣстка съ пылкимъ и благодарнымъ чувствомъ дочери. Много было и всякихъ другихъ разговоровъ: о будущемъ житьѣ-бытьѣ въ Уфѣ, о дальнѣйшей службѣ Алексѣя Степаныча, о средствахъ для городской жизни. Обо всемъ условились обстоятельно и всѣ были довольны.

Наконецъ наступилъ послѣдній день отъѣзда. Сняли штофныя гардины и занавѣсъ, сняли съ подушекъ атласныя и кисейныя наволочки съ широкими кружевами, все это уложили и отправили въ Уфу; напекли и нажарили разныхъ по-

дорожниковъ; привезли того же отца Василія и отслужили молебенъ „о путешествующихъ“. Послали заготовить лошадей уже не въ Нойкино, а въ Коровино, за 40 верстъ, потому что туда должны были довезти ихъ домашніе кони — тотъ же славный шестерикъ, на которомъ катались молодые съ свадебными визитами. Въ послѣдній разъ отобѣдали вмѣстѣ; въ послѣдній разъ попотчевалъ Степанъ Михайловичъ свою дорогую невѣстку любимыми блюдами. Карета стояла уже у крыльца. Вставъ изъ за стола, перешли въ гостиную, сѣли, замолчали; Степанъ Михайловичъ перекрестился и всталъ; всѣ перекрестились, встали, помолились Богу и начали прощаться. Всѣ, кромѣ Степана Михайловича, плакали, но и онъ едва крѣпился. Благословляя и обнимая невѣстку, онъ шепнулъ ей на ухо: „Порадуй же меня внучкомъ“. Софья Николавна покраснѣла до ушей и молча цѣловала у старика руки, которыхъ онъ уже не отнималъ. У крыльца стояла вся дворня и почти всѣ крестьяне. Нѣкоторые было вздумали прощаться съ молодыми, но Степанъ Михайловичъ не любилъ прощаній и проводовъ и закричалъ: „Куда вы лѣзете! поклонитесь, да и будетъ“. Только и успѣла Софья Николавна поцѣловаться съ Ѳедосьей да съ Петромъ. Проворно сѣли молодые въ свою карету и, какъ перышко, подхватили ее съ мѣста крѣпкіе кони. Степанъ Михайловичъ, накрывъ рукою глаза отъ солнца, нѣсколько мгновеній слѣдилъ за облакомъ пыли, стараясь разглядѣть въ немъ улетающій экипажъ и, когда карета выбралась къ господскому гумну на крутую гору, воротился въ свою горницу и легъ почивать.

Пятый отрывокъ изъ Семейной хроники.

Жизнь въ Уфѣ.

Въ первыя минуты Софьѣ Николавнѣ было жаль свекра, грустно, что она разсталась съ нимъ: образъ старика, полюбившаго ее, огорченнаго теперь разлукою съ невѣсткой, такъ и стоялъ передъ нею; но скоро мѣрное покачиванье кареты, мелькающія въ окна поля, небольшіе пролѣски, горный хребетъ, подлѣ котораго шла дорога, произвели свое успокоительное дѣйствіе, и Софья Николавна почувствовала живую радость, что уѣхала изъ Багрова. Радость эта была такъ сильна, что она не умѣла скрыть ее, хотя понимала, что для мужа будетъ это непріятно. Алексѣй Степанычъ былъ грустенъ болѣе, казалось ей, чѣмъ должно. Можетъ быть, и послѣдовали бы какія нибудь объясненія; но, слава Богу, ихъ не было: мѣшало присутствіе Параши. Быстро прокатилась карета черезъ Нойкино, привѣтствуемая дружелюбными и веселыми восклицаніями попадавшейся навстрѣчу мордвы, по плохому мосту переѣхала Насягай при впаденіи въ него рѣчки Боклы, промелькнула черезъ Полибино и, опять переѣхавъ Насягай, наконецъ, достигла Коровина, гдѣ ждали нашихъ молодыхъ приготовленныя обывательскія лошади. Багровскіе кони должны были нѣсколько часовъ отдохнуть и выкормиться, чтобъ на зарѣ отправиться домой. Софья Николавна запаслась бумагой и чернильницей съ перомъ, и написала къ свекру и свекрови благодарное, горячее письмо, которое, конечно, относилось къ одному Степану Михайловичу: онъ все понялъ и спряталъ

письмо въ секретный ящикъ своего небольшого шкапа, гдѣ никто его не видалъ, и гдѣ черезъ восемъ лѣтъ, уже послѣ его кончины, нечаянно нашла свое письмо Софья Николавна. Лошадей заложили, и молодые, простившись съ кучеромъ и форейторомъ, которымъ былъ на этотъ разъ долгоногій Танайченокъ, отправились въ дальнѣйшій путь. Судьба захотѣла побаловать Софью Николавну; заѣхать въ деревню Ерлыкиныхъ было невозможно. Мостъ на какой то глубокой рѣкѣ, которую, своротивъ всторону на Ерлыкино, необходимо слѣдовало переѣхать, подгнилъ и развалился; починки его надобно было ожидать очень долго, и молодые Багровы отправились прямо въ Уфу. Отъ какого скучнаго и тягостнаго посѣщенія избавило это обстоятельство молодую женщину! Подъѣзжая къ Уфѣ, Софья Николавна предалась исключительно чувству горячей дочерней любви. Больной отецъ, уже слишкомъ двѣ недѣли ее не видавшій, тоскующій по ней въ одиночествѣ на рукахъ нерадивой прислуги, безпрестанно представлялся ея пылкому воображенію. Перевозъ черезъ рѣку Бѣлую на дрянномъ поромѣ, задержавшій путешественниковъ слишкомъ часъ, подъемъ на крутую гору, также очень медленный, — все это вмѣстѣ взволновало нервы Софьи Николавны, раздражило ея нетерпѣливую природу, и она, пріѣхавъ наконецъ домой, съ лихорадочнымъ волненіемъ подбѣжала къ спальнѣ своего отца и тихо отворила дверь . . . Старикъ лежалъ въ обыкновенномъ своемъ положеніи, и подлѣ него, на самыхъ тѣхъ креслахъ, на которыхъ всегда сидѣла Софья Николавна, сидѣлъ лакей Калмыкъ.

Но объ этомъ Калмыкѣ надобно разсказать подробно. Въ тѣ времена въ Уфимскомъ намѣстничествѣ было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ покупать киргизятъ и калмычатъ обоего пола у ихъ родителей или родственниковъ; покупаемыя дѣти дѣлались крѣпостными слугами покупателя. Лѣтъ за тридцать до разсказываемаго мною случая Николай Ѳедоро-

вичъ Зубинъ купилъ двухъ калмыченковъ, окрестилъ ихъ, очень полюбилъ, баловалъ и, когда они подросли, выучилъ грамотѣ и приставилъ ходить за собою. Оба были умны, ловки и, казалось, очень усердны; но когда поднялась Пугачевщина, они бѣжали къ бунтовщикамъ. Одинъ вскорѣ погибъ, а другой, особенно любимый господиномъ, по имени Николай, сдѣлался любимцемъ знаменитаго бунтовщика Чики, бывшаго, въ свою очередь, любимцемъ Пугачева. Извѣстно, что шайка бунтующей сволочи долго стояла подъ Уфою, на другомъ берегу рѣки Бѣлой. Въ ней находился Николай Калмыкъ, уже въ какомъ то значительномъ чинѣ. Разсказывали, что онъ свирѣпствовалъ больше всѣхъ и особенно грозился на своего господина и воспитателя, Зубина. Есть преданіе, что всякій разъ, когда бунтовщики намѣревались переправиться черезъ Бѣлую, чтобъ завладѣть беззащитнымъ городомъ, имъ казалось, что множество войска выступало на крутой противоположный берегъ рѣки, и что какой то старикъ, съ копьемъ и крестомъ въ рукѣ, на бѣлой, какъ снѣгъ, лошади, предводительствовалъ войскомъ. Всякій разъ трусливыя шайки бродягъ со страхомъ оставляли свое намѣреніе и, мѣшкая такимъ образомъ, дождались извѣстія, что Пугачевъ разбитъ. Разумѣется, бунтовщики разбѣжались во всѣ стороны. Дѣло Пугачевское кончилось. Разсыпавшуюся сволочь перехватали и предали суду. Николай Калмыкъ также былъ схваченъ и приговоренъ къ висѣлицѣ. Нисколько не ручаюсь за достовѣрность разсказа, но меня увѣряли, что на Калмыка, котораго судили въ Уфѣ, была надѣта уже петля, но что, по дарованному помѣщикамъ праву, Зубинъ простилъ своего прежняго любимца и взялъ его къ себѣ на свое поручительство и отвѣтственность. Калмыкъ, повидимому, раскаялся и старался усердною угодливостью загладить свое преступленіе. Мало по малу онъ вкрался въ довѣренность своего господина, и когда Софья Николавна послѣ смерти мачехи вступила въ управленіе домомъ, она на-

шла уже Калмыка дворецкимъ и любимцемъ своего отца, особенно потому, что онъ былъ любимцемъ покойной ея мачехи. Николай Калмыкъ, какъ человѣкъ очень хитрый, сдѣлавшій много оскорбленій затоптанной въ грязь барышнѣ, понималъ свое положеніе и прикинулся кающимся грѣшникомъ, сваливая всѣ вины на покойницу и обвиняя себя только въ рабскомъ исполненіи ея приказаній. Великодушная четырнадцатилѣтняя госпожа, для которой тогда ничего не стоило навсегда удалить Калмыка, повѣрила его раскаянью, простила и сама упросила отца оставить Николая въ прежней должности. Впослѣдствіи она не всегда была имъ довольна за самовольство его распоряженій и двусмысленную трату денегъ; она даже замѣчала, что онъ втайнѣ былъ ближе къ ея отцу, чѣмъ бы она желала; но видя, какъ онъ усердно ходитъ за больнымъ господиномъ (у котораго въ комнатѣ всегда спалъ), какъ успѣваетъ въ то же время отлично исполнять должность дворецкаго, она довольствовалась легкими выговорами и оставляла Калмыка спокойно укореняться во всѣхъ его должностяхъ. Сдѣлавшись невѣстою, Софья Николавна сама должна была позаботиться о своемъ приданомъ, должна была много времени проводить съ женихомъ и, слѣдовательно, менѣе быть съ отцомъ и менѣе заниматься хозяйствомъ. Николай Калмыкъ воспользовался благопріятными обстоятельствами и съ каждымъ днемъ болѣе овладѣвалъ больнымъ старикомъ. Надѣясь вскорѣ избавиться отъ госпожи и самъ сдѣлаться господиномъ въ домѣ, онъ сталъ наглѣе и менѣе скрывалъ свою силу. Софья Николавна иногда рѣзко его осаживала и, къ сожалѣнію, замѣчала, что старикъ постоянно привыкалъ къ своему любимцу и подчинялъ себя его власти. Послѣдніе дни передъ свадьбой, первые дни послѣ свадьбы и, наконецъ, слишкомъ двухнедѣльный отъѣздъ въ Багрово дали возможность Калмыку вполнѣ овладѣть своимъ почти умирающимъ баріномъ, и первый взглядъ на сидящаго въ креслахъ лакея, чего прежде никогда

не бывало, открылъ Софьѣ Николавнѣ настоящее положеніе дѣлъ. Она такъ взглянула на любимца, что онъ смѣшался и сейчасъ ушелъ. Старикъ далеко не такъ обрадовался дочери, какъ она могла ожидать, и поспѣшилъ объяснить, что онъ самъ насильно заставляетъ иногда Калмыка сидѣть возлѣ него на креслахъ. Софья Николавна, сказавъ: „Напрасно вы это дѣлаете, батюшка; вы его избалуете и принуждены будете прогнать: я лучше васъ его знаю“. . . не вошла въ дальнѣйшія объясненія и поспѣшила выразить свою сердечную радость, что нашла больного не въ худшемъ положеніи. Пришелъ Алексѣй Степанычъ, и старикъ, растроганный искреннею нѣжностью своей дочери, искреннею ласковостью своего зятя, взаимною любовью обоихъ, слушалъ всѣ ихъ разсказы съ умиленіемъ и благодарилъ Бога со слезами за ихъ счастіе. Софья Николавна съ живостью занялась устройствомъ своего житья, взяла себѣ въ домѣ три совершенно отдѣльныя комнаты и въ нѣсколько дней такъ распорядилась своимъ помѣщеніемъ, что могла принимать къ себѣ гостей, нисколько не безпокоя больного. Она принялась было попрежнему распоряжаться хозяйствомъ своего отца и уходомъ за нимъ, отодвинувъ Калмыка на второстепенное мѣсто главнаго исполнителя ея приказаній; но всегда ненавидѣвшій ее Калмыкъ уже чувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобъ не побояться открытой борьбы съ молодою своею барыней. Удвоивъ заботливость около старика Зубина, онъ съ неимовѣрною хитростью умѣлъ оскорблять его дочь на каждомъ шагу, особенно ея смиреннаго мужа; съ нимъ онъ былъ такъ дерзокъ, что, несмотря на кроткій и тихій нравъ, Алексѣй Степанычъ терялъ терпѣнье и говорилъ своей женѣ, что оставаться имъ въ такомъ положеніи невозможно. Нѣсколько времени Софья Николавна щадила больного старика и думала своими внушеніями остановить Николая въ предѣлахъ сноснаго приличія! она надѣялась на его умъ, надѣялась на то, что онъ долженъ

знать ея твердый характеръ и не рѣшится довести ее до крайности, но злобный азіатецъ (какъ его всѣ въ домѣ называли) былъ заранѣе увѣренъ въ псбѣдѣ и старался вызвать Софью Николавну на горячую вспышку. Онъ давно уже успѣлъ внушить старику, что прежняя барышня, а теперешняя молодая барыня терпѣть не можетъ его, вѣрнаго Калмыка, и что непремѣнно захочетъ его прогнать; отъ такихъ словъ больной приходилъ въ ужасъ, клялся и божился, что лучше согласится умереть, чѣмъ отпустить его. Софья Николавна пробовала, въ самыхъ ласковыхъ и нѣжныхъ словахъ, намекнуть отцу, что Калмыкъ забывается передъ ея мужемъ и такъ дурно исполняетъ ея приказанія, что она видитъ въ этомъ умыселъ — вывесть ее изъ терпѣнія. Николай Ѳедоровичъ приходилъ въ волненіе, не хотѣлъ ничего слушать, говорилъ, что онъ Калмыкомъ совершенно доволенъ, просилъ оставить Калмыка въ покоѣ и употреблять вмѣсто него другого человѣка для исполненія ея приказаній. Много, дорого стоило вспыльчивой молодой женщинѣ, привыкшей къ полновластному господству въ домѣ своего отца, переносить дерзкія оскорбленія отъ „подлаго холопа“! Но она такъ любила отца, находила такое счастіе въ томъ, чтобы ходить за нимъ, покоить его, облегчать, по возможности, его страдальческое положеніе, что мысль оставить умирающаго старика въ полную зависимость негодяя Калмыка и другихъ слугъ долго не входила ей въ голову. Она укротила свою вспыльчивость и оскорбленную гордость: распоряжалась въ домѣ черезъ другого человѣка, зная въ то же время, что Калмыкъ измѣнялъ и перемѣнялъ всѣ ея распоряженія по своему произволу. Она выпросила у отца приказаніе, чтобъ Калмыкъ не входилъ въ его спальню, покуда она сидитъ тамъ; но это приказаніе было вскорѣ нарушено: подъ разными предлогами Николай безпрестанно входилъ въ комнату къ старику, да и самъ больной безпрестанно его спрашивалъ. Такое мучительное положеніе тянулось нѣсколько мѣсяцевъ.

Жизнь свою въ уфимскомъ обществѣ устроила Софья Николавна согласно своему желанію; съ пріятными для нея людьми она видалась часто, то у себя, то у нихъ; съ остальными видалась изрѣдка или считалась церемонными визитами. Алексѣя Степаныча и прежде всѣ знали, а теперь люди близкіе съ Софьей Николавной сблизились съ нимъ, полюбили его, и онъ очень хорошо улаживался въ новомъ своемъ положеніи, то есть, въ избранномъ обществѣ Софьи Николавны.

Между тѣмъ вскорѣ по возвращеніи въ Уфу Софья Николавна почувствовала особеннаго рода нездоровье, извѣстіе о которомъ привело Степана Михайловича въ великую радость. Продолженіе древняго рода Багровыхъ, потомковъ знаменитаго Шимона, было постояннымъ предметомъ думъ и желаній старика, смущало спокойствіе духа, торчало гвоздемъ у него въ головѣ. Получивъ вожделѣнное извѣстіе отъ сына, Степанъ Михайловичъ предался радостной надеждѣ и даже повѣрилъ, что у него непремѣнно будетъ внукъ. Семья всегда говорила, что онъ въ это время былъ необыкновенно веселъ. Онъ сейчасъ отслужилъ молебенъ за здравіе болярыни Софіи, простилъ какіе то долги сосѣдямъ и своимъ крестьянамъ, всѣхъ заставлялъ поздравлять его и поилъ всякаго допьяна. Въ пылу такой восторженности вдругъ вздумалось ему наградить свою чайницу и кофейницу Аксютку, которую онъ, Богъ знаетъ за что, постоянно жаловалъ. Аксютка была круглая крестьянская сирота, взятая во дворъ, *на сѣни*, съ семилѣтняго возраста единственно потому, что ее некому было кормить. Она была очень дурна лицомъ: рыжая, въ веснушкахъ, съ глазами неизвѣстнаго цвѣта и сверхъ того отвратительно неопрятна и зла. За что бы ее любить? А Степанъ Михайловичъ очень ее любилъ, и не проходило обѣда, чтобъ онъ не давалъ или не посылалъ со стола подачки своей Аксюткѣ: когда же она стала дѣвкой на возрастѣ, заставилъ по утрамъ наливать себѣ чай и разговаривалъ съ нею цѣлые часы.

Въ настоящее время Аксюткѣ было уже далеко за тридцать лѣтъ. И вотъ въ одно утро, черезъ нѣсколько дней послѣ радостной вѣсти изъ Уфы, Степанъ Михайловичъ говоритъ Аксюткѣ: „Что ты, дура, ходишь неряхой? Поди и переодѣнься хорошенько, по праздничному; я хочу тебя замужъ выдать“. Оскалила зубы Аксютка и, считая, что баринъ балагуритъ, отвѣчала: „Ну, кто на мнѣ, на сиротѣ, женится? Развѣ пастухъ Кирсанка“. Это былъ извѣстный дуракъ и уродъ. Степану Михайловичу стало какъ будто досадно, и онъ продолжалъ: „Ужъ если я посватаю — женится что ни лучшій парень. Пошла, одѣнься и мигомъ приходи ко мнѣ“. Въ радостномъ недоумѣніи ушла Аксютка, а Степанъ Михайловичъ велѣлъ позвать къ себѣ Ивана Малыша; мы отчасти уже знаемъ его. Это былъ двадцатичетырехлѣтній парень, кровь съ молокомъ, молодецъ въ полномъ смыслѣ и ростомъ, и дородствомъ, сынъ стариннаго усерднаго слуги, Бориса Петрова Хорева, умершаго въ Пугачевщину отъ заботъ, какъ всѣ думали, и сухоты при сохраненіи въ порядкѣ ввѣренныхъ его управленію крестьянъ Новаго Багрова, когда помѣщикъ бѣжалъ съ семьей въ Астрахань. Ивана потому звали Малышемъ, что у него былъ старшій братъ, также Иванъ, который прозывался Хоревъ, по прозвищу своего отца. Иванъ Малышъ выросъ передъ своимъ бариномъ, какъ листъ передъ травой. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ на него, полюбовался и сказалъ самымъ милостивымъ и ласковымъ голосомъ, отъ котораго у Малыша жилки задрожали: „Малышъ, я хочу тебя женить“. — „Ваша господская воля, батюшка Степанъ Михайловичъ“, отвѣчалъ душой и тѣломъ преданный слуга. „Поди же, принарядись и приходи ко мнѣ; да чтобъ одна нога тамъ, а другая здѣсь“. Малышъ опрометью побѣжалъ исполнить барскій приказъ. Аксютка, однако, пришла первая; она пригладила и примазала свои рыжіе волосы коровьимъ масломъ, напялила праздничную кофту съ юбкой, обулась въ башмаки — и не похорошѣла!

Она не могла удерживаться, и ротъ ея безпрестанно кривился отъ радостной улыбки; ей было стыдно отъ того, и она закрывала лицо рукою. Степанъ Михайловичъ смѣялся. „Что, любо, небось, хочется замужъ?“ говорилъ онъ... Соколомъ влетѣлъ Малышъ, и морозъ подралъ его по кожѣ при видѣ нарядной вороны, Аксютки. „Вотъ тебѣ невѣста,“ — весело сказалъ Степанъ Михайловичъ, — „она мнѣ хорошо служитъ, и отецъ твой мнѣ хорошо служилъ: я васъ не покину. Ариша,“ — сказалъ онъ, обратясь къ только что вошедшей женѣ, — „невѣстѣ сшить все приданое изъ господскаго добра и корову ей дать, и свадьбу сыграть господскимъ пивомъ, виномъ и харчами“. Противорѣчій не было. Свадьбу сыграли. Аксютка безъ памяти влюбилась въ красавца-мужа, а Малышъ возненавидѣлъ свою противную жену, которая была вдобавокъ старше его десятью годами. Аксютка ревновала съ утра до вечера и не безъ причины, а Малышъ колотилъ ее съ утра до вечера и также не безъ причины, потому что одно только полѣно и то не надолго, могло зажимать ей ротъ, унимать ея злой языкъ. Жаль, очень жаль! погрѣшилъ Степанъ Михайловичъ и сдѣлалъ онъ чужое горе изъ своей радости.

Я сужу объ этой его радости не столько по разсказамъ, какъ по его письму къ Софьѣ Николавнѣ, которое я самъ читалъ; трудно повѣрить, чтобы этотъ грубый человѣкъ, хотя умѣющій любить сильно и глубоко, какъ мы видѣли, могъ быть способенъ къ внѣшнему выраженію самой нѣжной, утонченной заботливости, какою дышало все письмо, исполненное совѣтовъ, просьбъ и приказаній — беречь свое здоровье. Къ сожалѣнію, я помню только нѣсколько словъ изъ этого письма. „Кабы ты жила со мной,“ — писалъ старикъ, между прочимъ, — „я бы не далъ на тебя вѣтру вѣнуть[1]) и порошинкѣ сѣсть“.

---

[1]) То есть, повѣять вѣтру.

Софья Николавна умѣла цѣнить любовь свекра, хотя понимала въ то же время, что половина любви относилась къ будущему наслѣднику, и обѣщалась свято исполнить его просьбы и приказанія. Но трудно было ей сдержать свое обѣщаніе. Кромѣ того, что она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя платятъ за счастіе быть матерью постоянно-болѣзненнымъ состояніемъ, болѣе тягостнымъ и мучительнымъ, чѣмъ всякая болѣзнь, — она страдала душой: отношенія къ отцу день ото дня становились огорчительнѣе, а дерзости Калмыка невыносимѣе. Алексѣй же Степанычъ, не видя ничего опаснаго въ постоянномъ нездоровьѣ женѣ, слыша отъ другихъ, что это дѣло обыкновенное, ничего не значитъ, скоро пройдетъ, хотя смотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ, но не слишкомъ возмущался, — и это огорчало Софью Николавну. Что же касается до жизни у тестя, то онъ привыкъ къ ней; избѣгалъ встрѣчи съ Калмыкомъ, занимался усердно своею должностью въ верхнемъ земскомъ судѣ, гдѣ скоро надѣялся быть прокуроромъ, и довольно спокойно дожидался перемѣны въ своемъ положеніи: это также не нравилось Софьѣ Николавнѣ. Такъ тянулось время нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я уже сказалъ, тянулось невесело для всѣхъ.

Но Калмыкъ не довольствовался такимъ положеніемъ дѣлъ. Онъ шелъ къ развязкѣ. Видя, что Софья Николавна побѣждаетъ свое справедливое негодованіе и свою горячность, онъ рѣшился вывести ее изъ терпѣнія; ему было нужно, чтобъ она вспылила и пожаловалась отцу, котораго онъ предупреждалъ не одинъ разъ, что ожидаетъ каждую минуту жалобы на себя отъ Софьи Николавны и требованія удалить его изъ дома. Не дожидаясь никакого особеннаго случая, никакого повода, Калмыкъ, въ присутствіи слугъ, въ двухъ шагахъ отъ молодой барыни, стоявшей у растворенныхъ дверей въ другой сосѣдней комнатѣ, прямо глядя ей въ глаза, началъ громко говорить такія дерзкія слова объ ней и объ ея мужѣ,

что Софья Николавна была сначала изумлена, ошеломлена такою наглостью; но скоро, опомнившись и не сказавъ ни одного слова Калмыку, бросилась она къ отцу и, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, передала ему слышанныя ею, почти въ лицо сказанныя его любимцемъ дерзости... Слѣдомъ за нею вошелъ Калмыкъ и, не давъ ей даже кончить, кукся глаза и крестясь на образъ, съ клятвою началъ увѣрять, что все это клевета, что онъ никогда ничего подобнаго не говаривалъ, и что грѣхъ Софьѣ Николавнѣ губить невиннаго человѣка!... „Слышишь, Сонечка, что онъ говоритъ?“ встревоженнымъ голосомъ произнесъ больной... Софья Николавна, пораженная до глубины души, забыла свою великодушную рѣшимость, забыла, что можетъ уморить отъ испуга старика, и такъ крикнула на его любимца, что онъ долженъ былъ уйти. Сказавъ отцу: „Послѣ такой обиды, батюшка, я съ Калмыкомъ не могу жить въ одномъ домѣ; выбирайте кого выгнать: меня или его“, какъ безумная выбѣжала она изъ комнаты больного. Старику сдѣлалось дурно. Калмыкъ поспѣшилъ къ нему на помощь: когда же, послѣ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ медицинскихъ средствъ, Николай Ѳедоровычъ оправился, онъ бесѣдовалъ долго со своимъ любимцемъ и, наконецъ, велѣлъ позвать къ себѣ дочь. „Сонечка,“ сказалъ онъ съ возможною для него твердостью и спокойствіемъ, — „я не могу, по моей болѣзни и слабости, разстаться съ Николаемъ: я имъ живу. Вотъ деньги, купите себѣ домъ Веселовскихъ“. Софья Николавна упала въ обморокъ, и была отнесена въ свою комнату.

Такъ вотъ какой имѣла исходъ эта нѣжная взаимная любовь отца и дочери, скрѣпленная, казалось, неразрывными узами временнаго охлажденія, произведеннаго покойною Александрой Петровной, потомъ раскаяніемъ и благодарностью со стороны виновнаго отца и пламенною безграничною горячностью невиноватой дочери, забывшей всѣ прежнія оскорбленія, — дочери, которая вышла замужъ именно за такого чело-

вѣка и съ такимъ условіемъ, чтобъ онъ не разлучалъ ея съ отцомъ!... И когда же она разстается въ нимъ?... Когда доктора не ручались уже и за мѣсяцъ его жизни! Доктора ошибались въ своемъ предсказаніи точно такъ, какъ ошибаются они и теперь: больной прожилъ еще болѣе года.

Когда пришла въ себя Софья Николавна и взглянула на испуганное блѣдное лицо своего Алексѣя Степаныча, она поняла и почувствовала, что есть существо, ее любящее: она обняла своего сокрушеннаго горемъ мужа, и ручьи слезъ облегчили ея сердце. Она разсказала все происшедшее между ею и отцомъ; разсказъ обновилъ всю горечь оскорбленія, уяснилъ безвыходность положенія, и она, конечно, пришла бы въ отчаяніе, если-бъ не поддержалъ ее этотъ добрый мужъ, слабый по своему характеру и менѣе ея дальновидный по своему уму, но зато не впадавшій въ крайности и не терявшій присутствія духа и разсудка въ тяжелыя минуты жизни. Можетъ быть, покажется страннымъ, что Алексѣй Степанычъ поддержалъ духъ Софьи Николавны; но эта необыкновенная женщина, несмотря на свой необыкновенный умъ и, повидимому, твердый нравъ, имѣла несчастное свойство упадать духомъ и совершенно теряться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поражалась ея душа нравственными неожиданными ударами. Какъ безпристрастный передаватель изустныхъ преданій, долженъ я сказать, что, сверхъ того, она была слишкомъ чувствительна къ суду свѣта, слишкомъ подчинялась ему, какъ бы ни стояла сама выше того круга, въ которомъ жила. Мысль, что скажетъ уфимскій свѣтъ, особенно значительныя дамы, въ немъ живущія, потомъ мысль, что подумаетъ мужнина семья, а всего болѣе, что скажетъ свекоръ, узнавъ, что Софья Николавна съѣхала отъ отца, — эти мысли язвили ея самолюбіе и гордость и терзали ее наравнѣ съ оскорбленнымъ чувствомъ дочерней любви. Ей одинаково казалось ужаснымъ: обвиненіе, падавшее на отца въ неблагодарности къ дочери,

и обвиненіе, падавшее на дочь въ недостаткѣ любви къ умирающему отцу. Выбора не было: что нибудь одно должны были подумать люди и кого нибудь должны были осудить... Глубокую жалость, смѣшанную съ изумленіемъ, чувствовалъ Алексѣй Степанычъ, глядя на такое терзаніе! Трудно, мудрено было приступиться къ Софьѣ Николавнѣ съ утѣшительными или успокоительными рѣчами. Пылкое ея воображеніе рисовало ужасныя картины и живописно передавало ихъ ея одушевленное, увлекательное слово. Она заранѣе уничтожала всякія попытки къ исходу изъ своего положенія, устраняла всякую надежду на примиреніе съ нимъ. Но любовь и душевная простота, которой недоставало Софьѣ Николавнѣ, научили Алексѣя Степаныча и, переждавъ первый неудержимый порывъ, вопль взволнованной души, онъ началъ говорить слова весьма обыкновенныя, но прямо выходившія изъ добраго простого сердца, и они, мало по малу, если не успокоили Софью Николавну, то, по крайней мѣрѣ, привели къ сознанію, къ пониманію того, что она слышитъ. Онъ говорилъ, что она до сихъ поръ исполняла долгъ свой, какъ дочь, горячо любящая отца, и что теперь надобно такъ же исполнить свой долгъ, не противорѣча и поступая согласно съ волею больного; что, вѣроятно, Николай Ѳедоровичъ давно желалъ и давно рѣшился, чтобъ они жили въ особомъ домѣ; что конечно трудно, невозможно ему, больному и умирающему, разстаться съ Калмыкомъ, къ которому привыкъ и который ходитъ за нимъ усердно; что батюшкѣ Степану Михайловичу надо открыть всю правду, а знакомымъ можно сказать, что Николай Ѳедоровичъ всегда имѣлъ намѣреніе, чтобы при его жизни дочь и зять зажили своимъ домомъ и своимъ хозяйствомъ; что Софья Николавна будетъ всякій день раза по два навѣщать старика и ходить за нимъ почти такъ же, какъ и прежде; что въ городѣ, конечно, всѣ узнаютъ со временемъ настоящую причину, потому что и теперь, вѣроятно, кое что знаютъ, будутъ бра-

нить Калмыка и сожалѣть о Софьѣ Николавнѣ. „Впрочемъ,“ — прибавилъ онъ, — „можетъ быть батюшка сказать то сказалъ, а разстаться съ тобой не рѣшится. Поговори съ нимъ и представь ему всѣ резоны“. Ничего не отвѣчала Софья Николавна и долго молчала, устремивъ вопросительный, изумленный взглядъ на мужа; правда простыхъ словъ и простоты душевной повѣяла на нее такъ успокоительно и отрадно, что они показались ей и новыми, и мудрыми. Дивилась она, какъ прежде ей самой не пришло все это въ голову, и съ благодарною любовью обняла Алексѣя Степаныча. Итакъ, было рѣшено, что Софья Николавна попытается убѣдить Николая Ѳедоровича, чтобы онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, чтобъ позволилъ имъ оставаться въ домѣ при совершенно отдѣльномъ хозяйствѣ, безъ всякаго соприкосновенія съ Калмыкомъ, оставаться, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, когда Софья Николавна, послѣ разрѣшенія отъ беременности, Богъ дастъ, совершенно оправится. Все это основывалось на самой убѣдительной причинѣ, то есть, что Софьѣ Николавнѣ, по ея положенію, вредно трястись въ экипажѣ по непроѣзднымъ уфимскимъ улицамъ, и что въ то же время никакая опасность не помѣшаетъ ей всякій день ѣздить къ больному. Объясненіе съ отцомъ не имѣло успѣха; старикъ спокойно и твердо сказалъ ей, что его рѣшеніе не было минутнымъ порывомъ, а давно обдуманнымъ дѣломъ. „Я напередъ зналъ, милая моя Сонечка,“ — такъ говорилъ Николай Ѳедоровичъ, — „что, вышедши замужъ, ты не можешь оставаться въ одномъ домѣ съ Николаемъ. Ты противъ него раздражена, и я не обвиняю тебя; онъ прежде былъ много виноватъ передъ тобою; ты простила ему, но забыть его оскорбленій не могла. Я знаю, что и теперь онъ бываетъ передъ тобой виноватъ, но тебѣ все уже кажется въ преувеличенномъ видѣ“... — „Батюшка“... прервала было его Софья Николавна; но старикъ не далъ ей продолжать, сказавъ: „Погоди, выслушай все, что я хочу сказать тебѣ.

Положимъ, что Калмыкъ, точно, такъ виноватъ, какъ ты думаешь; но въ такомъ случаѣ тебѣ еще болѣе невозможно жить съ нимъ подъ одною кровлею, а мнѣ — невозможно съ нимъ разстаться. Сжалься на мое бѣдное, безпомощное состояніе. Я уже трупъ недвижимый, а не человѣкъ; ты знаешь, что Калмыкъ двадцать разъ въ сутки долженъ меня ворочать съ боку на бокъ; замѣнить его никто не можетъ. Мнѣ одно только нужно — спокойствіе духа. Смерть стоитъ у меня въ головахъ. Каждую минуту я долженъ готовиться къ переходу въ вѣчность. Мысль, что Калмыкъ дѣлаетъ тебѣ непріятности, возмущала мой духъ безпрестанно. Нечего дѣлать, разстанемся, мой другъ, живите своимъ домомъ. Когда же ты будешь пріѣзжать ко мнѣ — ты не увидишь противнаго тебѣ человѣка: онъ охотно будетъ прятаться. Онъ добился, чего хотѣлъ, выжилъ тебя изъ дому и теперь можетъ обворовывать меня, сколько ему угодно . . . Я все это знаю и вижу, и все ему прощаю за неусыпное обо мнѣ попеченіе и денно, и нощно; онъ то выноситъ, ходя за мною, чего никакія человѣческія силы вынести не могутъ. Не огорчай же меня, возьми деньги и купи домъ въ Голубиной Слободкѣ на свое имя".

Не стану описывать разныхъ сомнѣній, колебаній, бореній съ собою, слезъ, мученій, уступокъ, охлажденій и новыхъ воспламененій Софьи Николавны. Довольно того, что деньги были взяты, домъ купленъ, и черезъ двѣ недѣли поселился въ немъ Алексѣй Степанычъ съ своею молодою женой. Домикъ былъ новенькій, чистенькій, никто въ немъ еще не жилъ. Софья Николавна сгоряча принялась, съ свойственною ей ретивостью, за устройство новаго своего жилья и житья-бытья, но здоровье ея, сильно страдавшее отъ болѣзненнаго положенія и еще сильнѣе пострадавшее отъ душевныхъ потрясеній, измѣнило ей; она сдѣлалась очень больна, пролежала недѣли двѣ въ постели и почти цѣлый мѣсяцъ не видѣла отца.

Первое свиданіе Софьи Николавны послѣ болѣзни съ Николаемъ Ѳедоровичемъ, который сталъ еще слабѣе, было жалко и умилительно. Старикъ стосковался по дочери, считалъ себя причиною ея болѣзни и мучился невозможностью ее увидѣть. Наконецъ они свидѣлись, обрадовались, и оба поплакали. Николай Ѳедоровичъ особенно огорчался тѣмъ, что Софья Николавна ужасно похудѣла и подурнѣла, чему причиною было не столько огорченіе и болѣзнь, сколько особенность ея положенія. У нѣкоторыхъ женщинъ въ эту пору измѣняется и даже искажается лицо: съ Софьей Николавной было точно то же. Черезъ нѣсколько времени дѣло обошлось, уладилось, и отношенія съ отцомъ приняли благопріятный видъ. Калмыкъ не показывался на глаза Софьѣ Николавнѣ. Одинъ Степанъ Михайловичъ не могъ примириться съ переѣздомъ дочери отъ умирающаго отца въ свой собственный домъ. Софья Николавна это предчувствовала и еще до болѣзни успѣла написать къ свекру самое откровенное письмо, въ которомъ старалась объяснить и оправдать, по возможности, поступокъ своего отца; но Софья Николавна хлопотала понапрасну: Степанъ Михайловичъ обвинялъ не Николая Ѳедоровича, а его дочь, и говорилъ, „что она должна была все перетерпѣть и виду непріятнаго не показывать, что бы шельма Калмыкъ ни дѣлалъ“. Онъ написалъ выговоръ Алексѣю Степанычу, зачѣмъ онъ позволилъ своей женѣ „бросить отца на рабьи руки“. — Необходимости разлучиться для сохраненія спокойствія умирающаго Степанъ Михайловичъ не понималъ, а равно и того, что можно женѣ дѣйствовать безъ позволенія мужа. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ мужъ и жена были совершенно согласны.

Для окончательнаго устройства своего новенькаго домика и маленькаго хозяйства Софья Николавна пригласила къ себѣ на помощь одну свою знакомую вдову, уфимскую мѣщанку Катерину Алексѣвну Чепрунову, женщину самую простую и предобрую, жившую гдѣ то въ слободѣ, въ собственномъ до-

мишкѣ, съ небольшимъ, однако, плодовитымъ садомъ, съ котораго получала небольшой доходъ. Сверхъ того, она содержала себя и единственнаго, обожаемаго кривого сынка своего Андрюшу переторжкою разнымъ мелкимъ товаромъ и даже продавала калачи на базарѣ. Главный ея доходъ состоялъ въ продажѣ бухарской выбойки, для покупки которой ежегодно ѣздила она на мѣну въ Оренбургъ. Катерина Алексѣвна Чепрунова была съ матерней стороны родственница Софьѣ Николавнѣ; но Софья Николавна имѣла слабость скрывать это родство, хотя всѣ въ городѣ о немъ знали. Катерина Алексѣвна души не чаяла въ своей знаменитой и блистательной родственницѣ, которую навѣщала, потихоньку отъ ея мачехи, въ тяжкое время униженія и гоненій и которая сдѣлалась явно благодѣтельницей Катерины Алексѣвны во время торжества и власти. Наединѣ Софья Николавна осыпала ласками безкорыстную, постоянно и горячо ее любившую родственницу и даже обходилась съ нею почтительно; при свидѣтеляхъ же, одна была покровительствуемая калачница, а другая — дочь товарища намѣстника. Но добрѣйшая Катерина Алексѣвна не только не оскорблялась тѣмъ, а даже требовала, чтобъ съ нею такъ обходились; она безгранично любила свою ненаглядную и родную ей красавицу и смотрѣла на нее, какъ на высшее благодѣтельное существо; она бы себя не взлюбила, если-бъ какъ нибудь помрачила блестящее положеніе Софьи Николавны. Разумѣется, тайна была открыта Алексѣю Степанычу, и онъ, несмотря на свое древнее дворянство, о которомъ довольно напѣвала ему семья, принялъ мѣщанку-торговку, какъ добрую родственницу своей жены, и во всю свою жизнь обходился съ ней съ ласкою и уваженіемъ; онъ хотѣлъ даже поцѣловать грубую руку калачницы, но та сама ни за что на это никогда не соглашалась. Только убѣдительныя просьбы Софьи Николавны принудили Алексѣя Степаныча не разсказывать объ этомъ родствѣ въ своей семьѣ и въ кругу

знакомыхъ. Зато какъ любила его простодушная Катерина Алексѣвна и какой горячей была заступницей за него впослѣдствіи, во всякихъ домашнихъ неудовольствіяхъ! Съ помощью этой то Катерины Алексѣвны, которая умѣла все найти и все купить дешево, устроилась Софья Николавна и скоро, и хорошо.

Въ городѣ довольно поговорили, порядили и посудили о томъ, что молодые Багровы купили себѣ домъ и живутъ сами по себѣ. Много было преувеличенныхъ и выдуманныхъ разсказовъ: но Алексѣй Степанычъ угадалъ: скоро узнали настоящую причину, отчего молодые оставили домъ отца: этому, конечно, помогъ болѣе всего Калмыкъ, который хвастался въ своемъ кругу, что выгналъ капризную молодую госпожу, раскрашивая ее при сей вѣрной оказіи самыми яркими красками. Итакъ, въ городѣ поговорили, порядили, посудили и — успокоились.

И вотъ, наконецъ, остались совершенно вдвоемъ молодые Багровы. По утрамъ уѣзжалъ Алексѣй Степанычъ къ своей должности въ верхній земскій судъ. Отправляясь туда, онъ завозилъ жену къ ея отцу, а возвращаясь изъ присутствія, заѣзжалъ самъ къ тестю и, пробывъ у него нѣсколько времени, увозилъ свою жену домой. Умѣренный обѣдъ ожидалъ ихъ. Обѣдъ съ глазу на глазъ, въ *собственномъ* домѣ, на собственныя деньги, имѣлъ свою прелесть для молодыхъ хозяевъ, которая, конечно, не могла продолжаться слишкомъ долго: къ чему не привыкаетъ человѣкъ? Софья Николавна, несмотря на свое болѣзненное состояніе и скудныя средства, умѣла убрать свой домикъ, какъ игрушечку. Вкусъ и забота замѣняютъ деньги, и многимъ изъ пріѣзжавшихъ въ гости къ молодымъ Багровымъ показался ихъ домикъ убраннымъ богато. Всего труднѣе было устроить прислугу: приданаго лакея Софьи Николавны, Ѳедора Михеева, женили на приданой же горничной, черномазой Парашѣ; а молодого слугу изъ Багрова,

Ефрема Евсеева, честнаго, добродушнаго и очень полюбившаго молодую барыню (чего нельзя было сказать про другихъ слугъ), обвѣнчали съ молоденькою прачкой Софьи Николавны, Анушкой. Честнаго Ефрема также очень полюбила молодая барыня и недаромъ. Этотъ рѣдкій человѣкъ цѣлою жизнью доказалъ ей свою преданность [1]).

Между тѣмъ уфимская жизнь приняла весьма правильное и однообразное теченіе. По нездоровью и непріятному расположенію духа Софья Николавна выѣзжала рѣдко и то къ самымъ короткимъ знакомымъ, изъ немногаго числа которыхъ, самыхъ короткихъ, то есть Чичаговыхъ, долго не было въ городѣ: они воротились съ матерью уже въ глубокую осень. Непріятное расположеніе духа Софьи Николавны, такъ тѣсно связанное съ разстройствомъ нервовъ, сначала очень огорчало и безпокоило Алексѣя Степаныча. Онъ ничего не понималъ

[1]) Евсеичъ (его звали всегда только по отчеству) впослѣдствіи былъ дядькой ея старшаго сына, за которымъ ходилъ съ отцовскою горячностью. Я зналъ коротко этого почтеннаго старика. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ я видѣлъ его уже слѣпого, доживавшаго свой вѣкъ въ Пензенской губерніи у одного изъ внуковъ Степана Михайловича Багрова. Мнѣ случилось прогостить тамъ цѣлый лѣтній мѣсяцъ. Каждый день, рано поутру, приходилъ я удить въ проточномъ прудѣ на рѣчкѣ Какармѣ, при впаденіи ея въ прекрасную рѣку Инзу; на самомъ берегу пруда стояла изба, въ которой жилъ Евсеичъ. Каждый день, подходя въ пруду, видѣлъ я этого уже дряхлаго, сгорбленнаго, сѣдого какъ лунь старика, стоявшаго, прислонясь къ углу своей избы, прямо противъ восходящаго солнца; костлявыми пальцами обѣихъ рукъ опирался онъ на длинную палку, прижавъ ее къ своей груди и устремивъ слѣпые глаза навстрѣчу солнечнымъ лучамъ. Онъ не видѣлъ свѣта, но чувствовалъ теплоту его, столь пріятную въ свѣжести утренняго воздуха, и грустно-радостно было выраженіе его лица. Слухъ его былъ такъ чуткъ, что онъ издали узнавалъ мою походку и весело, какъ старый рыбакъ привѣтствуетъ молодого, привѣтствовалъ меня, хотя мнѣ самому было уже пятьдесятъ лѣтъ. „А, это ты, соколикъ! (такъ привыкъ онъ звать меня въ молодости). Пора! Дай Богъ клевъ на рыбу!“ — Года черезъ два онъ скончался на рукахъ дочери, сына и жены, которая пережила его нѣсколькими годами.

въ этомъ дѣлѣ: больныхъ безъ болѣзни, огорченныхъ безъ горя или, наоборотъ, заболѣвающихъ отъ безпричинной грусти и грустныхъ отъ небывалой или незамѣтной болѣзни, онъ не встрѣчалъ во всю свою жизнь. Видя, однако, что ничего важнаго или опаснаго нѣтъ, онъ началъ привыкать мало по малу и успокоился. Онъ убѣдился въ той мысли, что все это одно воображеніе. Этою мыслью онъ и прежде объяснялъ себѣ разныя волненія и огорченія Софьи Николавны въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ доискаться видимой, понятной для него причины. Онъ пересталъ безпокоиться, но зато началъ иногда понемногу скучать. Дѣло было совершенно естественно. Какъ ни любилъ Алексѣй Степанычъ жену, какъ ни жалко было ему смотрѣть, что она безпрестанно огорчается, — но слушать ежедневно, по цѣлымъ часамъ, постоянныя жалобы на свое положеніе, весьма обыкновенное, слушать печальныя предчувствія и даже предсказаніе о будущихъ несчастныхъ послѣдствіяхъ своей беременности, небывалые признаки которыхъ Софья Николавна умѣла отыскивать при помощи своихъ медицинскихъ книжныхъ свѣдѣній съ необыкновеннымъ искусствомъ и остроуміемъ; слушать упреки тончайшей требовательности, къ удовлетворенію которой рѣдко бываютъ способны мужья, конечно, было скучновато. Софья Николавна это видѣла и огорчалась до глубины души. Если-бъ она находила въ своемъ мужѣ вообще недостатокъ чувствъ, неспособность любить безгранично, она бы скорѣе примирилась съ своимъ положеніемъ. „Чего Богъ не далъ, того негдѣ взять“, часто говаривала она сама и, признавая разумность такой мысли, она покорилась бы своей судьбѣ; но, къ несчастью, страстная, восторженная любовь Алексѣя Степаныча, когда онъ былъ женихомъ, убѣдила ее, что онъ способенъ пламенно любить и вѣчно любилъ бы ее точно такъ же, если-бъ не охладѣлъ почему то въ своихъ чувствахъ... Несчастная эта мысль овладѣла постепенно воображеніемъ Софьи Николавны.

Изобрѣтательный ея умъ всему находилъ множество причинъ и множество доказательствъ; причинами она считала: неблагопріятныя внушенія семьи, свое болѣзненное состояніе, а всего болѣе — потерю красоты, потому что зеркало безжалостно показывало ей, какъ она измѣнилась, какъ подурнѣла. Доказательства она находила въ томъ, что Алексѣй Степанычъ равнодушенъ къ ея опасеніямъ, не обращаетъ полнаго вниманія на ея положеніе, не старается ее утѣшить и развлечь, а главное, что онъ веселѣе, охотнѣе говоритъ съ другими женщинами, — и вспыхнуло, какъ порохъ, таившееся въ глубинѣ души, несознаваемое до сихъ поръ, мучительное, зоркое и слѣпое въ то же время, чувство ревности! Начались ежедневныя объясненія, упреки, слезы, ссоры и примиренія!... И ни въ чемъ еще не былъ виноватъ Алексѣй Степанычъ: внушеніямъ семьи онъ совершенно не вѣрилъ, да и самый сильный авторитетъ въ его глазахъ былъ, конечно, отецъ, который своею благосклонностью къ невѣсткѣ возвысилъ ее въ глазахъ мужа; объ ея болѣзненномъ состояніи сожалѣлъ онъ искренно, хотя, конечно, не сильно, а на потерю красоты смотрѣлъ, какъ на временную потерю, и заранѣе веселился мыслью, какъ опять расцвѣтетъ и похорошѣетъ его молодая жена; онъ не могъ быть веселъ, видя, что она страдаетъ, но не могъ сочувствовать всѣмъ ея предчувствіямъ и страхамъ, думая, что это одно пустое воображеніе; къ тонкому вниманію онъ былъ, какъ и большая часть мужчинъ, неспособенъ; утѣшать и развлекать Софью Николавну въ дурномъ состояніи духа было дѣло поистинѣ мудреное: какъ разъ не угодишь и попадешь впросакъ: не поправишь, а испортишь дѣло: къ этому требовалось много искусства и ловкости, которыхъ онъ не имѣлъ. Можетъ быть, точно онъ говорилъ веселѣе и охотнѣе съ другими женщинами, потому что не боялся ихъ какъ нибудь огорчить или раздражить пустыми словами, сказанными невпопадъ. Но не такъ смотрѣла Софья Николавна на это дѣло, да и не

могла смотрѣть иначе по своей природѣ, въ которой все прекрасное легко переходило въ излишество, въ крайность. Какъ тутъ быть, если у одного нервы толсты, крѣпки и здоровы, а у другого тонки, нѣжны и болѣзненны? Если приходили они въ сотрясеніе у Софьи Николавны отъ того, что не дотрогивалось до нервовъ Алексѣя Степаныча? Одни только Чичаговы понимали нравственныя причины печальнаго положенія молодыхъ Багровыхъ и, хотя Софья Николавна и еще менѣе Алексѣй Степанычъ ничего имъ не открывали, но они приняли въ нихъ живое участіе и своимъ дружескимъ вниманіемъ, а всего болѣе частыми посѣщеніями, присутствіемъ своимъ, умными и дѣльными разговорами много успокоивали пылкую голову Софьи Николавны и много сдѣлали добра на то время и ей, и ея мужу.

Въ такомъ положеніи находились молодые Багровы до того времени, когда Софья Николавна сдѣлалась матерью. Несмотря на частыя душевныя огорченія, она въ послѣдніе два мѣсяца поправилась въ своихъ физическихъ силахъ и благополучно родила дочь. Конечно, Софья Николавна и еще болѣе Алексѣй Степанычъ желали имѣть сына; но когда мать прижала къ сердцу свое дитя, для нея уже не существовало разницы между сыномъ и дочерью. Страстное чувство материнской любви овладѣло ея душой, умомъ, всѣмъ нравственнымъ существомъ ея. Алексѣй Степанычъ благодарилъ только Бога, что Софья Николавна осталась жива, радовался, что она чувствуетъ себя хорошо, и сейчасъ помирился съ мыслью, зачѣмъ не родился у него сынъ.

Но въ Багровѣ было совсѣмъ не то! Степанъ Михайловичъ такъ увѣрилъ себя, что у него родится внукъ, наслѣдникъ рода Багровыхъ, что не вдругъ повѣрилъ появленію на свѣтъ внучки. Наконецъ прочиталъ собственными глазами письмо сына и, убѣдясь, что дѣло не подлежитъ сомнѣнію, огорчился не на шутку: отмѣнилъ приготовленное крестьянамъ

угощеніе, не захотѣлъ самъ писать къ невѣсткѣ и сыну, а велѣлъ только поздравить *роженицу съ животомъ и дочерью*, да приказалъ назвать новорожденную Прасковьей[1]) въ честь любимой своей сестры Прасковьи Ивановны Куролесовой. Угадывая напередъ его желаніе, малюткѣ еще на молитвѣ дали имя Прасковьи. — И жалко, и забавно было смотрѣть на досаду Степана Михайловича! Даже семья посмѣивалась промежъ себя потихоньку. По разумности своей старикъ очень хорошо зналъ, что гнѣваться было не на кого, но въ первые дни онъ не могъ овладѣть собою, — такъ трудно ему было разстаться съ сладкою надеждой или, лучше сказать, съ увѣренностью, что у него родится внукъ и что, авось, не погибнетъ знаменитый родъ Шимона. Онъ велѣлъ убрать съ глазъ, спрятать подальше родословную, которая уже лежала у него на постели въ ожиданіи радостнаго извѣстія, и въ которую онъ всякій день собирался внести имя внука. Онъ запретилъ своей дочери Аксиньѣ Степановнѣ ѣхать въ Уфу, чтобъ быть крестной матерью новорожденной Багровой, и съ досадой сказалъ: „Вотъ еще! семь верстъ киселя есть! ѣхать крестить дѣвочку! Каждый годъ пойдетъ родить дочерей, такъ не наѣздишься!“ Впрочемъ время взяло свое, и чрезъ нѣсколько дней разгладились морщины (которыя на сей разъ никого не пугали) на лбу Степана Михайловича, и мысль, что, можетъ быть, черезъ годъ невѣстка родитъ ему внука, успокоила старика. Онъ написалъ ласковое письмо невѣсткѣ, шутя ее побранилъ и шутя приказалъ, чтобъ черезъ годъ былъ у ней сынъ.

Софья Николавна такъ предалась новому своему чувству, такъ была охвачена новымъ міромъ материнской любви, что даже не замѣтила признаковъ неудовольствія свекра и не обратила вниманія на то, что Аксинья Степановна не пріѣхала

---

[1]) Т. е. Надеждой, въ честь Надежды Ивановны Куроѣдовой.

крестить ея дочь. Съ трудомъ удержали Софью Николавну девять дней въ постели. Она чувствовала себя такъ хорошо, что на четвертый день могла, пожалуй, хоть танцовать... Но не танцовать хотѣлось ей, а ходить, няньчиться, не спать и день, и ночь съ своею Парашенькой, которая родилась худенькою и слабенькою, вѣроятно, вслѣдствіе того, что мать носила ее, будучи безпрестанно больна и душой, и тѣломъ. Кормить своего ребенка не позволили ей доктора или, лучше сказать, докторъ Андрей Юрьевичъ Авенаріусъ, человѣкъ очень умный, образованный и любезный, который былъ короткимъ пріятелемъ и ежедневнымъ гостемъ у молодыхъ Багровыхъ. При первой возможности Софья Николавна повезла свою малютку къ дѣдушкѣ, то есть къ своему отцу, Николаю Ѳедоровичу. Она думала, что видъ этой крошки обрадуетъ больного старика, что онъ найдетъ въ ней сходство съ покойною первою женой своею Вѣрой Ивановной. Сходства этого, вѣроятно, не бывало, потому что младенцы, по моему мнѣнію, не могутъ походить на взрослыхъ, но Софья Николавна во всю свою жизнь утверждала, что первая дочь, какъ двѣ капли воды, была похожа на бабушку. Старикъ Зубинъ уже приближался къ концу земного своего поприща, разрушался тѣлесно и духовно. Онъ равнодушно взглянулъ на младенца, едва могъ перекрестить его и сказалъ только: „Поздравляю тебя, Сонечка“. Софья Николавна была очень огорчена и труднымъ положеніемъ своего отца, котораго болѣе мѣсяца не видала, и его равнодушіемъ къ ея ангелу-Парашенькѣ.

Но скоро надъ люлькой своей дочери забыла молодая мать весь окружающій ее міръ! Всѣ интересы, всѣ другія привязанности поблѣднѣли передъ материнскою любовью, и Софья Николавна предалась новому своему чувству съ безумiемъ страсти. Ничьи руки, кромѣ ея собственныхъ рукъ, не прикасались къ малюткѣ. Она сама подавала свою Пара-

шеньку кормилицѣ, сама поддерживала ее у груди и не безъ огорченія смотрѣла, какъ другая, чужая женщина кормила ея дочь... Трудно повѣрить, но дѣйствительно было такъ! Софья Николавна впослѣдствіи сама признавалась въ томъ, что она не могла выносить, если Парашенька долго оставалась у груди кормилицы, отнимала ее голодную и закачивала на своихъ рукахъ или въ люлькѣ, напѣвая колыбельныя пѣсни. Софья Николавна перестала видаться со своими знакомыми и даже съ другомъ своимъ, Катериной Борисовной Чичаговой. Разумѣется, всѣмъ это казалось или странно, или смѣшно, а людямъ близкимъ и досадно. На самое короткое время пріѣзжала она каждый день къ отцу и каждый разъ возвращалась въ страхѣ: не больна ли ея дочь? Она предоставила своему мужу полную свободу заниматься чѣмъ ему угодно, и Алексѣй Степанычъ, посидѣвъ нѣсколько дней дома и увидѣвъ, что Софья Николавна не обращаетъ на него вниманія, даже выгоняетъ изъ маленькой дѣтской для того, чтобы передышенный воздухъ не былъ вреденъ дитяти, а сама отъ малютки не отходитъ, сталъ одинъ выѣзжать въ гости, сначала изрѣдка, потомъ чаще, наконецъ каждый день, и принялся играть отъ скуки въ рокомболь и бостонъ. Нѣкоторыя уфимскія дамы подшучивали надъ молодымъ, оставленнымъ мужемъ, любезничали съ нимъ и говорили, что онѣ обязаны занимать и утѣшать сироту, за что Софья Николавна, конечно, имъ будетъ благодарна, когда опомнится отъ страсти къ дочери и воротится въ свѣтъ. Только впослѣдствіи эти любезности дошли до Софьи Николавны и возмутили ея душу. Катерина Алексѣвна Чепрунова, постоянно навѣщавшая свою родственницу, смотрѣла на нее съ изумленіемъ, сожалѣніемъ и досадой. Она сама была нѣжная мать, любившая горячо своего единственнаго кривого сынка: но такая привязанность и забвеніе всего окружающаго, какъ у Софьи Николавны, казались ей чѣмъ то похожимъ на сумасбродство. Она охала, вздыхала,

била себя кулаками въ грудь и животъ (это была ея привычка), говорила, что такая любовь смертный грѣхъ передъ Богомъ, и что Богъ за нее накажетъ. Софья Николавна разсердилась и перестала пускать ее въ дѣтскую. Одинъ Андрей Юрьевичъ Авенаріусъ принимался довольно часто въ комнатѣ Парашеньки. Софья Николавна безпрестанно находила разные признаки разныхъ болѣзней у своей дочери, лѣчила по Бухану и, не видя пользы, призывала доктора Авенаріуса; не зная, что и дѣлать съ бѣдною матерью, которую ни въ чемъ нельзя было разувѣрить, онъ прописывалъ разныя, иногда невинныя, а иногда и дѣйствительныя лѣкарства, потому что малютка въ самомъ дѣлѣ имѣла очень слабое здоровье.

Мудрено сказать, что бы вышло изъ всего этого въ будущемъ, если-бъ, по невѣдомымъ намъ судьбамъ Провидѣнія, не разразился внезапно громовой ударъ надъ несчастною Софьею Николавной, если бы не умерла скоропостижно ея ангелъ-Парашенька. Излишество ли ухода, излишество ли лѣченья, природная ли слабость тѣлосложенія младенца были причиною его смерти — неизвѣстно; оказалось только, что онъ на четвертомъ мѣсяцѣ своей жизни не вынесъ самаго легкаго дѣтскаго припадка *младенской* или *родимца*, которому рѣдкій изъ грудныхъ дѣтей не бываетъ подверженъ. Сидя у колыбели и замѣтивъ, что Парашенька вздрогнула и что личико ея искривилось, Софья Николавна торопливо взяла на руки свою дочь; она была уже мертвая...

Крѣпкое, богатырское надобно было имѣть здоровье Софьѣ Николавнѣ, чтобъ вынесть этотъ ударъ! Доктора, попеременно, отъ нея не отходили. Занденъ, Авенаріусъ и Клоусъ, которые всѣ ее очень любили, нѣсколько дней опасались за ея разсудокъ, потому что она никого не узнавала. Но, благодареніе Богу, молодости и крѣпкому сложенію, страшное время прошло. Несчастная мать опомнилась, и любовь къ мужу, который самъ страдалъ всею душою, любовь, мгновенно

вступившая въ права свои, спасла ее. Когда Софья Николавна въ четвертую ночь пришла въ себя, взглянула сознательно на окружающіе ее предметы, узнала Алексѣя Степаныча, котораго узнать было трудно, такъ онъ перемѣнился, — узнала неизмѣннаго друга своего, Катерину Алексѣвну, — страшный крикъ вырвался изъ ея груди и спасительные потоки слезъ хлынули изъ глазъ: она еще ни разу не плакала. Она обняла Алексѣя Степаныча и долго молча рыдала на его груди: онъ самъ рыдалъ, какъ дитя. Прошла опасность помѣшательства въ умѣ: но наступила другая опасность: истощеніе силъ тѣлесныхъ. Четверо сутокъ не пила и не ѣла бѣдная страдалица и, очнувшись, не могла проглотить не только пищи, но и лѣкарства, даже воды. Положеніе было такъ опасно, что доктора не противились желанію больной исповѣдаться и причаститься. Исполненіе христіанскаго долга благотворно подѣйствовало на Софью Николавну; она заснула, тоже въ первый разъ, и, проснувшись часа черезъ два, съ радостнымъ и просвѣтленнымъ лицомъ сказала мужу, что видѣла во снѣ образъ Иверской Божьей Матери точно въ такомъ видѣ, въ какомъ написана она на мѣстной иконѣ, въ ихъ приходской церкви; она прибавила, что если-бъ она могла помолиться и приложиться къ этой иконѣ, то, конечно, Матерь Божія ее бы помиловала. Мѣстную икону принесли изъ церкви, священникъ отслужилъ молебенъ „о спасеніи и здравіи больной“. При пѣніи словъ: „призри благосердіемъ, всепѣтая Богородице, на мое лютое тѣлесе озлобленіе“, всѣ присутствующіе упали на колѣни, повторяя слова божественной молитвы; Алексѣй Степанычъ плакалъ навзрыдъ. Больная также плакала умиленными слезами во все время службы, приложилась къ мѣстной иконѣ и почувствовала такое облегченіе, что могла выпить воды, а потомъ стала принимать лѣкарства и пищу. Катерина Борисовна Чичагова и Катерина Алексѣвна Чепрунова не оставляли своей пріятельницы ни на минуту.

Больная скоро вышла изъ опасности. Отдохнуло настрадавшееся сердце Алексѣя Степаныча. Съ новымъ усердіемъ принялись доктора за лѣченіе, которое представляло своего рода опасность, потому что медики слишкомъ любили свою пацієнтку: одинъ предвидѣлъ чахотку, другой — сухотку, а третій боялся аневризмы. По счастью всѣ согласились въ одномъ: чтобы немедленно отправить больную въ деревню, на чистый, именно лѣсной воздухъ и на пользованіе кумысомъ. Въ началѣ іюня растительность травъ находилась еще въ полной свѣжести, и питье кобыльяго молока было еще не опоздано.

Степанъ Михайловичъ принялъ извѣстіе о смерти внучки весьма равнодушно; даже сказалъ: „Вотъ есть объ чемъ убиваться — объ дѣвчонкѣ, этого добра еще будетъ!“ Но когда вслѣдъ за первымъ извѣстіемъ было получено другое, что здоровье Софьи Николавны находится въ опасности, — старикъ сильно перетревожился. Когда же пришло третье извѣщеніе, что невѣстка вышла изъ близкой опасности, но что очень больна, что доктора не могутъ ей помочь и отправляютъ ее на кумысъ, Степанъ Михайловичъ весьма прогнѣвался на докторовъ, говоря, что они людоморы, ничего не смыслятъ и поганятъ душу человѣческую басурманскимъ питьемъ. „Если конину ѣсть православному человѣку запрещено,“ — продолжалъ онъ, — „то какъ же пить молоко нечистаго животнаго? Вижу бѣду,“ — прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ и махнулъ рукой: — „жива то, можетъ быть, невѣстка останется, да захилѣетъ и дѣтей не будетъ“. Степанъ Михайловичъ сильно огорчился и надолго остался постоянно грустнымъ.

Въ двадцатидевяти верстахъ отъ Уфы по Казанскому тракту, на юго-западъ, на большой рѣкѣ Уза, впадающей въ чудную рѣку Дему, окруженная богатымъ чернолѣсьемъ, лежала татарская деревушка Узытамакъ, называемая рус-

скими Алкино, по фамиліи помѣщика[1]). Въ роскошной долинѣ, въ живописномъ безпорядкѣ тѣснилась эта деревушка на подошвѣ горы Байрамъ-тау, защищавшей ее отъ сѣвера: на западъ возвышалась другая гора, Зеинъ-тау, на юго-востокъ текла рѣка Уза, покрытая мелкимъ лѣсомъ[2]); цвѣтущія поляны дышали благовоніемъ травъ и цвѣтовъ, а лѣса изъ дуба, липы, ильмы, клену и всякихъ другихъ породъ чернолѣсья, разрѣжая воздухъ, сообщали ему живительную силу. Въ этотъ то прелестный уголокъ повезъ Алексѣй Степанычъ слабую, желтую, худую, — однимъ словомъ сказать, тѣнь прежней Софьи Николавны; съ ними поѣхалъ другъ-докторъ Авенаріусъ. Съ трудомъ довезли больную до мѣста. Гостепріимный хозяинъ и помѣщикъ этой деревни принялъ ихъ съ

---

[1]) Деревня Узытамакъ состояла, по восьмой ревизіи, изъ девяностовосьми ревизскихъ душъ мужского пола крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежащихъ потомку прежнихъ владѣльцевъ, помѣщику г-ну Алкину; она носитъ прежнее имя, но выстроена уже правильною улицею, на прежнемъ мѣстѣ.

[2]) „Тау“, значитъ гора, „Байрамъ“ — праздникъ. Это имя, какъ говоритъ преданіе, дано горѣ потому, что на ней будто бы башкиры совершали торжественное молебствіе послѣ „Уразы“, то есть, поста. „Зеинъ-Тау“ — значитъ гора собранія: „Зеиномъ“ называется пиръ или собраніе народа для борьбы, бѣганья и конской скачки. Гора эта получила названіе „Зеина“ со времени пріобрѣтенія отъ башкирцевъ земли, лежащей по рѣчкѣ Узѣ, помѣщикомъ Алкинымъ, что случилось именно въ 1791-мъ году. Г-нъ Алкинъ, послѣ заключенія условія съ башкирцами, далъ для нихъ на этой горѣ пиръ съ разными увеселеніями. „Тамакъ“ значитъ устье, а потому и деревня на устьѣ Узы, при впаденіи ея въ Дему, называется „Узы-Тамакъ“. Имена же рѣчки „Узы“, а равно и рѣчки „Куркулъ-Даукъ“, которое сейчасъ встрѣтится, значенія не имѣютъ.

Я говорю все это, основываясь на самыхъ точныхъ новыхъ свѣдѣніяхъ, благосклонно доставленныхъ мнѣ Е. И. Б—мъ и полученнымъ имъ отъ теперешняго владѣльца деревни Узы-Тамакъ, г-на Алкина. Я видѣлъ самъ прекрасную мѣстность этой деревни; но этому прошло уже такъ много мѣтъ, что я не могъ бы вѣрно описать ее безъ пособія свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ обязательными людьми.

радушіемъ; онъ имѣлъ порядочный домъ съ флигелями; Софья Николавна не захотѣла помѣститься въ домѣ, и для нея очистили флигель. Семейство хозяина было слишкомъ любезно и внимательно къ ней, такъ что докторъ принужденъ былъ отдалить на время этихъ добрыхъ людей, которые хотя были мусульмане по вѣрѣ, но говорили довольно хорошо по русски. Одежда и образъ жизни ихъ представляли тогда пеструю смѣсь татарскихъ и русскихъ нравовъ; но кумысъ былъ у нихъ обычнымъ питьемъ отъ утра до вечера. Для Софьи Николавны приготовляли этотъ благодатный напитокъ уже цивилизованнымъ способомъ, т. е. кобылье молоко заквашивали не въ турсукѣ, а въ чистой, новой липовой кадушкѣ. Хозяева утверждали, что такой кумысъ менѣе вкусенъ и менѣе полезенъ; но больная чувствовала непреодолимое отвращеніе отъ мѣшка изъ сырой лошадиной кожи, и цѣлебное питье готовилось для нея самымъ опрятнымъ образомъ. Докторъ устроилъ курсъ лѣченія и уѣхалъ въ Уфу; Алексѣй же Степанычъ съ Парашей и Аннушкой оставались безотлучно при больной. Воздухъ, кумысъ, сначала въ маломъ количествѣ, ежедневныя прогулки въ каретѣ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Степанычемъ въ чудные лѣса, окружавшіе деревню, куда возилъ ихъ Ефремъ, сдѣлавшійся любимцемъ Софьи Николавны и исправлявшій на это время должность кучера, — лѣса, гдѣ лежала больная цѣлые часы въ прохладной тѣни на кожаномъ тюфякѣ и подушкахъ, вдыхая въ себя ароматный воздухъ, слушая иногда чтеніе какой нибудь забавной книги и нерѣдко засыпая укрѣпляющимъ сномъ, — все вмѣстѣ благотворно подѣйствовало на здоровье Софьи Николавны, и чрезъ двѣ-три недѣли она встала и могла прохаживаться сама. Докторъ опять пріѣхалъ, порадовался дѣйствію кумыса, усилилъ его употребленіе, а какъ больная не могла выносить его въ большихъ пріемахъ, то Авенаріусъ счелъ необходимымъ предписать сильное тѣлодвиженіе, то есть верховую ѣзду. Дѣло тогда неслыханное и

дикое въ дворянскомъ быту, которое не нравилось Алексѣю Степанычу и которое Софья Николавна также находила неприличнымъ. Напрасно хозяйскія дочери подавали поучительный примѣръ, пробѣгая на башкирскихъ иноходцахъ цѣлые десятки верстъ по окрестностямъ, — Софья Николавна долго противилась всѣмъ убѣжденіямъ и въ томъ числѣ просьбамъ мужа, котораго докторъ положительно и скоро увѣрилъ въ необходимости верховой ѣзды! Пріѣхали Чичаговы въ гости къ Багровымъ въ Алкино и, наконецъ, кое-какъ общими силами побѣдили упрямство Софьи Николавны; самою сильною побудительною причиною къ согласію былъ примѣръ Катерины Борисовны Чичаговой, которая, какъ истинный другъ, пожертвовала собственнымъ предубѣжденіемъ и стала ѣздить верхомъ сначала одна, а потомъ вмѣстѣ съ больною. При сильномъ тѣлодвиженіи, была предписана и другая пища, а именно: жирное баранье мясо, отъ котораго Софья Николавна также имѣла отвращеніе. Вѣроятно докторъ Авенаріусъ въ назначеніи діэты руководствовался пищеупотребленіемъ башкиръ и кочующихъ лѣтомъ татаръ, которые во время питья кумыса почти ничего не ѣдятъ, кромѣ жирной баранины, даже хлѣба не употребляютъ, — ѣздятъ верхомъ съ утра до вечера по своимъ раздольнымъ степямъ, ѣздятъ до тѣхъ поръ, пока зеленый ковыль, состарѣвшись, не посѣдѣетъ и не покроется шелковистымъ серебрянымъ пухомъ. Лѣченье пошло отлично-хорошо, прогулки производились цѣлымъ обществомъ вмѣстѣ съ дочерьми и сыновьями хозяина. Нерѣдко заѣзжали на поташный заводъ, находившійся въ двухъ верстахъ отъ Алкина, въ глубинѣ лѣса, на берегу прекрасной рѣчки „Куркулъ-Даукъ“ [1]). Съ любопытствомъ смотрѣла Софья

[1]) Этотъ заводъ уничтоженъ въ 1848 году; въ 1791-мъ только что начиналась въ Уфимскомъ краѣ выварка поташа, истребившая впослѣдствіи множество лучшихъ породъ чернолѣсья: липы, ильмы, вяза и клена. Изобиліе этихъ породъ было такъ велико, что сначала только ихъ и упс-

Николавна, какъ кипѣли чугунные котлы съ золою, какъ въ деревянныхъ чанахъ садился *шадрикъ,* какъ въ калильныхъ печахъ очищался онъ огнемъ и превращался въ бѣлые ноздреватые куски растительной соли, называемой поташомъ. Она любовалась живостью, съ которою производилась работа, и проворствомъ татаръ, которые въ своихъ тюбетейкахъ и длинныхъ рубахахъ, не мѣшавшихъ ихъ тѣлодвиженіямъ, представляли для нея странное зрѣлище. Вообще хозяева были такъ любезны, что забавляли свою гостью пѣснями, плясками, конными скачками (зеинами) и борьбою своихъ мусульманскихъ подданныхъ.

Во всѣхъ этихъ прогулкахъ и увеселеніяхъ сначала постоянно участвовалъ Алексѣй Степанычъ; но успокоенный состояніемъ здоровья своей больной, видя ее окруженною обществомъ и общимъ вниманіемъ, онъ началъ понемному пользоваться свободными часами; деревенская жизнь, воздухъ, чудная природа разбудили въ немъ прежнія его охоты, онъ устроилъ себѣ удочки и въ прозрачныхъ родниковыхъ рѣчкахъ, которыхъ было довольно около Алкина, принялся удить осторожную пеструшку и кутему; даже хаживалъ иногда съ сѣткою за перепелами, ловить которыхъ Ѳедоръ Михеевъ, молодой мужъ Параши, былъ большой мастеръ и умѣлъ дѣлать перепелиныя дудки. Эта охота находится въ презрѣніи у охотниковъ до другого рода охотъ; но право не знаю, за что ее презираютъ? Лежать въ душистыхъ полевыхъ лугахъ, развѣсивъ передъ собою сѣтку по верхушкамъ высокой травы, слышать вблизи и вдали звонкій бой перепеловъ, искусно подражать на дудочкѣ тихому мелодическому голосу перепелки, замѣчать, какъ на него откликаются задорные перепела, какъ бѣгутъ и даже летятъ они со всѣхъ сторонъ къ

требляли на поташъ, потому что зола ихъ несравненно выгоднѣе другихъ. Продажа поташа представляла тогда огромныя выгоды сравнительно съ прочими отраслями доходовъ.

человѣку, наблюдать разныя ихъ горячія выходки и забавныя продѣлки, наконецъ, самому горячиться отъ удачной или неудачной ловли, — признаюсь, все это въ свое время было очень весело и даже теперь вспоминается неравнодушно... Софьѣ Николавнѣ растолковать этого веселья было невозможно. Слава Богу, черезъ два мѣсяца она поздоровѣла, пополнѣла, и яркій румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

Авенаріусъ пріѣхалъ въ третій разъ и былъ вполнѣ утѣшенъ состояніемъ здоровья Софьи Николавны. Онъ имѣлъ полное право торжествовать и радоваться: онъ первый предложилъ питье кумыса и управлялъ ходомъ лѣченія. Онъ и прежде очень любилъ свою паціентку, а теперь, такъ счастливо возвратя ей здоровье, привязался къ ней, какъ къ дочери.

Каждую недѣлю доносилъ Алексѣй Степанычъ о состояніи здоровья жены своей Степану Михайловичу. Онъ радовался, что невѣстка его поправляется; но, разумѣется, не вѣрилъ цѣлебной силѣ кумыса и очень сердился за верховую ѣзду, о которой имѣли неосторожность написать къ нему. Домашніе воспользовались удобнымъ случаемъ и нѣсколькими ѣдкими словцами, мимоходомъ, но впопадъ сказанными, такъ усилили досаду старика, что онъ написалъ грубоватое письмо къ сыну, которое огорчило Софью Николавну. Когда же Степанъ Михайловичъ удостовѣрился, что невѣстка его совершенно выздоровѣла и даже пополнѣла, сладкія надежды зашевелились у него въ головѣ, и примирился онъ отчасти съ кумысомъ и верховою ѣздой.

Къ осени воротились молодые Багровы въ Уфу. Старикъ Зубинъ былъ уже очень плохъ, и чудесное возстановленіе здоровья дочери не произвело на него никакого впечатлѣнія. Все было кончено для него на землѣ, всѣ связи расторгнуты, всѣ жизненныя нити оборваны, и едва только держалась душа въ разрушенномъ тѣлѣ.

Дальнѣйшій ходъ внутренней жизни молодыхъ Багровыхъ былъ какъ будто пріостановленъ разными обстоятельствами: сначала рожденіемъ дочери и страстною, безумною любовью къ ней матери; потомъ смертью малютки, отъ которой едва не помѣшалась мать, едва не умерла, и, наконецъ, продолжительнымъ лѣченіемъ и житьемъ въ татарской деревнѣ. Въ мятежное время душевныхъ мукъ и тѣлесныхъ страданій, Софья Николавна постоянно видѣла искреннюю любовь и самоотверженіе со стороны Алексѣя Степаныча. Столкновеній, случающихся безпрестанно въ обыкновенномъ порядкѣ жизни между неравными природами, тогда не было, а если и были поводы къ нимъ, то они не могли быть замѣчены. При обращеніи крупной монеты мелочь не видна. Въ обстоятельствахъ исключительныхъ, въ событіяхъ важныхъ, идетъ одна крупная монета, а ежедневные расходы жизни спокойной по большей части уплачиваются мелочью. Алексѣй Степанычъ былъ не бѣденъ крупною монетой, а въ мелочи часто встрѣчался у него недостатокъ. Когда человѣкъ при видѣ нравственнаго страданія или опасности, угрожающей здоровью и жизни любимаго существа, страдаетъ самъ всѣми силами своей души, забывая сонъ, покой и пищу, забывая всего себя; когда напрягаются нервы, возвышается духовная природа, тогда нѣтъ мѣста требованіямъ и нѣтъ мѣста мелочнымъ вниманіямъ, заботамъ и угожденіямъ. Проходитъ пора потрясающихъ событій, все успокоивается, опускаются нервы, мельчаетъ духъ; кровь и тѣло, вещественная жизнь съ ея пошлостью, вступаютъ въ права свои, привычки возвращаютъ утраченную власть, и наступаетъ пора тѣхъ самыхъ требованій, о которыхъ мы сейчасъ говорили, пора вниманій, угожденій, предупрежденій и всякихъ мелочныхъ бездѣлокъ, изъ которыхъ соткана дѣйствительная, обыкновенная жизнь. Когда то еще придетъ время трудныхъ опытовъ, надобности въ самоотверженіи и жертвахъ, а между тѣмъ жизнь постоянно бѣжитъ

по колеѣ своей, и мелочи составляютъ ея спокойствіе, украшеніе, услажденіе, — однимъ словомъ, то, что мы называемъ счастьемъ. По такимъ то причинамъ, когда Софья Николавна стала поправляться, а Алексѣй Степанычъ пересталъ тревожиться за ея жизнь и здоровье, мало по малу начали вновь появляться — съ одной стороны, прежняя требовательность, а съ другой стороны — прежняя неспособность удовлетворять тонкости требованій. Тихія объясненія и упреки стали надоѣдать мужу, а горячихъ вспышекъ сталъ онъ бояться: страхъ сейчасъ исключилъ полную искренность, а потеря искренности въ супружествѣ, особенно въ лицѣ второстепенномъ, всегда нѣсколько зависящемъ отъ главнаго лица, ведетъ прямою дорогою къ нарушенію семейнаго счастія. Съ возвращеніемъ въ Уфу къ обыденной, праздной городской жизни, вѣроятно, все бы это усилилось: но тяжкое страдальческое положеніе уже дѣйствительно умирающаго отца поглотило всѣ тревоги, наполнило собою умъ и чувство Софьи Николавны, и она предалась вся безраздѣльно, согласно закону своей нравственной природы, чувству дочерней любви. Ходъ, раскрытіе всѣхъ сторонъ домашней жизни опять пріостановились. Софья Николавна проводила дни и ночи въ домѣ отца. Калмыкъ продолжалъ съ большимъ усердіемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ и съ изумительною неутомимостью ходить за больнымъ господиномъ. Онъ продолжалъ также избѣгать присутствія его дочери, хотя имѣлъ право и возможность безнаказанно появляться ей на глаза. Софья Николавна была тронута такимъ поведеніемъ. Она сама призвала къ себѣ Калмыка, примирилась съ нимъ и позволила ему ходить вмѣстѣ съ нею за умирающимъ. Николай Ѳедоровичъ, несмотря на видимое безчувствіе и равнодушіе ко всему окружающему, замѣтилъ эту перемѣну, слабо пожалъ руку дочери и тихимъ шопотомъ, который едва можно было разслышать, сказалъ ей: „Благодарю тебя“. Софья Николавна безвыходно оставалась при отцѣ.

Я сказалъ, что сладкія надежды зашевилились въ головѣ Степана Михайловича при полученіи добрыхъ извѣстій о возстановленіи здоровья невѣстки. Онѣ зашевилились не даромъ: въ скоромъ времени Софья Николавна сама увѣдомила свекра, что надѣется на милость Божію — на рожденіе ему внука, въ утѣшеніе его старости. Въ первую минуту Степанъ Михайловичъ чрезвычайно обрадовался, но скоро овладѣлъ собою, скрылъ свою радость отъ семьи. Можетъ быть, ему пришло на умъ, что, пожалуй, и опять родится дочь, опять залюбитъ и залѣчитъ ее, вмѣстѣ съ докторами, до смерти Софья Николавна и опять пойдетъ хворать; а можетъ быть, что Степанъ Михайловичъ, по примѣру многихъ людей, которые нарочно пророчатъ себѣ неудачу, надѣясь втайнѣ, что судьба именно сдѣлаетъ вопреки ихъ пророчеству, притворился нисколько не обрадованнымъ и холодно сказалъ: „Нѣтъ, братъ, не надуешь! Тогда повѣрю и порадуюсь, когда дѣло воочію совершится“. Подивились домашніе такимъ словамъ и ничего на нихъ не отвѣчали. Въ самомъ же дѣлѣ старикъ, не знаю почему, въ глубинѣ души своей опять предался увѣренности, что у него родится внукъ, опять приказалъ отцу Василію отслужить молебенъ о здравіи плодоносящей рабы Софіи: опять вытащилъ сосланную съ глазъ долой, спрятанную родословную и положилъ ее поближе къ себѣ.

Между тѣмъ тихо наступилъ послѣдній часъ для Николая Ѳедоровича. Послѣ многолѣтнихъ, мучительныхъ страданій прекращеніе жизни столь бѣдной, столь жалкой, какъ то неестественно задержанной такъ долго въ тѣлѣ, уже совершенно разслабленномъ и недвижимомъ, не могло никого возмущать. Сама Софья Николавна молилась только о томъ, чтобъ мирно, спокойно отлетѣла душа ея отца... И мирно, даже радостно отлетѣла она. Въ минуту кончины лицо умирающаго просвѣтлѣло, и долго сохранилось это просвѣтлѣніе во всѣхъ его чертахъ, несмотря на сомкнутые глаза уже охладѣвшаго трупа.

Похороны были великолѣпны и торжественны. Старика Зубина нѣкогда очень любили: любовь эта забывалась понемногу, состраданіе къ его несчастному положенію ослабѣвало съ каждымъ днемъ; но когда вѣсть о смерти Николая Ѳедоровича облетѣла городъ, всѣ точно вспомнили и вновь почувствовали и любовь къ нему, и жалость къ его страдальческому состоянію. Опустѣли дома, и все народонаселеніе Уфы въ день похоронъ составило одну тѣсную улицу отъ Успенія Божіей Матери до кладбища. Миръ твоему праху, добрый человѣкъ, добрый и слабый, какъ человѣкъ!

Послѣ кончины Николая Ѳедоровича учредили двѣ опеки надъ дѣтьми его отъ двухъ браковъ. Алексѣя Степаныча назначили опекуномъ братьевъ Софьи Николавны отъ одной съ ней матери, которые, не кончивъ курса ученія въ Московскомъ Благородномъ пансіонѣ, были вытребованы въ Петербургъ для поступленія въ гвардію. Я забылъ сказать, что по ходатайству умиравшаго старика Зубина, незадолго до его смерти, Алексѣя Степаныча опредѣлили прокуроромъ нижняго земскаго суда.

Долго плакала и молилась Софья Николавна; плакалъ и молился съ ней и Алексѣй Степанычъ; но это были тихія слезы и тихая молитва, которыя не разстраивали только что возстановившагося здоровья Софьи Николавны. Просьбы мужа, совѣты друзей, увѣщанія докторовъ, особенно Авенаріуса, разумно принимались ею, и она стала беречь себя и съ должнымъ вниманіемъ смотрѣть на свое положеніе. Ей убѣдительно доказывали, что здоровье и самая жизнь будущаго ея дитяти зависитъ отъ состоянія ея здоровья и духа въ настоящемъ ея положеніи. Горькій опытъ подтверждалъ убѣжденія друзей и врачей, и молодая женщина съ твердостію покорилась всему, чего отъ нея требовали. Получивъ письмо отъ свекра, въ которомъ онъ простыми словами высказывалъ искреннее сочувствіе къ горести невѣстки и опасеніе, чтобы она опять

не разстроила собственнаго своего здоровья, — Софья Николавна отвѣчала старику самымъ успокоительнымъ образомъ; и точно, она обратила полное вниманіе на сохраненіе спокойствія своего духа и здоровья своего тѣла. Жизнь была расположена правильно и разнообразно. Авенаріусъ и Клоусъ, который началъ очень сближаться съ домомъ Багровыхъ, назначили Софьѣ Николавнѣ ежедневныя прогулки передъ обѣдомъ не только въ экипажахъ, но и пѣшкомъ; ежедневно или собирались къ Софьѣ Николавнѣ и къ Алексѣю Степанычу нѣсколько человѣкъ безцеремонныхъ и пріятныхъ гостей, или сами Багровы отправлялись въ гости къ кому нибудь, по большей части къ Чичаговымъ. Братья Катерины Борисовны Чичаговой были очень дружны съ молодыми хозяевами; особенно меньшой, Д. Б. Мертваго; онъ заранѣе напросился къ нимъ въ кумовья. Оба брата часто бывали въ Голубиной Слободкѣ и пріятно проводили время у Багровыхъ: это были люди благородные и образованные по тогдашнему времени. Чтеніе книгъ было однимъ изъ главныхъ удовольствій у Багровыхъ; но какъ нельзя было безпрестанно читать или слушать чтеніе, то выучили Софью Николавну играть въ карты: преподаваніемъ этой науки преимущественно занимался Клоусъ, и когда только Багровы проводили вечеръ дома, то онъ непремѣнно составлялъ ихъ партію. Авенаріусъ не могъ участвовать въ этомъ занятіи, потому что во всю свою жизнь не умѣлъ различить пятерки отъ туза.

Наступила ранняя и въ то же время роскошная весна: взломала и пронесла свои льды и разлила свои воды, верстъ на семь въ ширину, рѣка Бѣлая. Весь разливъ виденъ былъ какъ на ладонкѣ изъ оконъ домика Голубиной Слободки; расцвѣлъ плодовитый садъ у Багровыхъ, и запахъ черемухъ и яблонь напоилъ воздухъ благовоніемъ; садъ сдѣлался гостиной хозяевъ, и благодатное тепло еще болѣе укрѣпило силы Софьи Николавны.

Въ это время случилось въ Уфѣ происшествіе, которое сильно заняло умы ея обитателей и особенно молодыхъ Багровыхъ, потому что герой происшествія былъ имъ очень знакомый человѣкъ и даже, какъ мнѣ помнится, дальній родственникъ Алексѣю Степанычу. Софья Николавна, по живости своей, приняла самое горячее участіе въ этомъ романическомъ событіи. Молодой человѣкъ, одинъ изъ первыхъ и богатыхъ дворянъ Уфимскаго или Оренбургскаго края, Н. И. Тимашевъ, влюбился въ прекрасную татарку Тевкелеву, дочь богатаго татарскаго дворянина. Это семейство, точно такъ же, какъ и семейство Алкиныхъ, уже приняло тогда нѣкоторую внѣшнюю образованность въ образѣ жизни и говорило хорошо по русски, но строго соблюдало во всей чистотѣ мусульманскую вѣру. Прекрасная татарка Сальмé, въ свою очередь, влюбилась въ красиваго русскаго офицера, служившаго капитаномъ въ полку, который стоялъ въ окрестностяхъ Уфы. Ожидать добровольнаго согласія родителей и взрослыхъ братьевъ на законный бракъ — не было никакой надежды, потому что невѣстѣ надобно было сдѣлаться христіанкой. Долго боролась Сальмé съ своею любовью, которая жарче горитъ въ сердцахъ азіатскихъ женщинъ. Наконецъ, какъ это всегда бываетъ, Магометъ былъ побѣжденъ, и Сальмé рѣшилась бѣжать съ своимъ возлюбленнымъ капитаномъ, окреститься и потомъ обвѣнчаться. Командиръ полка, въ которомъ служилъ Тимашевъ, добрѣйшій и любезнѣйшій изъ людей, любимый всѣми безъ исключенія генералъ-майоръ Мансуровъ, прославившійся потомъ съ Суворовымъ на Альпійскихъ горахъ, при переправѣ черезъ „Чортовъ мостъ“, самъ недавно женившійся по любви, зналъ приключенія своего капитана, сочувствовалъ имъ и принялъ влюбленныхъ подъ свое покровительство. Въ одну сумрачную и дождливую ночь Сальмé ушла изъ родительскаго дома; въ ближней рощѣ дожидался ее Тимашевъ съ верховыми лошадьми: надобно было

проскакать около ста верстъ до Уфы. Сальмé была искусная наѣздница; черезъ каждыя десять или пятнадцать верстъ стояли заранѣе приготовленные перемѣнные кони, охраняемые солдатами, очень любившими своего добраго капитана, и бѣглецы полетѣли „на крыльяхъ любви“, какъ непремѣнно сказалъ бы поэтъ того времени. Между тѣмъ въ домѣ Тевкелевыхъ, гдѣ давно подозрѣвали Сальмé въ склонности къ Тимашеву и строго за ней присматривали, отсутствіе ея было скоро замѣчено. Въ одну минуту собралась толпа вооруженныхъ татаръ и, пылая гнѣвомъ, подъ предводительствомъ раздраженнаго отца [1]) и братьевъ, понеслась въ погоню съ воплями и угрозами мести; дорогу угадали, и, конечно, не уйти бы нашимъ бѣглецамъ, или, по крайней мѣрѣ, не обошлось бы безъ кровавой схватки, — потому что солдатъ и офицеровъ, принимавшихъ горячее участіе въ дѣлѣ, по дорогѣ было разставлено много, — если-бъ позади бѣгущихъ не догадались разломать мостъ черезъ глубокую лѣсную, неприступную рѣку, затруднительная переправа черезъ которую вплавь задержала преслѣдователей часа на два; но со всѣмъ тѣмъ, косная лодка, на которой переправлялся молодой Тимашевъ съ своею Сальмé черезъ рѣку Бѣлую, подъ самою Уфою, не достигла еще средины рѣки, какъ прискакалъ къ берегу старикъ Тевкелевъ съ сыновьями и съ одною половиною вѣрной своей дружины, потому что другая половина передушила на дорогѣ лошадей. На берегу, какъ будто случайно, явилась цѣлая рота солдатъ, приготовлявшаяся къ перевозу и занявшая всѣ поромы и завозни. Несчастный отецъ заскрежеталъ зубами, проклялъ дочь и воротился домой. Полумертвую отъ страха и усталости Сальмé посадили въ карету и привезли въ домъ къ матери Тимашева. Дѣло приняло характеръ законный и офиціальный: явилась магометанка, добровольно желающая при-

[1]) Другой варіантъ этого преданія говоритъ, что мать съ сыновьями преслѣдовала убѣжавшую дочь.

нять христіанскую вѣру; начальство города взяло ее подъ свою защиту, увѣдомило муфтія, жившаго въ Уфѣ и всѣми называемаго „татарскимъ архіереемъ“, обо всемъ происшедшемъ и требовало отъ него, чтобъ онъ воспретилъ семейству Тевкелевыхъ и вообще всѣмъ магометанамъ прибѣгать къ какимъ нибудь насильственнымъ и враждебнымъ покушеніямъ для освобожденія дѣвицы Сальмé, *добровольно* принимающей христіанскую вѣру. Въ нѣсколько дней духовенство приготовило новообращенную къ принятію таинства крещенія и миропомазанія. Обрядъ былъ совершенъ великолѣпно и торжественно въ городскомъ соборѣ; Сальмé назвали Серафимой, по имени крестнаго отца Ивановной, и, вслѣдъ за тѣмъ, не выходя изъ церкви, обвѣнчали молодыхъ влюбленныхъ. Весь городъ принималъ участіе въ этомъ событіи. Разумѣется, вся молодежь и всѣ мужчины были за прекрасную Сальме; но зато женщины строго осуждали ее, можетъ быть, иныя и не безкорыстно. Весьма немного нашлось такихъ, которыя искренно и дружелюбно протянули руку юной христіанкѣ, вступившей, по положенію своего мужа, въ высшій кругъ уфимскаго общества. Софья Николавна съ Алексѣемъ Степанычемъ были въ числѣ людей самыхъ близкихъ и горячо сочувствующихъ молодымъ новобрачнымъ. При дѣятельномъ пособіи также молодой и любезной генеральши А. Н. Мансуровой (урожденной Булгаковой), друзья Тимашевыхъ скоро помогли имъ стать твердою ногою на новомъ для нихъ пути общественной городской жизни. Приняли дѣятельныя мѣры къ приличному образованію молодой капитанши, и при помощи природныхъ ея способностей и живости ума въ непродолжительное время она сдѣлалась свѣтскою, интересною дамою, возбуждавшею невольное участіе и невольную зависть, чему, конечно, много содѣйствовала ея красота и необыкновенность положенія. Софья Николавна навсегда осталась искреннею пріятельницею Серафимы Ивановны Тимашевой, которая къ общему сожалѣ-

нію жила недолго: черезъ три года она умерла чахоткой, оставя двухъ сыновей и сокрушеннаго горестью мужа. Тимашевъ едва не сошелъ съ ума, бросилъ службу, посвятилъ себя дѣтямъ и навсегда остался вдовцомъ. Носились слухи, за вѣрность которыхъ никакъ нельзя ручаться, что причиною болѣзни и смерти молодой женщины была тайная тоска о покинутомъ семействѣ и раскаяніе въ измѣнѣ своей природной вѣрѣ.

Между тѣмъ время быстро шло, не останавливаясь никакими событіями. Наступила пора, когда Софьѣ Николавнѣ не позволяли уже выѣзжать въ гости, не позволяли даже прогуливаться въ экипажѣ за городомъ. Въ хорошую погоду она прохаживалась по саду, раза два въ день по получасу; въ дурное время то же дѣлала въ комнатахъ, растворивъ всѣ двери своего небольшого домика. Вѣроятно, все это затворничество, точность и принужденіе были не только безполезны, но скорѣе вредны, хотя очевидность противорѣчила моему мнѣнію: Софья Николавна была совершенно здорова. Алексѣй Степанычъ находился въ необходимости соглашаться на такую строгую докторскую опеку, потому что получалъ частыя приказанія отъ своего отца беречь жену паче зѣницы своего ока; притомъ друзя ея, Чичаговы и Мертваго, а всего болѣе доктора, любившіе ее искренно и даже съ увлеченіемъ, такъ наблюдали за Софьей Николавной, что она не могла шагу ступить, не могла ничего ни спить, ни съѣсть безъ ихъ позволенія. По какимъ то служебнымъ дѣламъ Авенаріусъ долженъ былъ отлучиться, и Клоусъ, который также служилъ въ Уфѣ городовымъ акушеромъ, получилъ подъ непосредственное свое наблюденіе здоровье Софьи Николавны. Клоусъ былъ предобрѣйшій, умный, образованный и въ то же время по наружности пресмѣшной нѣмецъ. Будучи еще не старымъ человѣкомъ, онъ носилъ совершенно желтый парикъ. Всѣ дивились откуда онъ доставалъ такого цвѣта человѣческіе

волосы, какихъ ни у кого на головѣ не бываетъ; брови и бѣлки маленькихъ карихъ глазъ были тоже желтоваты, небольшое же круглое лицо красно, какъ уголь[1]). Въ дружескомъ своемъ обращеніи онъ былъ большой оригиналъ; очень любилъ цѣловать ручки у знакомыхъ дамъ, но никогда не позволялъ цѣловать себя въ щеку, доказывая, что со стороны мужчинъ это большая неучтивость. Онъ также очень любилъ маленькихъ дѣтей: выраженіе этой любви состояло въ томъ, что онъ сажалъ къ себѣ на колѣни любимое дитя, клалъ его ручку на ладонь своей лѣвой руки, а правою гладилъ ручку ребенка цѣлые часы. Самымъ сильнымъ выраженіемъ его дружескаго расположенія было слово *варваръ* или *варварка*, и потому Софья Николавна, которой онъ былъ преданъ душевно, безпрестанно называлась варваркой. Сдѣлавшись короткимъ другомъ въ домѣ Багровыхъ, Клоусъ зналъ всѣ подробности о Степанѣ Михайловичѣ, зналъ его горячее желаніе имѣть внука, зналъ его нетерпѣливое ожиданіе. Клоусъ хорошо писалъ по русски и четкимъ почеркомъ написалъ для старика свое предположеніе, за вѣрность котораго ручался, что у Софьи Николавны между 15 и 22 сентября родится сынъ. Предсказаніе послали къ Степану Михайловичу, который хотя и сказалъ: „Вретъ нѣмецъ!“ но втайнѣ ему повѣрилъ: радостное и тревожное ожиданіе выражалось на его лицѣ и слышалось во всѣхъ его рѣчахъ. Въ это время, извѣстная намъ Афросинья Андревна, отъ которой онъ менѣе скрывалъ свое безпокойство, состоявшее существенно въ томъ, что невѣстка опять родитъ дочь, разсказала какъ то ему, что, проѣзжая

---

[1]) Андрей Михайловичъ Клоусъ въ томъ же 1791 году переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ Воспитательный домъ преподавателемъ повивальнаго искусства. Онъ добросовѣстно исправлялъ эту должность тридцать лѣтъ и скончался въ 1821 году. Желтый парикъ остался неизмѣнною его принадлежностью. Онъ былъ страстный и многимъ извѣстный нумизматъ.

черезъ Москву, ѣздила она молиться Богу къ Троицѣ, къ великому угоднику Сергію, и слышала тамъ, что какая то одна знатная госпожа, у которой все родились дочери, дала обѣщаніе назвать перваго своего ребенка, если онъ будетъ мальчикъ, Сергіемъ, и что точно, черезъ годъ у нея родился сынъ Сергій. Степанъ Михайловичъ промолчалъ; но на первой же почтѣ собственноручно написалъ къ своему сыну и невѣсткѣ, чтобъ они отслужили молебенъ Сергію, Радонежскому чудотворцу, и дали обѣтъ, если родится у нихъ сынъ, назвать его Сергіемъ; въ объясненіе же таковой своей воли прибавилъ: „потому что въ домѣ Багровыхъ Сергія еще не было“. Приказаніе исполнили въ точности. Софья Николавна неусыпно занималась приготовленіемъ всего, что только можетъ придумать заботливая мать для будущаго своего дитяти: но всего важнѣе было то, что нашлась для него чудесная кормилица въ одной изъ деревушекъ покойнаго ея отца, въ Касимовкѣ. Крестьянка Марѳа Васильевна соединяла въ себѣ всѣ качества для этой должности, какихъ только можно было желать; сверхъ того, она охотою шла въ кормилицы и заранѣе переѣхала въ Уфу съ грудным своимъ ребенкомъ.

Дѣло приближалось къ развязкѣ. Уже и ходить Софьѣ Николавнѣ запрещали. Катерина Борисовна Чичагова сдѣлалась нездорова и не выѣзжала изъ дома, а другихъ никого уже Багровы не принимали. Катерина Алексѣвна Чепрунова гостила почти безвыходно у своей родственницы и только отлучалась для свиданія съ своимъ ненаглядным Андрюшей. Клоусъ являлся каждѣй разъ поутру, позавтракать и каждый день въ шесть часовъ вечера пріѣзжалъ пить чай съ ромомъ и играть въ карты съ хозяевами, а какъ игра была почти безденежная, то расчетливый нѣмецъ доставалъ гдѣ то игранныя карты и привозилъ съ собою. Иногда карты смѣнялись чтеніемъ, при которомъ присутствовалъ и Клоусъ. Читалъ всегда Алексѣй Степанычъ, получившій въ этомъ дѣлѣ навыкъ

и нѣкоторое умѣнье. Иногда случалось, что нѣмецъ привозилъ нѣмецкую книгу и переводилъ ее словесно; слушали съ удовольствіемъ, особенно Софья Николавна, потому что она желала имѣть хотя нѣкоторое понятіе о нѣмецкой литературѣ.

Испытавъ всю безграничность, все увлеченіе, все могущество материнской любви, съ которою, конечно, никакое другое чувство равняться не можетъ, Софья Николавна сама смотрѣла на свое настоящее положеніе съ уваженіемъ; она приняла за святой долгъ сохраненіемъ душевнаго спокойствія сохранить здоровье носимаго ею младенца и упрочить тѣмъ его существованіе, — существованіе, въ которомъ заключились всѣ ея надежды, вся будущность, вся жизнь. Мы уже довольно знаемъ Софью Николавну, знаемъ, какъ она способна увлекаться, и потому не будемъ удивлены, узнавъ, что она вся предалась чувству матери, любви еще къ неродившемуся ребенку. Всѣ дни и часы дней и ночей были посвящены сбереженью себя во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ устремился ея умъ, ея страстное вниманіе на одинъ этотъ предметъ, что она ничего другого не замѣчала и была, повидимому, совершенно довольна Алексѣемъ Степанычемъ, хотя, вѣроятно, встрѣчались случаи быть недовольной. Алексѣй Степанычъ, чѣмъ болѣе узнавалъ жену свою, тѣмъ въ большимъ изумленіемъ смотрѣлъ на нее. Онъ былъ человѣкъ всего менѣе способный цѣнить восторгъ и сочувствовать восторгу, отъ чего бы онъ ни происходилъ. Восторженность любви въ Софьѣ Николавнѣ его пугала; онъ боялся ея, какъ привыкъ бояться припадковъ бѣшенаго гнѣва въ своемъ отцѣ. Восторженность на людей тихихъ, кроткихъ и спокойныхъ всегда производитъ непріятное впечатлѣніе; они не могутъ признать естественнымъ такое состояніе духа; они считаютъ восторженныхъ людей больными на то время людьми, на которыхъ *находитъ* иногда . . . Они не вѣрятъ въ прочность ихъ душевнаго спокойствія, потому что оно сейчасъ можетъ нарушиться, и чувствуютъ страхъ

къ такимъ людямъ . . . Страхъ — самое опасное чувство для любви, даже къ отцу и къ матери . . . Говоря вообще, внутренняя, домашняя жизнь и супружескія семейныя отношенія между молодыми Багровыми нетолько не подвинулись впередъ, какъ должно было ожидать, а напротивъ, какъ будто отступили назадъ. Это странно, но такъ бываетъ иногда въ жизни.

Въ самое то время Клоусъ былъ переведенъ на службу въ Москву. Онъ уже распрощался съ своимъ начальствомъ и со всѣмъ городомъ и дожидался только благополучнаго разрѣшенія Софьи Николавны, надѣясь быть полезнымъ ей въ случаѣ надобности. Предполагая, что послѣ пятнадцатаго сентября, на другой или на третій день, онъ можетъ уѣхать, Клоусъ нанялъ себѣ лошадей именно къ этому числу. Наемныя лошади были ему нужны для того, что онъ хотѣлъ заѣхать куда то встороны отъ большой дороги, къ какому то нѣмцу-помѣщику. Пятнадцатое сентября прошло безъ ожидаемаго событія; Софья Николавна чувствовала себя лучше и бодрѣе, чѣмъ прежде, и только нелѣпыя докторскія приказанія заставляли ее сидѣть и большею частью лежать на канапе. Прошло шестнадцатое, семнадцатое и восемнадцатое сентября, и какъ ни любилъ нѣмецъ Софью Николавну, но начиналъ очень сердиться, потому что принужденъ былъ платить нанятому извозчику съ лошадьми ежедневно по рублю мѣди, что казалось тогда неслыханною дороговизною и большимъ расходомъ. Хозяева дружески подшучивали надъ нимъ и каждый вечеръ продолжали читать, слушать или играть въ карты; если другъ-нѣмецъ выигрывалъ у нихъ гривенъ шесть мѣдью, то бывалъ очень доволенъ, говоря, что сегодня недорого заплатитъ извозчику. Такъ прошло и девятнадцатое сентября. Двадцатаго пріѣхалъ поутру Клоусъ, и Софья Николавна встрѣтила его въ дверяхъ своей спальни, привѣтствуя книксенами . . . Нѣмецъ разсердился. „Да что жъ это ты, варварка, дѣлаешь со мной?“ говорилъ онъ, цѣлуя по обы-

чаю протянутую ручку хозяйки *по польску*, какъ онъ выражался. „Помилуй, Алексѣй Степанычъ,“ — продолжалъ онъ, обращаясь къ мужу, — „жена твоя меня разоритъ. Ей слѣдовало родить пятнадцатаго, а двадцатаго она кликсены дѣлаетъ“. — „Ничего, Андрей Михайлычъ,“ — отвѣчалъ, трепля его по плечу, Алексѣй Степанычъ: — „ты насъ сегодня въ карты обыграешь, только карты ужъ стали плохи“. Клоусъ обѣщалъ привезти новыя карты, позавтракалъ и, просидѣвъ до двухъ часовъ, уѣхалъ. Ровно въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ добродушный нѣмецъ въ Голубиную Слободку къ знакомому домику; не встрѣтивъ никого въ передней, въ залѣ и гостиной, онъ хотѣлъ войти въ спальню, но дверь была заперта; онъ постучался, дверь отперла Катерина Алексѣвна. Андрей Михайловичъ вошелъ — и остановился отъ изумленія: полъ былъ устланъ коврами; окна завѣшаны зелеными шелковыми гардинами; надъ двуспальной кроватью висѣлъ парадный штофный занавѣсъ, въ углу горѣла свѣчка, заставленная книгою; Софья Николавна лежала въ постели, на подушкахъ, въ парадныхъ же наволочкахъ, одѣтая въ щегольской утренній широкій капотъ; лицо ея было свѣжо, глаза блистали удовольствіемъ. „Поздравьте меня, другъ нашъ,“ — сказала она крѣпкимъ и звучнымъ голосомъ: — „я мать, у меня родился сынъ“. Нѣмецъ, взглянувъ въ лицо Софьи Николавны, услыша ея здоровый голосъ, счелъ всю обстановку за шутку, за комедію. „Полно, варварка, проказничать со мной; я старый воробей, меня не обманешь,“ — сказалъ онъ, смѣясь: — „вставай-ка, я новыя карточки привезъ“, и, подойдя къ постели и подсунувъ карты подъ подушку, онъ прибавилъ: „Вотъ на зубокъ новорожденному!“ — „Другъ мой, Андрей Михайловичъ,“ — говорила Софья Николавна, — „ей Богу я родила: вотъ мой сынъ“... На большой пуховой подушкѣ, тоже въ щегольской наволочкѣ, подъ кисейнымъ, на розовомъ атласѣ, одѣяльцемъ, въ самомъ дѣлѣ лежалъ новорожденный крѣпкій

мальчикъ; возлѣ кровати стояла бабушка-повитушка, Алена Максимовна... Клоусъ вышелъ изъ себя, взбѣсился, отскочилъ отъ постели, какъ будто ожегся, и закричалъ: „Какъ? безъ меня! я живу здѣсь недѣлю и плачу всякій день деньги, и меня не позвали!“ ... Красное его лицо побагровѣло, парикъ сдвинулся насторону, вся его толстая фигура такъ была смѣшна, что родильница принялась хохотать. „Батюшка, Андрей Михайловичъ,“ — говорила бабушка-повитушка, — „Богъ далъ, не успѣли опомниться; а какъ только убрались, то хотѣли было послать, да Софья Николавна изволила сказать, что ваше здоровье сейчасъ пріѣдете“. Опомнился искренній другъ Софьи Николавны и ея мужа. Прошла его досада; радостныя слезы выступили на глазахъ; схватилъ онъ новорожденнаго младенца своими опытными руками, началъ его осматривать у свѣчки, вертѣть и щупать, отчего ребенокъ громко закричалъ; сунулъ онъ ему палецъ въ ротъ, и когда поворожденный крѣпко сжалъ его и засосалъ, нѣмецъ радостно воскликнулъ: „А, варваръ! Какой славный и здоровенный!“ Софья Николавна перепугалась, что такъ небрежно поступаютъ съ ея безцѣннымъ сокровищемъ, а повивальная бабка испугалась, чтобъ новорожденнаго не сглазилъ нѣмецъ; она хотѣла было его отнять, но Клоусъ буянилъ: онъ бѣгалъ съ ребенкомъ по комнатѣ, потребовалъ корыто, губку, мыло, пеленокъ, теплой воды, засучилъ рукава, подпоясался передникомъ, сбросилъ парикъ и принялся мыть новорожденнаго, приговаривая: „А, варваренокъ, теперь не кричишь; тебѣ хорошо въ тепленькой то водицѣ!“ ... Наконецъ прибѣжалъ не помнившій себя отъ восхищенія Алексѣй Степанычъ: онъ отправлялъ нарочнаго съ радостнымъ извѣстіемъ къ Степану Михайловичу, написалъ письмо къ старикамъ и къ сестрѣ Аксиньѣ Степановнѣ, прося ее пріѣхать какъ можно скорѣе крестить его сына. Алексѣй Степанычъ чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ еще мокраго нѣмца; домашнихъ же своихъ онъ давно

уже всѣхъ перецѣловалъ и со всѣми поплакалъ. Софья Николавна . . . но я не смѣю и подумать выразить словами ея чувства. Это было упоеніе, блаженство, которое не всѣмъ дается на землѣ и не надолго.

Рожденіе сына произвело необыкновенное веселье въ домѣ; даже сосѣди отчего то повеселѣли. Вся прислуга Багровыхъ, опьянѣвъ сначала отъ радости, а потомъ отъ вина, пѣла и плясала на дворѣ; напились даже тѣ, которые никогда ничего не пивали; въ числѣ послѣднихъ былъ Ефремъ Евсеевъ, съ которымъ не могли сладить, потому что онъ все просился въ комнату къ барынѣ, чтобъ посмотрѣть на сынка; наконецъ жена, съ помощью Параши, плотно привязала Евсеича къ огромной скамейкѣ; но онъ и связанный продолжалъ подергивать ногами, щелкать пальцами и припѣвать, едва шевеля языкомъ: „ай, люли, ай, люли!“ . . .

Андрей Михайловичъ Клоусъ, уставъ отъ трудовъ и радостнаго волненія, сѣлъ, наконецъ, въ кресла и съ великимъ наслажденіемъ напился чаю; а какъ въ этотъ вечеръ онъ какъ то усерднѣе подливалъ рому, то и почувствовалъ послѣ третьей чашки, что у него зашумѣло въ головѣ. Приказавъ, чтобы новорожденному до утра не давали груди кормилицы, а поили однимъ ревеннымъ сиропомъ, онъ простился съ своими счастливыми хозяевами, поцѣловалъ ручонку новорожденнаго и поѣхалъ спать, съ тѣмъ, чтобы поранѣе навѣстить родильницу. Проходя черезъ дворъ, онъ увидѣлъ пляску и услышалъ пѣсни, которыя неслись изъ всѣхъ оконъ кухни и людскихъ. Онъ остановился, и хоть жаль было ему помѣшать веселью добрыхъ людей, но принялся онъ всѣхъ уговаривать, чтобъ перестали они пѣть и плясать, потому что барынѣ ихъ нуженъ покой. Къ удивленію его, всѣ послушались и при немъ же полегли спать. Выходя изъ воротъ, нѣмецъ бормоталъ про себя: „Какой счастливый малчишка! Какъ всѣ ему рады!“

И въ самомъ дѣлѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ родился этотъ младенецъ! Мать, страдавшая безпрестанно въ первую беременность, нося его, была совершенно здорова; никакія домашнія неудовольствія не возмущали въ это время жизни его родителей; кормилица нашласъ такая, какихъ матерей бываетъ немного, что, разумѣется, оказалось впослѣдствіи; желанный, прошенный и моленый, онъ не только отца и мать, но и всѣхъ обрадовалъ своимъ появленіемъ на бѣлый свѣтъ: даже осенній день былъ теперь какъ лѣтній!

Но что же происходило въ Багровѣ, когда пришла радостная вѣсть, что Богъ даровалъ Алексѣю Степанычу сына и наслѣдника? Въ Багровѣ происходило слѣдующее: съ пятнадцатаго сентября Степанъ Михайловичъ считалъ дни и часы и ждалъ каждую минуту нарочнаго изъ Уфы, которому велѣно было скакать день и ночь *на перемѣнныхъ*; это дѣло было тогда вновѣ, и Степанъ Михайловичъ его не одобрялъ, какъ пустую трату денегъ на ненужную тревогу для обывателей; онъ предпочиталъ ѣзду на своихъ; но важность и торжественность событія заставила его отступить отъ обычнаго порядка. Судьба не наказала его слишкомъ долгимъ ожиданіемъ; двадцать второго сентября, когда онъ почивалъ послѣ обѣда, пріѣхалъ нарочный съ письмами и доброю вѣстью. Просыпаясь отъ крѣпкаго сна, едва старикъ потянулся и крякнулъ, какъ ворвался Мазанъ и, запинаясь отъ радости, пробормоталъ: „Поздравляю, батюшка, Степанъ Михайловичъ, съ внучкомъ!“ Первымъ движеніемъ Степана Михайловича было перекреститься. Потомъ онъ проворно вскочилъ съ постели, босикомъ подошелъ къ шкапу, торопливо вытащилъ извѣстную намъ родословную, взялъ изъ чернильницы перо, провелъ черту отъ кружка съ именемъ „Алексѣй“, сдѣлалъ кружокъ на концѣ своей черты и въ серединѣ его написалъ: „Сергѣй“.

Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя, и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе, и худое! Вы не великіе герои, не громкія личности! въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ и мы, и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительны для потомковъ. Вы были такія же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ, такъ же добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и такъ же стоите воспоминанія. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь съ вами ваше потомство. Оно встрѣтило васъ съ сочувствіемъ и признало въ васъ братьевъ, когда и какъ бы вы ни жили, въ какомъ бы платьѣ ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ.

Конецъ семейной хроники.

Оглавленіе.

Отъ книгоиздательства „Русь“ V
Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ,
А. С. Хомякова VII
Воспоминаніе о С. Т. Аксаковѣ,
М. Н. Лонгинова XV
Предисловія С. Т. Аксакова къ первому и второму изданіямъ „Семейной хроники“ 3
Предувѣдомленіе И. С. Аксакова къ посмертному изданію 4
Первый отрывокъ изъ Семейной хроники:
Степанъ Михайловичъ Багровъ.
Переселеніе 7
Оренбургская губернія 19
Новыя мѣста 22
Добрый день Степана Михайловича 29
Второй отрывокъ:
Михаилъ Максимовичъ Куролесовъ 43
Третій отрывокъ:
Женитьба молодого Багрова 87
Четвертый отрывокъ:
Молодые въ Багровѣ 150
Пятый отрывокъ:
Жизнь въ Уфѣ 206

Другія изданія издательства „Русь“

Поступили въ продажу:

И. НАЖИВИНЪ, Записки о революціи.

П. ЖИЛЬЯРЪ. Императоръ Николай II и его семья съ предисловіемъ **С. Д. Сазонова.** Роскошное иллюстрированное изданіе съ 59 художественно исполненными воспроизведеніями фотографій, 1 факсимиле, 3 планами и картой, представляющее изъ себя **единственное полное** разрѣшенное авторомъ русское изданіе труда б. воспитателя Наслѣдника Цесаревича, описавшаго 13-ти лѣтнее свое пребываніе при Дворѣ, заключеніе Царской семьи въ Царскомъ Селѣ и Тобольскѣ, которое онъ съ нею раздѣлялъ и, наконецъ, трагическую кончину всѣхъ членовъ Императорской семьи въ Екатеринбургѣ.

К. ЛУКАШЕВИЧЪ, Славная Севастопольская оборона. Дѣтская книга съ 30 иллюстраціями.

Печатаются:

Сочиненія С. Т. АКСАКОВА, Дѣтсво Багрова-внука съ портретомъ автора и съ прилож. сказки „Аленькій цвѣточекъ“.

Сочиненія С. Т. АКСАКОВА, Воспоминанія, повѣсть „Наташа“, Буранъ и Очеркъ зимняго дня.

ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ. Духовныя основы жизни (О природѣ, о смерти, о грѣхѣ, о законѣ и благодати. О молитвѣ, о жертвѣ и милостынѣ, о постѣ, о христіанствѣ, о церкви, о христіанскомъ государствѣ и обществѣ. Образъ Христа, какъ провѣрка совѣсти).

К. ЛУКАШЕВИЧЪ, Одинъ изъ многихъ. Дѣтская книга съ 10 иллюстраціями.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3321
.A5
Z535
1922